

5 ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ М. Кляйн

Melanie Klein

Мелани
Кляйн

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Эдипов комплекс

ТОМ 5

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
МЕЛАНИ КЛЯЙН

Melanie Klein

PSYCHOANALYTICAL WORKS

**«THE OEDIPUS COMPLEX
IN THE LIGHT OF EARLY ANXIETIES»
AND OTHER WORKS 1945–1952**

Мелани Кляйн

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

**«Эдипов комплекс
в свете ранних тревог»
и другие работы 1945–1952 гг.**

Том 5

Перевод с английского

УДК 159.923

ББК 88.52

К526

Издание выходит с 2007 года

Перевод с английского

*М.Л. Мельниковой, А.Н. Ниязовой,
И.П. Плеховой, О.К. Ролиной*

Кляйн, М.

К526 Психоаналитические труды: В 7 т. / Мелани Кляйн. —
Пер. с англ. под науч. ред. С.Ф. Сироткина и М.Л. Мель-
никовой. — Ижевск: ERGO, 2007.

ISBN 978-5-98904-019-3

Т. V: «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы
1945–1952 гг. — 2009. — XII + 312 с.

ISBN 978-5-98904-054-4

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые по-
пытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Тексты М. Кляйн публикуются с разрешения The Random House Group Ltd
и Andrew Nurnberg Associates International Ltd:

© The Random House Group Ltd, London, UK, 1998

© The Melanie Klein Trust, 1975

Издание на русском языке:

© ООО Издательский дом «ERGO», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей

Об этом томе	IX–XII
--------------------	--------

Тексты

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС В СВЕТЕ РАННИХ ТРЕВОГ (1945а)	3–67
---	------

Предварительные замечания издателей	4
---	---

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ ШИЗОИДНЫХ МЕХАНИЗМАХ (1946а)	69–101
--	--------

Предварительные замечания издателей	70
---	----

О ТЕОРИИ ТРЕВОГИ И ВИНЫ (1948а)	103–127
---------------------------------------	---------

Предварительные замечания издателей	104
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

К «ВКЛАДАМ В ПСИХОАНАЛИЗ 1921–1945» (1948f [1947])	129–131
--	---------

Предварительные замечания издателей	130
---	-----

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ АНАЛИЗА [1] (1949а)	133–135
--	---------

Предварительные замечания издателей	134
---	-----

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ АНАЛИЗА [2] (1949b)	137–139
--	---------

Предварительные замечания издателей	138
---	-----

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА (1950а)	141–148
---	---------

Предварительные замечания издателей	142
---	-----

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ АНАЛИЗА [3] (1950b)	149–152
--	---------

Предварительные замечания издателей	150
---	-----

[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ

ПО ПСИХИАТРИИ] (1952a [1950])	153–159
-------------------------------------	---------

Предварительные замечания издателей	154
---	-----

ИСТОЧНИКИ ПЕРЕНОСА (1952b [1951])	161–163
---	---------

Предварительные замечания издателей	162
---	-----

ИСТОЧНИКИ ПЕРЕНОСА (1952c)	165–178
----------------------------------	---------

Предварительные замечания издателей	166
---	-----

ВЗАИМНЫЕ ВЛИЯНИЯ В РАЗВИТИИ ЭГО И ИД (1952d)	179–185
--	---------

Предварительные замечания издателей	180
---	-----

Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца (1952e)	187—230
Предварительные замечания издателей	188
О наблюдении за поведением младенцев (1952f)	231—267
Предварительные замечания издателей	232
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «О воспитании детей» (1952g)	269—271
Предварительные замечания издателей	270
ПОСТСКРИПТУМ К «О воспитании детей» (1952h)	273—277
Предварительные замечания издателей	274

APPENDIX

Библиография	281
Лист сокращений	285
Лист пациентов	286
Именной указатель	287
Предметный указатель	290

От издателей

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

В настоящий том Собрания сочинений Мелани Кляйн вошли работы, написанные ею в 1945—1952 гг.

В работах указанного периода М. Кляйн предстает зрелым автором, предельно ясно излагающим свои позиции и твердо отстаивающим их. Содержание данного тома охватывает исследование ряда ведущих проблем теории и практики психоанализа.

Том открывает объемная статья «Эдипов комплекс в свете ранних тревог», в которой Кляйн представляет финальную формулировку эдипова комплекса, раскрывающую новый взгляд на классический психоаналитический конструкт. В основе работы лежат материалы анализа двух детей-пациентов — мальчика латентного возраста Ричарда и маленькой девочки Риты. Иллюстрируя свои идеи примерами из психоаналитической работы с этими детьми, М. Кляйн приходит к выводу о том, что эдипов комплекс обнаруживается на более ранних, чем было принято считать, прегенитальных стадиях развития. Основными составляющими ранних эдиповых переживаний выступают фантазии ребенка о материнском теле, его содержимом и своем собственном внутреннем пространстве. В данной работе Кляйн демонстрирует значимость либидиноznого отношения ребенка к материнской груди и отцовскому пенису, а также высказывает мнение, что исходной точкой эдипова комплекса является вина, связанная с деструктивными стремлениями ребенка по отношению к этим первичным объектам.

Центральное место в данном томе занимают статьи, еще при жизни Кляйн изданные в сборнике «Развития в психоанализе». Три из четырех опубликованных в этом сборнике работ М. Кляйн явились результатом переработки обширного доклада, представленного ею в Британском психоаналитическом обществе во время дискуссий, обсуждавших ее работу. Данные статьи дают наиболее четкое представление идей Кляйн относительно раннего эмоционального развития, фактически разворачивая основные положения ее теории объектных отношений.

В работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» М. Кляйн впервые представляет подробное описание психических процессов, происходящих в первые три месяца жизни. Период, ранее названный параноидной

позицией, здесь получает название параноидно-шизоидной позиции. Кляйн определяет характеристики раннего Эго, форму его объектных отношений и тревоги и в связи с этим освещает природу шизоидных состояний, идеализации, дезинтеграции Эго. Она также описывает проективные процессы, связанные с расщеплением, для которых вводит термин «проективная идентификация». Все это создает основу для нового понимания природы шизофрении.

Статья «О теории тревоги и вины» — первая и единственная работа, полностью посвященная феномену тревоги, изучением которого Кляйн занималась на протяжении двадцати пяти лет. В этой статье собраны воедино все ее теории о тревоге и вине, включая сходство и расхождение со взглядами Фрейда. Здесь разворачивается подробное обсуждение страха смерти, где Кляйн в противовес Фрейду доказывает, что страх смерти является фундаментальной тревогой.

Работа «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» представляет наиболее полное исследование развития в период с рождения до латентного возраста. Среди вопросов, вызывающих наибольший интерес в данной статье, — разворачивающееся в двух направлениях описание расщепления. Во-первых, Кляйн проясняет связь расщепления и вытеснения, а во-вторых, описывает конкретную форму, в которой расщепление проявляется в депрессивной позиции. В этой работе также имеется первое ясное описание концепта отдельных внутренних родителей, счастливо связанных друг с другом, рассматриваемого как удовлетворительное развитие примитивной фигуры комбинированных враждебных родителей. Кроме того, в данной статье Кляйн предлагает пересмотренную хронологию инфантильной агрессии.

Логичным дополнением предыдущей работы является статья «О наблюдении за поведением младенцев». В настоящей работе наблюдаемые умладенцев и маленьких детей переживания и детали поведения объясняются и освещаются с помощью сформулированной в предыдущей работе теории раннего эмоционального развития. Теоретический интерес представляет четкая формулировка давно выдвигавшейся Кляйн гипотезы о том, что у младенца есть врожденное бессознательное знание уникального хорошего объекта, материнской груди.

Данный том также содержит ряд небольших работ, рассматривающих значимые для психоаналитического процесса проблемы в свете последних теоретических разработок Мелани Кляйн.

Проблеме завершения психоаналитического лечения посвящена работа «О критериях завершения анализа», представленная в томе в четырех версиях.

Две из них являются тезисами и резюме выступления М. Кляйн в августе 1949 года на XVI Международном психоаналитическом конгрессе в Цюрихе. Две другие представляют собой полную и сокращенную версии статьи. Здесь М. Кляйн формулирует идею о том, что основополагающим условием завершения анализа является проработка персекutorialной и депрессивной тревог. Окончание анализа, по мнению Кляйн, связано с естественным усилением тревоги, возникающим из-за неопределенности и ухода из привычной ситуации. Но именно проработка отражающихся в возникшей тревоге перед завершением анализа более ранних персекutorialной и депрессивной тревог помогает поставить точку в психоаналитической работе. Таким образом, Кляйн вводит и обосновывает новый аспект, проводящий в психоаналитической ситуации более яркие переживания, — это анализ ранних потерь и раннего переживания скорби.

Другая работа, «Источники переноса», также публикуемая в двух версиях, посвящена одному из важнейших феноменов психоаналитического процесса. Первая версия излагает ключевые вопросы доклада М. Кляйн, представленного в августе 1951 года на XVII Международном психоаналитическом конгрессе в Амстердаме. Вторая является развернутой статьей на указанную тему. Это единственная статья Кляйн, посвященная проблеме переноса, в которой она собирает воедино свои идеи, касающиеся данного феномена. Ее концепция переноса включает «все ситуации», переносимые из прошлого в настоящее, поэтому интерпретации, как она считает, должны охватывать как ранние объектные отношения, оживающие и развивающиеся в переносе, так и бессознательные элементы текущей жизни пациента. Кроме того, данная статья содержит единственное обсуждение первичного нарцисизма, включая описание связи ее идей с взглядами Фрейда.

В том включен текст выступления М. Кляйн на I Всемирном конгрессе по психиатрии, проходившем в Париже в сентябре 1950 года. Здесь Кляйн останавливается на разногласиях в позициях своей группы и группы Анны Фрейд, касающихся понимания природы ранних психических конфликтов и развития объектных отношений. Для Кляйн центральным пунктом является наличие в психической жизни ранних персекutorialных тревог, динамика и преобразование которых создают основу для формирования первичных отношений с объектами.

В работе «Взаимные влияния в развитии Эго и Ид» М. Кляйн рассматривает вклад влечений Оно в формирование первичных функций Я, в частности, ранних защит. Она показывает, что фантазийная жизнь, являясь психиче-

ским следствием деятельности влечений, обеспечивает развитие Я в раннем возрасте, касаясь функций интеграции и интеллекта.

Три небольшие работы, вошедшие в данный том, являются вводными или заключительными статьями к двум сборникам статей. «Предисловие к “Вкладам в психоанализ 1921–1945”» является краткой заметкой, открывающей вышедший в 1948 году сборник ее статей. Первые восемь работ этого сборника помещены в том I настоящего издания, последующие девять находятся в томе II, наконец, последняя статья открывает настоящий том. Две другие работы представляют собой предисловие и постскриптум к опубликованному в 1936 году сборнику работ разных авторов «О воспитании детей».

ТЕКСТЫ

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС В СВЕТЕ РАННИХ ТРЕВОГ

(1945a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском языке:

1945: The Oedipus complex in the light of early anxieties. // International Journal of Psychoanalysis. — 1945. — Vol. 26. — P. 11—33.

1948: Idem. // Klein, M. Contributions to Psycho-Analysis 1921—1945. — London: Hogarth Press, 1948. — P. 339—390.

В данной статье развитие эдиповой ситуации иллюстрируется на основе анализа двух детей-пациентов — Ричарда, мальчика, материалы анализа которого полностью представляются в работе «Отчет об анализе ребенка» (1961а), и Риты, маленькой девочки, материалы анализа которой часто фигурировали в ранних работах. Эта работа представляет собой итоговую формулировку Кляйн своей позиции относительно эдипова комплекса. Ряд идей, связанных с проблемой эдипова комплекса и его влияния на развитие ребенка, были высказаны также в статье «Ранние стадии эдипова конфликта» (1928а) и книге «Психоанализ детей» (1932б).

В своей концепции Кляйн придерживается следующих положений: эдипов комплекс обнаруживается на более ранних прегенитальных стадиях развития, что дополняет взгляд Фрейда на эдипову ситуацию; составляющими эдиповых переживаний являются фантазии ребенка о материнском теле, его содержимом и своем собственном внутреннем пространстве; значимым для ребенка является либидинозное отношение к материнской груди и отцовскому пенису; вина, связанная с деструктивными стремлениями ребенка, является исходной точкой эдипова комплекса и оказывает влияние на весь ход его развития.

Развивая идею ранних стадий эдипова комплекса, Кляйн указывает, что его начало совпадает с разворачиванием депрессивной позиции, когда уменьшается персекutorialная тревога и на передний план выходят переживания любви. Ребенок пытается интегрировать свою любовь и ненависть, это ведет к появлению репаративных сексуальных фантазий, имеющих цель исправления эффектов агрессии.

Последующие обсуждения проблемы эдипова комплекса представлены в некоторых более поздних работах: в статье «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» (1952д) описывается взаимосвязь эдипова комплекса и депрессивной позиции; в работе «Зависть и благодарность» (1957б) говорится о вредном влиянии зависти на эдипову ситуацию.

Перевод с английского А.Н. Нязовой.

На русском языке публикуется впервые.

ВВЕДЕНИЕ

Представляя данную работу, я преследую две цели. Я намереваюсь выделить несколько типичных ранних ситуаций тревоги и показать их связь с эдиповым комплексом. Поскольку эти тревоги и защиты являются частью инфантильной депрессивной позиции, как я ее понимаю, я надеюсь пролить свет на связь между депрессивной позицией и либидинозным развитием. Вторая моя цель — сравнить мои выводы об эдиповом комплексе со взглядами Фрейда на этот вопрос.

Свои доводы я проиллюстрирую короткими отрывками из историй двух случаев. В отношении обоих случаев можно было бы привести большое количество деталей как о взаимоотношениях в семье пациентов, так и об использованной технике. Однако я ограничусь наиболее существенными с точки зрения рассматриваемого вопроса деталями материала.

Оба ребенка, чьи случаи я буду использовать для иллюстрации своих доводов, серьезно страдали от эмоциональных трудностей. Используя такой материал в качестве основы выводов о нормальном ходе эдипова развития, я следую методу, хорошо апробированному психоанализом. Во многих своих работах Фрейд оправдал такого рода подход. Например, в одном месте он говорит: «С другой стороны, нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения, которые без этого ускользнули бы от нас»¹.

Отрывки из истории случая, илюстрирующие эдипово развитие мальчика

Материалы, которыми я буду иллюстрировать свои взгляды на эдипово развитие мальчика, взяты из анализа мальчика десяти лет.

¹ Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]). // G. W. — Bd. XV. (S. E. — Vol. 22. — P. 121.)

Его родители были вынуждены искать для него помощь, поскольку некоторые его симптомы развились настолько, что для него стало невозможным ходить в школу. Он очень сильно боялся детей и из-за этого страха все больше и больше избегал ходить один. Кроме того, его родителей сильно волновало прогрессирующее на протяжении нескольких лет торможение его способностей и интересов. Вдобавок к этим симптомам, не позволявшим ему посещать школу, он был чрезмерно озабочен своим здоровьем, что зачастую становилось предметом депрессивных настроений. Эти трудности проявляли себя в его внешности, поскольку выглядел он весьма обеспокоенным и несчастным. Временами, однако — и это становилось удивительным во время аналитических сессий, — депрессия исчезала, и тогда внезапная жизнь и искра появлялись в его глазах и совершенно меняли его лицо.

Ричард был одаренным ребенком, во многом развитым не по годам. Он был очень музыкальным, что проявилось уже в раннем возрасте. Чрезвычайно любил природу, но только в ее лучших проявлениях. Его артистические наклонности проявлялись, например, в подборе слов и в чувстве драматизма, что оживляло его беседу. Он не мог найти общий язык с детьми, но прекрасно общался со взрослыми, особенно в компании женщин. Он старался произвести на них впечатление своими способностями вести беседу и снискать их расположение вполне взрослым поведением.

Период грудного вскармливания Ричарда был коротким и неудовлетворительным. Он всегда был слабым ребенком, с младенчества страдал от простуд и болезней. Он перенес две операции (обрезание и удаление миндалин) между двумя и шестью годами. Семья жила в скромных, но комфортабельных условиях. Атмосфера в доме была не совсем счастливая. Был определенный недостаток тепла и общих интересов между его родителями, хотя явных проблем не было. Ричард был вторым из двух детей, его брат на несколько лет старше. Его мать, хотя и не больная в клиническом смысле, была депрессивного типа. Она очень беспокоилась по поводу любых болезней Ричарда, не было сомнений, что ее установка способствовала его ипохондрическим страхам. Ее отношение к Ричарду в некоторых отношениях было неудовлетворительным; в то время как старший брат преуспевал в школе и принимал большую часть материнской

любви, Ричард, скорее, был разочарованием для нее. Хотя он был предан ей, с ним было крайне трудно. У него не было интересов и хобби, которыми он мог бы занять себя. Он был чрезмерно тревожным и любящим по отношению к своей матери и цеплялся за нее весьма настойчиво и утомительно.

Его мать расточала на него огромную заботу и в некоторых отношениях баловала его, но по-настоящему не ценила менее явные стороны его характера, такие как огромную врожденную способность к любви и доброте. Она не могла понять, что ребенок очень сильно ее любит, и сомневалась в его будущем развитии. В то же время она была терпеливой, общаясь с ним, например, она не предпринимала попыток заставить его общаться с другими детьми или ходить в школу.

Отец Ричарда любил его и был добром к нему, но, казалось, всю ответственность за воспитание мальчика переложил на мать. Как показал анализ, Ричард считал, что отец слишком терпелив к нему и слишком мало проявляет свой авторитет в семейном кругу. Старший брат в основном был дружелюбным и терпеливым с Ричардом, однако у мальчиков было очень мало общего.

Начало войны весьма существенно усилило трудности Ричарда. Он был эвакуирован со своей матерью, с целью анализа они переехали в маленький городок, где я жила в то время, брата же отправили с его школой. Отъезд из дома очень расстроил Ричарда. Кроме того, война пробудила все его тревоги, особенно он пугался воздушных налетов и бомб. Он внимательно слушал все новости и проявлял огромный интерес к изменениям в военной ситуации, и в ходе анализа эта озабоченность всплывала вновь и вновь.

Несмотря на трудности в семейной ситуации — равно как и серьезные трудности в ранней истории Ричарда, — на мой взгляд, тяжесть его болезни нельзя объяснить только этими обстоятельствами. Как и в любом случае, мы должны принять во внимание внутренние процессы, происходящие из и взаимодействующие с конституциональными факторами, а также факторами окружающей среды. Однако я не могу здесь подробно рассматривать взаимодействие всех этих факторов. Ограничусь тем, что покажу влияние определенных ранних тревог на генитальное развитие.

Анализ проводился в маленьком городке недалеко от Лондона, в доме, владельцы которого в то время отсутствовали. Это была

не такая игровая комната, которую я бы выбрала, т. к. я не смогла убрать некоторые книги, картины, карты и т. д. У Ричарда было особое, почти личное отношение к этой комнате и к дому, который он идентифицировал со мною. К примеру, он часто с любовью говорил о нем и обращался к нему, говорил ему «до свидания» прежде, чем уйти в конце сеанса, а иногда с особой заботой расставлял мебель, что, как он считал, делало комнату «счастливой».

В ходе анализа Ричард нарисовал несколько рисунков¹. Первое, что он нарисовал, была морская звезда, парящая около растения под водой, он объяснил мне, что это голодный ребенок, который хочет съесть растение. День или два спустя в его рисунках появился осьминог с человеческим лицом, гораздо больше морской звезды. Этот осьминог репрезентировал его отца и отцовские гениталии в опасных аспектах и позднее бессознательно был приравнен к «монстру», с которым мы встретимся в данном материале. Рыбоподобная форма вскоре привела к рисунку, составленному из различных цветных секций. Четыре основных цвета в этом типе рисунка — черный, голубой, пурпурный и красный — символизировали его отца, мать, брата и его самого соответственно. В одном из первых рисунков, в котором были использованы эти четыре цвета, он представил черное и красное карандашами, марширующими по направлению к рисунку с сопровождающими шумами. Он объяснил, что черный — это его отец, и сопроводил движение карандаша имитацией звука марширующих солдат. Следом шел красный, и Ричард сказал, что это он сам, и, пододвигая карандаш, запел веселую мелодию. Раскрашивая голубые секции, он сказал, что это его мать, а заполняя пурпурные секции, сказал, что его брат очень милый и помогает ему.

Рисунок представлял империю, разные секции обозначали разные страны. Важно, что его интерес к военным событиям сыграл значительную роль в его ассоциациях. Он часто обращал свой взор на карту и смотрел на страны, захваченные Гитлером,

---

¹ Прилагаемые репродукции срисованы с оригиналов и несколько уменьшены в размерах. Оригиналы были нарисованы карандашом и раскрашены цветными мелками. По возможности различные цвета обозначены разной маркировкой. Однако на рис. 3 подводные лодки должны быть черного цвета, флаги — красного, а рыбки и морская звезда — желтого.

и была очевидной связь между странами на карте и его собственной империей на рисунках. Рисунки империи репрезентировали мать, которую захватывали и атаковали. Отец обычно оказывался врагом; Ричард же и его брат фигурировали в рисунках в разных ролях, иногда как союзники матери, иногда как союзники отца.

Эти схематичные рисунки, похожие на первый взгляд, сильно варьировались в деталях — вообще, не было двух совершенно одинаковых. Значимым было то, как он выполнял эти рисунки или по какому поводу было сделано большинство из них. Он начинал без определенного плана и зачастую удивлялся, увидев конечный рисунок.

Он использовал различные виды игрового материала, например, карандаши или цветные карандаши, которыми выполнял свои рисунки, в его игре также представляли людей. Вдобавок он принес собственных игрушечных овец, две из которых всегда обозначали его родителей, тогда как другие овцы играли разные роли.

В целях изложения я ограничила выбор материала несколькими примерами, по большей части взятыми из шести аналитических сеансов. На этих сеансах — отчасти по внешним обстоятельствам, которые я буду обсуждать позднее, — на время сильнее проявились определенные тревоги. Они были уменьшены интерпретацией, и произошедшие изменения пролили свет на влияние ранних тревог на генитальное развитие. Эти изменения, которые были лишь шагом к более полной генитальности и стабильности, уже были предсказаны в анализе Ричарда ранее.

Что касается интерпретаций, представленных в данной работе, само собой разумеется, я выбрала наиболее подходящие к изучаемому вопросу. Я буду пояснять, какие интерпретации были даны самим пациентом. В дополнение к интерпретациям, которые я давала пациенту, работа содержит ряд выводов, сделанных из материала, и я не буду каждый раз проводить различие между этими двумя категориями. Последовательное разграничение такого рода потребует большого количества повторений и затуманит основные результаты.

Ранние тревоги, препятствующие эдипову развитию

За отправную точку я возьму возобновление анализа после перерыва в десять дней. К тому времени анализ продолжался шесть недель. Во время этого перерыва я находилась в Лондоне, а у Ричарда были каникулы. Он никогда не присутствовал при воздушных налетах, и его страхи воздушных налетов были связаны с Лондоном как с наиболее опасным местом. Поэтому он считал, что для меня поездка в Лондон означает разрушение и смерть. Это прибавилось к тревоге, возникшей у него из-за прерывания анализа.

Вернувшись, я нашла Ричарда очень обеспокоенным, он был в депрессии. На протяжении всего первого сеанса он практически не смотрел на меня и либо сидел неподвижно в кресле, не поднимая глаз, либо беспокойно выходил в примыкающую кухню и сад. Несмотря на выраженное сопротивление, он все-таки задал мне несколько вопросов: «Много ли я видела «разрушений» в Лондоне? Были ли воздушные налеты в то время, когда я была там? Был ли в Лондоне грозовой дождь?»

Первое, что он сказал мне, что ему было ненавистно возвращение в город, где проходил анализ, и назвал город «свинарником» и «ночным кошмаром». Вскоре он вышел в сад, где более свободно оглянулся. Он увидел несколько поганок, которые показал мне, содрогаясь и говоря, что они ядовиты. Зайдя обратно в комнату, он взял с полки книгу и определенно указал мне на картинку, где маленький человек сражался с «ужасным монстром».

На второй день после моего возвращения Ричард с большим сопротивлением рассказал мне о разговоре с матерью во время моего отсутствия. Он сказал матери, что очень беспокоится о появлении у него детей в дальнейшем, и спросил, сильно ли это повредит ему. В ответ она, уже не в первый раз, объяснила ему роль мужчины в размножении, после чего он сказал, что не хочет засовывать свои гениталии в чьи-нибудь еще гениталии: это напугало его и доставило огромное беспокойство.

В своей интерпретации я связала этот страх с городом-«свинарником». В его психике он обозначал мою «внутреннюю часть» и «внутреннюю часть» матери, ставших плохими из-за грозовых дождей и гитлеровских бомб. Все они презентировали «плохой»

пенис отца, входящий в тело матери и превращающий его в опасное и подверженное опасности место. «Плохой» пенис внутри матери символизировали и ядовитые поганки, выросшие в саду в мое отсутствие, а также монстр, с которым сражался маленький человек (репрезентировавший его самого). Фантазия о том, что мать содержит деструктивные гениталии отца, отчасти была причиной его страхов сексуального акта. Эта тревога пробудилась и усилилась моей поездкой в Лондон. К его тревогам и переживаниям вины во многом добавились его собственные агрессивные желания, касающиеся сексуального акта родителей.

Существовала тесная связь между страхом Ричарда перед «плохим» пенисом отца, находящимся внутри матери, и его фобией детей. Оба эти страха были тесно связаны с его фантазиями о «внутренней части» матери как о месте опасности, поскольку он считал, что атаковал и повредил воображаемых детей внутри материнского тела, и они стали его врагами. Большая часть его тревоги была перенесена на детей во внешнем мире.

Первое, что сделал Ричард со своим флотом во время этих сеансов, — столкнул разрушителя, которого назвал «Вампиrom», с военным кораблем «Родни», всегда репрезентировавшим мать. Сразу же возникло сопротивление, и он быстро все привел в порядок. Однако когда я спросила его, кого обозначает «Вампир», он ответил — хотя и неохотно — что это он сам. Внезапное сопротивление, заставившее его прервать игру, пролило некоторый свет на вытеснение его генитальных желаний по отношению к матери. Оказалось, что столкновение одного корабля с другим в его анализе неоднократно символизировало сексуальный акт. Одной из основных причин вытеснения его сексуальных желаний был страх деструктивности сексуального акта из-за того, что — как предполагает название «Вампир» — он приписывал ему орально-садистический характер.

Сейчас я проинтерпретирую рис. 1 (см. с. 22), иллюстрирующий ситуации тревоги Ричарда на данном этапе анализа. Как мы уже знаем, в схематичных рисунках красное всегда обозначало Ричарда, черное — отца, пурпурное — брата, а голубое — мать. Закрашивая красные секции, Ричард сказал: «Это русские». Хотя русские стали нашими союзниками, он относился к ним очень подозрительно. Поэтому, обращаясь к красному (к самому себе) как

к подозрительным русским, он показал мне, что боится собственной агрессии. Именно страх заставил его прекратить игру во флот в тот момент, когда он осознал, что он и есть «Вампир» в сексуальном приближении к матери. Рис. 1 выражал его тревоги по отношению к материнскому телу, атакуемому плохим Гитлером-отцом (бомбы, грозовые дожди, ядовитые поганки). Как мы увидим при обсуждении его ассоциаций к рис. 2, вся империя в целом репрезентировала материнское тело и была пронизана его собственными «плохими» гениталиями. В рис. 1, однако, пронизывание было сделано тремя гениталиями, репрезентирующими трех мужчин в семье: отца, брата и его самого. Мы знаем, что во время этого сеанса Ричард выразил свой ужас по поводу сексуального акта. К фантазии о деструкции, угрожающей матери со стороны «плохого» отца, добавилась опасность со стороны агрессии Ричарда, поскольку он идентифицировал себя с «плохим» отцом. Его брат тоже выступил в качестве атакующего. На этом рисунке мать (голубое) вмещает плохих мужчин или, в конечном счете, их плохие гениталии, и поэтому ее тело подвергается опасности и является местом опасности.

Некоторые ранние защиты

Тревога Ричарда по поводу своей агрессии, особенно орально-садистических тенденций, была очень сильной и привела к острой внутренней борьбе со своей агрессией. Временами эту борьбу можно было ясно видеть. Важно, что в моменты гнева он скрежетал зубами и двигал челюстями, как будто кусался. Из-за силы орально-садистических импульсов он чувствовал опасность нанести вред матери. Он нередко спрашивал, даже после вполне безобидных замечаний, адресованных матери или мне: «Я поранил твои чувства?» Страх и вина, относящиеся к его деструктивным фантазиям, формировали всю его эмоциональную жизнь. Дабы сохранить свою любовь к матери, он снова и снова пытался сдержать свою ревность и обиды, отрицая даже их очевидные причины.

Однако попытки Ричарда сдержать свою ненависть и агрессивность и отрицать свои обиды не были успешны. Вытесненный гнев по поводу фruстраций в прошлом и настоящем отчетливо проявился в ситуации переноса — например, в его реакции на фruстрацию,

вызванную перерывом в анализе. Мы знаем, что из-за моей поездки в Лондон в его психике я стала поврежденным объектом. Однако я была повреждена не только потому, что была подвержена опасности бомб, но и потому, что, фрустрировав его, возбудила в нем ненависть. Впоследствии он бессознательно переживал, что атаковал меня. В повторении ранних ситуаций фрустрации он стал — в своих фантазийных атаках на меня — идентифицироваться с бомбардирующими опасным Гитлером-отцом, и он боялся возмездия. Поэтому я превратилась во враждебную мстительную фигуру.

Раннее расщепление фигуры матери на хорошую и плохую «мать-грудь» как способ справиться с амбивалентностью было весьма заметно у Ричарда. Это разделение далее развилось в разделение между «матерью-грудью», которая была хорошей, и «матерью-гениталиями», которая была плохой. На этой стадии анализа его настоящая мать была «матерью-хорошой грудью», в то время как я стала «матерью-плохими гениталиями» и потому вызвала у него агрессию и страхи, связанные с этой фигурой. Я стала матерью, которая была повреждена отцом в сексуальном акте или соединена с «плохим» Гитлером-отцом.

То, что интерес Ричарда к гениталиям стал активным в это время, показал, например, его разговор с матерью о сексуальном акте, хотя в то время он большей частью выражил ужас. Но именно этот ужас заставил его отвернуться от меня как от «гениталий» матери и привел к настоящей матери как к хорошему объекту. Он достиг этого путем регрессии на оральную стадию. Пока я была в Лондоне, Ричард был как никогда неразлучен со своей матерью. Как он мне это выразил, он был «мамочкиным цыпленком», а «цыплята бегают за своими мамочками». Это бегство к матери-груди как защите от тревоги по поводу матери-гениталий не было успешным, поскольку Ричард добавил: «Но тогда цыплята должны обходиться без них, потому что курицы больше не смотрят за ними, не заботятся о них».

Фрустрация, пережитая в ситуации переноса из-за перерыва в анализе, возродила ранние фрустрации и обиды, в основном самую раннюю депривацию, испытанную в отношении к материнской груди. Поэтому вера в хорошую мать не могла быть сохранена.

Сразу же после столкновения между «Вампиrom» (он сам) и «Родни» (мать), которое я описала в предыдущем параграфе,

Ричард поставил рядом друг с другом военные корабли «Родни» и «Нельсон» (мать и отец), а затем в ряд несколько кораблей, репрезентировавших его брата, его самого и его собаку. Все они были поставлены, как он сказал, по возрасту. Здесь игра во флот выражала его желание восстановить гармонию и мир в семье разрешением родителям быть вместе и признанием авторитета отца и брата. Это подразумевало необходимость сдерживать ревность и ненависть, поскольку он считал, что только тогда он сможет избежать борьбы с отцом за обладание матерью. Таким способом он отражал свой кастрационный страх, более того, сохранял хорошего отца и хорошего брата. Прежде всего, он также сохранял мать от повреждений в борьбе между отцом и им самим.

Таким образом, над Ричардом господствовала не только потребность защитить себя от страха быть атакованным его соперниками, отцом и братом, но и обеспокоенность за хорошие объекты. Переживания любви и сильное побуждение возместить вред, причиненный в фантазии — вред, который повторится, если он не откажется от своей ненависти и ревности, — проявились с большей силой.

Однако мира и гармонии в семье можно достичь, ревность и ненависть можно сдержать, а любимые объекты можно сохранить, только если Ричард вытеснит свои эдиповы желания. Вытеснение эдиповых желаний включает в себя частичную регрессию к младенчеству, но эта регрессия связана с идеализацией отношений матери и ребенка, поскольку он хотел превратить себя в младенца, свободного от агрессии, в особенности от орально-садистических импульсов. Идеализация ребенка предполагает сопутствующую идеализацию матери, прежде всего, ее грудей: идеальная грудь никогда не фрустрирует, мать и ребенок пребывают в совершенно любящих отношениях друг к другу. Плохая грудь, плохая мать содержались в его психике очень далеко от идеальной матери.

Рис. 2 (см. с. 23) иллюстрирует некоторые методы борьбы Ричарда с амбивалентностью, тревогой и виной. Он показал мне красную секцию, «которая проходит сквозь всю мамину империю», но, быстро поправив себя, сказал: «Это не мамина империя, это просто империя, где у всех нас есть страны». Я проинтерпретировала, что он боялся признавать, что считал ее материнской империей, потому что

в таком случае красная секция пронизывала бы внутреннюю часть матери. Поэтому Ричард, взглянув на рисунок еще раз, предположил, что эта красная секция выглядела как «гениталии», и указал, что она разделила империю на две части: на Западе были страны, принадлежащие всем, в то время как часть на Востоке не содержала ничего принадлежащего матери — только ему, отцу и брату.

Левая сторона рисунка репрезентировала хорошую мать в тесной ассоциации с Ричардом, потому что на этой стороне рисунка было совсем немного от отца и относительно немного от брата. Напротив, на правой стороне («опасный Восток», с которым я ранее столкнулась в его анализе) появились воюющие мужчины или, скорее всего, их плохие гениталии. Мать исчезла из этой части рисунка, потому что, как он считал, ею завладели плохие мужчины. Этот рисунок выражал разделение на подверженную опасности плохую мать («мать-гениталии») и любящую, находящуюся в безопасности мать («мать-грудь»).

На первом рисунке, который я использовала для иллюстрации определенных ситуаций тревоги, уже можно увидеть некоторое подобие механизмов защиты, более ясно показанных на рис. 2. Хотя на рис. 1 голубая мать распространена по всему рисунку, и расщепление на «мать-гениталии» и «мать-грудь» не проявляется так ясно, как на рис. 2, попытка разделения такого рода может быть видна, если мы изолируем секцию по правому краю.

Понятно, что на рис. 2 на разделение повлияла особо острая и удлиненная секция, которую Ричард интерпретировал как гениталии. Таким способом он выразил веру в то, что мужские гениталии пронизывающие и опасные. Эта секция выглядит как длинный острый зуб или кинжал и, на мой взгляд, выражает оба эти значения: первый символизирует опасность для любимого объекта от орально-садистических импульсов, последний — опасность, относящуюся, как он считал, к генитальной функции как таковой из-за ее проникающей природы.

Эти страхи снова и снова способствовали его бегству к «матери-груди». Он мог достичь относительной стабильности в основном только на прегенитальном уровне. Дальнейшее движение либидо было затруднено, потому что тревога и вина были слишком велики, и Это было не в состоянии развить адекватные защиты. Поэтому генитальная организация не могла быть стабилизирована достаточным

образом, что подразумевает сильную тенденцию к регрессии. Взаимодействие феноменов фиксации и регрессии можно увидеть на каждом этапе его развития.

Уменьшенное вытеснение эдиповых желаний

Анализ различных ситуаций тревоги, описанных мною, полностью выдвинул на первый план эдиповы желания и тревоги Ричарда. Но его Это могло поддержать эти желания только усиленным использованием определенных защит (которые я рассмотрю в этом параграфе). Эти защиты, однако, могут стать эффективными только благодаря уменьшению некоторой тревоги путем анализа, что также подразумевает ослабление фиксаций.

Когда вытеснение генитальных желаний Ричарда было в некоторой степени усилено, страх кастрации проявился в ходе анализа отчетливее и получил различное¹ выражение с соответствующей модификацией в методах защиты. В ходе третьего сеанса анализа, по моему возвращению, Ричард вышел в сад и заговорил о своем желании залезть на горы, особенно Сноудон, о чем упоминал ранее в ходе анализа. Говоря об этом, он заметил на небе облака и предположил, что надвигается опасная буря. В такие дни, сказал он, он сочувствовал горам, потому что им приходилось туго, когда над ними бушевала буря. Это выражало его страх плохого отца, представленного в раннем материале бомбами и грозами. Желание залезть на Сноудон, символизирующее желание сексуального акта с матерью, мгновенно вызвало страх кастрации плохим

---

¹ Фрейд в своей работе «Инфантильная генитальная организация» [Freud, S. Die infantile Genitalorganisation (Eine Einschaltung in die Sexualtheorie) (1923e). // G. W. — Bd. XIII. — S. 293—298] описал инфантильную генитальную организацию как «фаллическую fazу». Одной из основных причин введения этого термина было то, что, на его взгляд, во время инфантильной генитальной fazы женские гениталии еще не обнаружены или не признаны, и что весь интерес сконцентрирован на пенисе. Мой опыт не подтверждает эту точку зрения; и я не думаю, что термин «фаллический» охватил бы обсуждаемый в этой работе материал. Поэтому я придерживаюсь первоначального термина Фрейда «генитальная fazа» (или «генитальная организация»). Я подробнее объясню причины выбора данного термина в общем теоретическом резюме, представленном в этой работе далее.

отцом, и надвигавшаяся буря, таким образом, означала опасность для матери и для него самого.

На этом же сеансе Ричард сказал, что собирается нарисовать пять рисунков. Он упомянул, что видел лебедя с четырьмя «очаровательными» маленькими лебедями. Играя с флотом, Ричард распределил один корабль мне и один — себе; я должна была отправиться в приятную прогулку на своем корабле, а он — на своем. Вначале он отодвинул свой корабль, но вскоре передвинул и поставил довольно близко к моему. Это соприкосновение кораблей в более раннем материале — а именно по отношению к его родителям — постоянно символизировало сексуальный акт. Следовательно, в этой игре Ричард выражал свои генитальные желания, а также надежду на потенцию. Он сказал, что пять рисунков, которые он собирался отдать мне, представляли его самого (лебедь), дающего мне — или, скорее, его матери — четырех детей (маленькие лебеди).

Несколько днями ранее, как мы уже видели, произошел тот же самый инцидент в игре с флотом: «Вампир» (Ричард) прикасался к «Родни» (матери). В тот раз это привело к резкой перемене в ходе игры, вызванной страхом Ричарда, что над его генитальными желаниями будут доминировать орально-садистические импульсы. Однако на протяжении следующих нескольких дней тревога в какой-то мере была смягчена, агрессия ослаблена, но в то же время некоторые методы защиты усилились. Следовательно, похожий инцидент в ходе игры (его корабль касается моего во время приятной прогулки) теперь мог иметь место, не вызывая при этом тревогу и вытеснение генитальных желаний.

Все возрастающая вера Ричарда в то, что он достигнет потенции, была связана с еще большей надеждой на то, что его мать можно уберечь. Теперь он мог позволить себе фантазию, что она полюбит его как мужчину и разрешит ему занять место отца. Это привело к надежде, что она станет его союзником и защитит от соперников. К примеру, Ричард брал голубой и красный мелки (мать и себя) и вертикально ставил их на столе бок о бок. Затем к ним придвинулся черный мелок (отец), но его прогонял красный, в то время как голубой мелок прогонял пурпурный (брата). Игра выражала желание Ричарда, чтобы мать в союзе с ним прогнала опасных отца и брата. Мать в качестве сильной фигуры, сражающейся против

плохих мужчин и их опасных гениталий, появилась также в ассоциации к рис. 2, поскольку он сказал, что голубая мать на Западе готовилась к сражению с Востоком и собиралась вернуть назад свои страны. Как мы знаем, с правой стороны рис. 2 она была сокрушена генитальными атаками трех мужчин: отца, брата и его самого. В рис. 4, который я опишу чуть позднее, Ричард, закрасив голубым большую часть рисунка, выразил надежду на то, что мать вернет утраченную территорию. А затем — восстановившись и возродившись — она сможет помочь и защитить его. Из-за надежды на восстановление и возрождение его хорошего объекта, что означало веру в то, что он сможет успешнее справиться со своей агрессией, Ричард смог сильнее пережить генитальные желания. Также, поскольку его тревога была ослаблена, он смог выплеснуть свою агрессию наружу и предпринять в своей фантазии бой с отцом и братом за обладание матерью. В его игре с флотом он поставил свои корабли так, что они сформировали длинную шеренгу, во главе с самым маленьким кораблем. Значение этой игры в том, что он захватил гениталии брата и отца и присоединил их к своим собственным. Он считал, что достиг потенции благодаря этой воображаемой победе над своими соперниками.

Рис. 3 (см. с. 24) представляет собой серию рисунков, в которых растения, морские звезды, корабли и рыбы изображены в различных комбинациях, часто появлявшихся во время анализа. Аналогично рисункам, изображавшим империю, существовала сильная вариация в деталях, но определенные элементы всегда презентировали один и тот же объект и ситуацию. Растения под водой обозначали гениталии матери; обычно он рисовал два растения на расстоянии друг от друга. Растения также обозначали груди матери, и когда одна из морских звезд находилась между растениями, это неизменно означало, что ребенок обладал грудями матери или имел с ней сексуальный акт. Заостренная фигура морской звезды представляла зубы и символизировала орально-садистические импульсы ребенка.

Начиная рисовать рис. 3, Ричард вначале нарисовал два корабля, затем большую рыбу и несколько маленьких вокруг нее. Рисуя их, он все больше и больше оживлялся и воодушевлялся и заполнил свободное пространство маленькими рыбками. Затем он привлек мое внимание к одной маленькой рыбке, на крытой плавником

«Мамы-рыбы» и сказал: «Это самый маленький малыш». Рисунок предполагает, что малыша кормит мать. Я спросила Ричарда, нет ли его самого среди маленьких рыбок, но он ответил, что нет. Он также сказал, что морская звезда между растениями — это взрослый, а морская звезда поменьше — подросток, и объяснил, что это его брат; он также указал, что перископ субмарины «Санфиш [Sunfish]» «был всунут в “Родни”». Я предположила, что «Санфиш» представляет его самого (солнце обозначает сына¹), а перископ, всунутый в «Родни» (мать), означает сексуальный акт с матерью.

Заявление Ричарда, что морская звезда между растениями — это взрослый, подразумевало, что это его отец, в то время как Ричард был представлен «Санфиш», кораблем, который был даже больше «Родни» (матери). Таким способом он выражал переворачивание отношения отец — сын. В то же время он указал на любовь к отцу и свое желание совершить репарацию, расположив морскую звезду-отца между растениями и таким образом ставя его в положение удовлетворенного ребенка.

Материал, представленный в данном параграфе, демонстрирует, что позитивная эдипова ситуация и генитальная позиция полнее выступили на передний план. Ричард, как мы видели, достигал этого разными методами. Одним из них стало перевоплощение отца в ребенка — ребенка, не лишенного удовлетворения и потому хорошего, в то время как сам он присовокупил себе пенис отца.

До этого Ричард, появлявшийся в разных ролях в данном типе рисунка, всегда узнавал себя и в роли ребенка, поскольку, находясь под давлением тревоги, он отступал к идеализированной роли удовлетворенного и любящего младенца. Сейчас же он впервые заявил, что его нет среди маленьких рыбок на рисунке. Это показалось мне еще одним индикатором усиления его генитальной позиции. Теперь он почувствовал, что сможет вырасти и стать сексуально потентным. Поэтому в своей фантазии он мог вместе с матерью производить детей, и ему больше не нужно было отводить себе роль ребенка.

Эти генитальные желания и фантазии, тем не менее, дали толчок различным тревогам, и попытка разрешить свои эдиповы конфликты, заняв место отца без борьбы с ним, была успешной лишь отчасти. Бок

¹ [В английском языке слова «солнце» (sun) и «сын» (son) звучат сходно.]

о бок с этим относительно мирным решением мы находим в рисунке доказательства страхов Ричарда, что отец подозревает о его генитальных желаниях по отношению к матери, внимательно следит за Ричардом и кастрирует его, поскольку, когда я интерпретировала Ричарду переворачивание ситуации отец — сын, он сказал мне, что самолет сверху был британским, и он патрулировал территорию. Нужно напомнить, что перископ субмарины, всунутый в «Родни», презентировал желание Ричарда иметь сексуальный акт с матерью. Это означало, что он пытался изгнать отца и поэтому ожидал, что отец будет подозревать его в этом. Затем я проинтерпретировала, что он имел в виду: отец не только был превращен в ребенка, но и присутствовал в роли родительского Супер-Эго, отца, следящего за ним и пытающегося помешать ему совершить сексуальный акт с матерью и угрожающего ему наказанием. (Патрулирующий самолет.)

Более того, я проинтерпретировала, что Ричард сам «патрулировал» своих родителей, поскольку он не только проявлял любопытство к их сексуальной жизни, но и бессознательно сильно желал вмешаться в нее и разлучить родителей.

Рис. 4 (см. с. 25) иллюстрирует тот же материал иначе. Раскрашивая голубые секции, Ричард напевал национальный гимн и объяснил, что его мать — королева, а он — король. Ричард стал отцом и приобрел потентные гениталии отца. Когда он закончил рисунок и взглянул на него, он сказал мне, что там «много мамы» и его самого и что они «могли на самом деле побить папу». Он показал, что плохого отца на рисунке было мало (черный цвет). Поскольку его отец был превращен в безобидного младенца, то, казалось, не было необходимости бить его. Тем не менее, Ричард был не очень уверен в этом всемогущем решении, что и продемонстрировал, сказав, что вместе с матерью смог бы при необходимости побить отца. Ослабление тревоги позволило встретиться лицом к лицу с соперничеством с отцом и даже борьбой с ним.

Раскрашивая пурпурные секции рисунка, Ричард напевал норвежский и бельгийский гимны и сказал, что «он в порядке». Небольшая площадь пурпурных секций (по сравнению с голубыми и красными) указывает на то, что брат тоже был превращен в ребенка. Распевание двух гимнов небольших союзных стран указало на то, что выражение «он в порядке» относилось к отцу и брату, ставшими

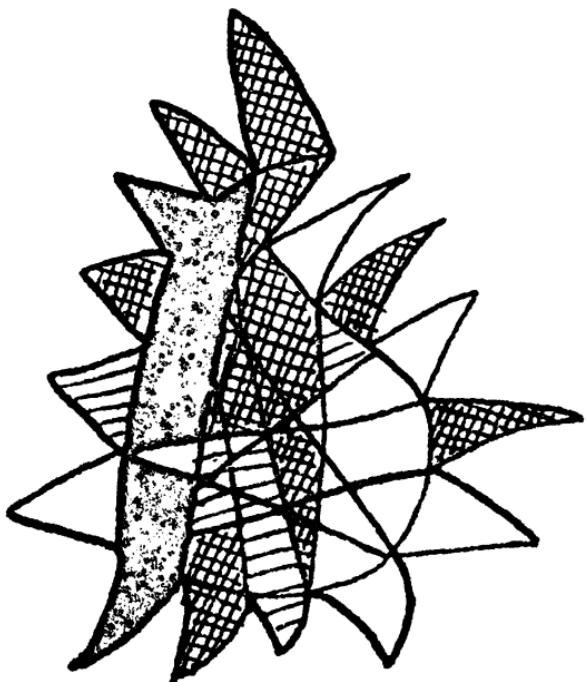
безобидными детьми. Вытесненная любовь к отцу на этом этапе анализа стала более открытой¹. Тем не менее, Ричард считал, что он не может устраниТЬ отца в его опасных аспектах. Более того, его собственные фекалии — поскольку до сих пор они бессознательно приравнивались к черному отцу — оказались для него источником опасности, который также нельзя устраниТЬ. Признание своей психической реальности демонстрируется тем, что черный цвет не был исключен из рисунка, хотя Ричард успокаивал себя, говоря, что на нем было совсем немного Гитлера-отца.

В различных способах, которые помогли укрепить генитальную позицию Ричарда, мы видим некоторые компромиссы, которые Эго пытается осуществить между требованиями Супер-Эго и Ид. Пока Ид-импульсы Ричарда удовлетворялись его фантазией о сексуальном акте с матерью, импульс убить отца был сорван, и упреки Супер-Эго, таким образом, были уменьшены. Требования Супер-Эго, тем не менее, были удовлетворены лишь отчасти, поскольку, хотя отец и был пощажен, он был изгнан из отношений с матерью.

Подобные компромиссы являются существенной частью каждой стадии нормального развития ребенка. Когда бы ни возникали сильные флюктуации между либидинозными позициями, защиты нарушаются, и необходимо искать новые компромиссы. Например, в предыдущем параграфе я показала, что, когда оральные тревоги Ричарда уменьшились, он пытался преодолеть конфликт между своими страхами и желаниями, отводя себе в фантазии роль идеального ребенка, который не нарушит семейный покой. Тем не менее, когда генитальная позиция была усиlena, и Ричард смог смелее смотреть в лицо страха кастрации, возник другой компромисс. Ричард сохранил свои генитальные желания, но избежал чувства вины, превратив отца и брата в детей, которых он произведет на свет вместе с матерью. Компромиссы подобного рода на любой стадии развития могут вызвать лишь относительную стабильность, если количество тревоги и вины не чрезмерно по отношению к силе Эго.

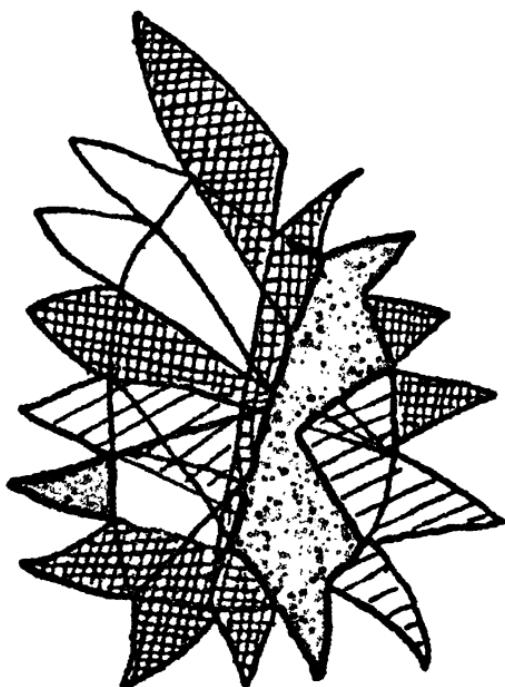
¹ Важно, что в то же самое время проявилось и либидинозное желание пениса отца, до этого сильно вытесненное, причем в самой первичной форме. Когда он вновь взглянул на рисунок монстра, с которым борется маленький человечек, Ричард сказал: «На монстра страшно смотреть, но его мясо может быть вкусным».

 ЧЕРНЫЙ
 ГОЛУБОЙ

 ПУРПУРНЫЙ
 КРАСНЫЙ

Рисунок 1

ЧЕРНЫЙ
 ГОЛУБОЙ

ПУРПУРНЫЙ
 КРАСНЫЙ

Рисунок 2

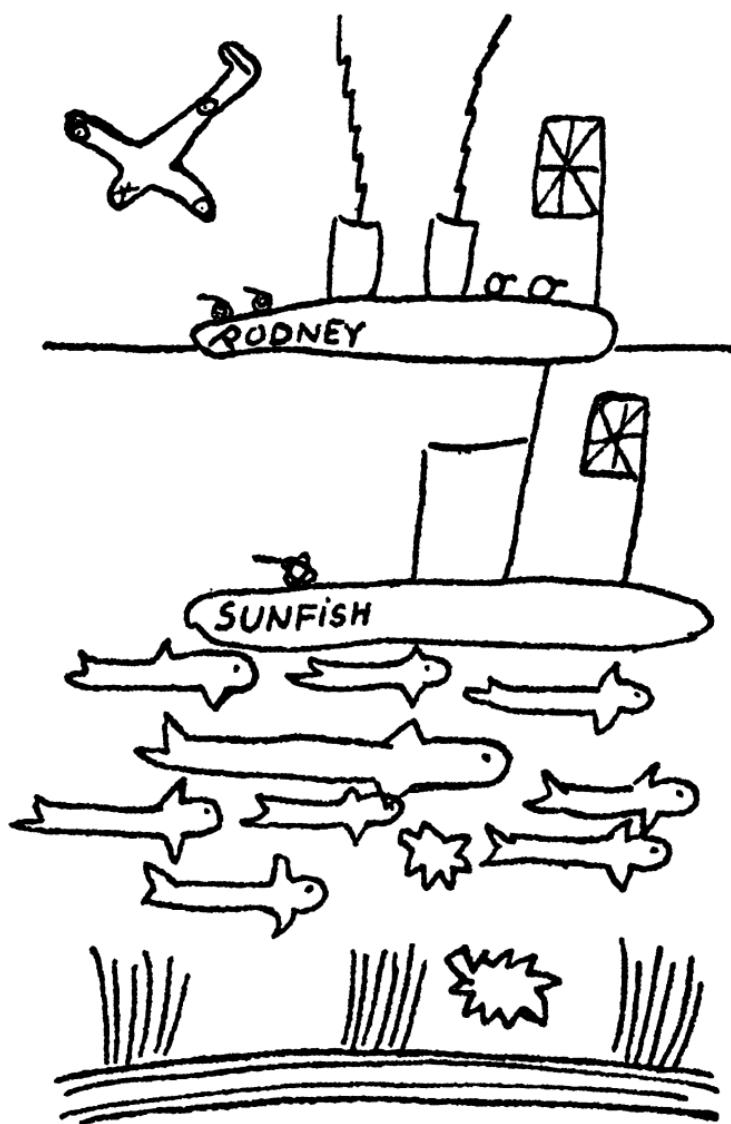
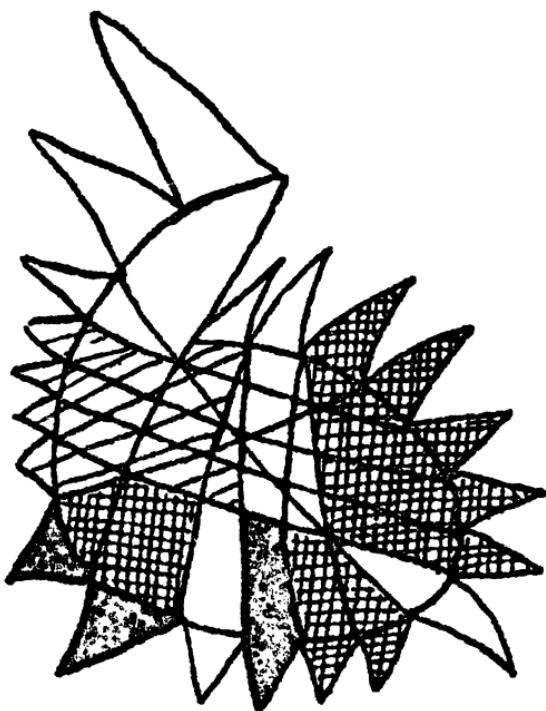

Рисунок 3

ЧЕРНЫЙ
ГОЛУБОЙ

ПУРПУРНЫЙ
КРАСНЫЙ

Рисунок 4

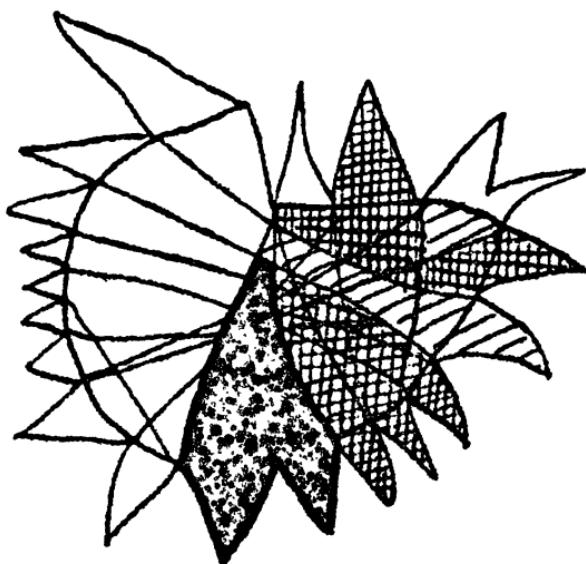
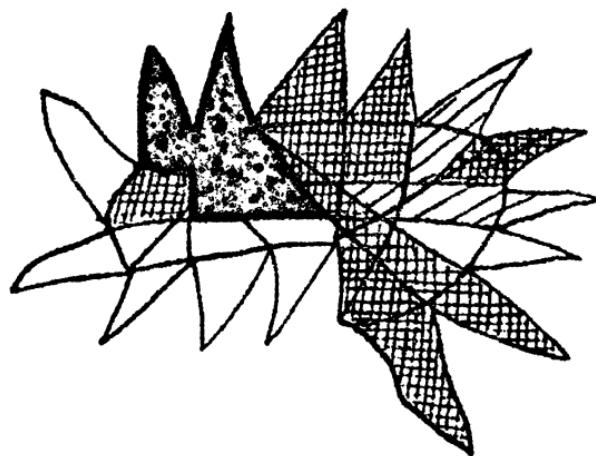

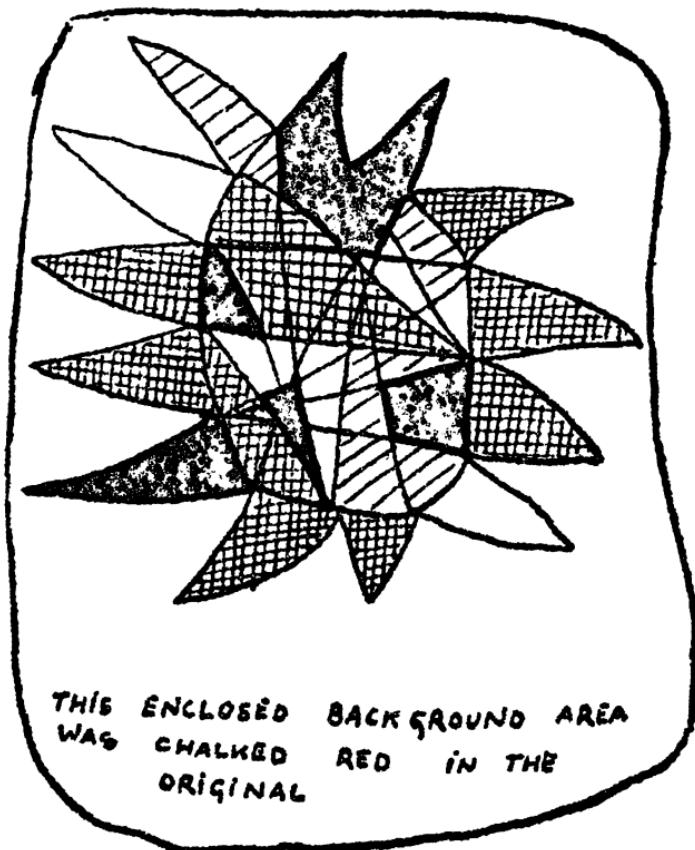
Рисунок 5

ЧЕРНЫЙ
 ГОЛУБОЙ

ПУРПУРНЫЙ
 КРАСНЫЙ

Рисунок 6

ЧЕРНЫЙ
ГОЛУБОЙ

ПУРПУРНЫЙ
КРАСНЫЙ

Рисунок 7

Я столь подробно разобрала влияние тревоги и защит на генитальное развитие, потому что мне представляется невозможным полное понимание сексуального развития, не принимая в расчет флуктуации между различными стадиями либидинозной организации и конкретными тревогами и защитами, характеризующими эти стадии.

Тревоги, касающиеся интернализированных родителей

Рис. 5 и 6 (см. с. 26) требуют некоторого предисловия. У Ричарда заболело горло, а накануне вечером поднялась небольшая температура, но он тем не менее пришел на анализ, поскольку стояла теплая летняя погода. Как я уже упоминала ранее, простуда и больное горло были в числе тех симптомов, которые даже в своем слабом проявлении давали толчок к возникновению у него сильной ипохондрической тревоги. В начале сеанса, выполняя рис. 5 и 6, он был крайне встревожен и обеспокоен. Он сказал мне, что в горле очень горячо и что глубоко в носу у него яд. Его следующей ассоциацией, возникшей при большом сопротивлении, был страх того, что его еда может быть отравлена — страх, осознаваемый им годами, хотя на этот раз, равно как и в предыдущие, лишь с огромным трудом он сумел выявить его во время анализа.

На протяжении этого сеанса Ричард часто с подозрением выглядывал в окно. Увидев двух людей, разговаривающих друг с другом, он сказал, что они шпионят за ним. Это было одно из повторяющихся указаний на его параноидные страхи, связанные с наблюдающими и преследующими братом и отцом, но, прежде всего, сосредоточившиеся на родителях, состоявших в тайном враждебном союзе против него. В своей интерпретации я связала это подозрение со страхом внутренних преследователей, шпионивших за ним и составляющих заговор против него — тревога, проявившаяся в его анализе ранее. Чуть позднее Ричард вдруг засунул свой палец в горло так далеко, как мог, и при этом выглядел весьма обеспокоенным. Он объяснил мне, что искал микробов. Я проинтерпретировала, что микробы также обозначали немцев (черного Гитлера-отца в согласии со мной) и были связаны в его психике с двумя шпионами, в конечном счете, его родителями. Таким образом, страх микробов был тесно связан

со страхом быть отравленным, что бессознательно относилось к родителям, хотя сознательно он не подозревал их в этом. Простуда пробудила эти параноидные страхи.

Во время этого сеанса Ричард выполнял рис. 5 и 6, и единственной ассоциацией, которой я от него добилась в тот день, было то, что рис. 6 был такой же империей, что и рис. 5. Фактически эти два рисунка были нарисованы на одном листе бумаги.

На следующий день горло у Ричарда совсем перестало болеть, и он пребывал в совершенно другом настроении. Он ярко описал, как ему понравился завтрак, особенно пшеничные хлопья, и показал мне, как он их жевал. (В предыдущие два дня он ел очень мало.) Его живот, как он сказал, стал совсем маленьким, тонким и втянутым, а «большие кости в нем» «торчали наружу», пока он не съел завтрак. Эти «большие кости» обозначали интернализированного отца — или отцовские гениталии — в раннем материале репрезентированного то в виде монстра, то в виде осьминога. Они выражали плохой аспект пениса отца, в то время как «вкусное мясо» монстра выражало желаемый аспект пениса отца. Я проинтерпретировала пшеничные хлопья как обозначение хорошей матери (хорошая грудь и молоко), т. к. ранее он сравнил их с гнездом птицы. Поскольку его вера в хорошую интернализированную мать увеличилась, он стал меньше бояться внутренних преследователей (костей и монстра).

Анализ бессознательного значения больного горла привел к уменьшению тревог с соответствующим изменением в способах защиты. Настроение Ричарда и его ассоциации на этом сеансе ясно выражали эту перемену. Мир вдруг стал прекрасным для него: он стал восхищаться сельским пейзажем, моим платьем, моей обувью и сказал, что я прекрасно выгляжу. С огромной любовью и восхищением он говорил и о своей матери. Таким образом, с уменьшением страхов внутренних преследователей внешний мир казался ему лучше и внушил большее доверие, а его способность наслаждаться им увеличилась. В то же самое время было заметно, что его депрессия уступила место гипоманиакальному настроению, при котором он отрицал свои страхи преследования. Фактически именно уменьшение тревоги позволило возникнуть маниакальной защите от депрессии. Конечно, Ричард не пребывал в гипоманиакальном настроении длительное время, и в ходе дальнейшего анализа депрессия и тревога появлялись вновь и вновь.

До сих пор я, в основном, ссыпалась на отношение Ричарда к матери как к внешнему объекту. Тем не менее, в его анализе еще ранее стало очевидным, что роль, которую она играла в качестве внешнего объекта, находилась в постоянной взаимосвязи с ее ролью в качестве внутреннего объекта. Чтобы было понятнее, я оставила этот пункт для иллюстрации рисунками 5 и 6, которые ярко демонстрируют роль интернализированных родителей в психической жизни Ричарда.

На этом сеансе Ричард поднял со стола нарисованные накануне рис. 5 и 6 и охотно стал давать ассоциации к ним. Теперь, когда его депрессия и ипохондрические тревоги уменьшились, он мог смело встретиться с тревогами, лежащими в основе его депрессии. Он указал мне на то, что рис. 5 выглядит как птица и при этом «очень ужасная» птица. Голубой цвет сверху — это корона, небольшой участок пурпурного — это глаз, а клюв «широко раскрыт». Этот клюв, как можно увидеть на рисунке, был образован красной и пурпурной секциями справа, т. е. цветами, всегда обозначавшими его самого и брата.

Я проинтерпретировала ему, что голубая корона указывает на то, что птицей была его мать — Королева, идеальная мать прежнего материала — теперь оказавшаяся жадной и деструктивной. Факт того, что ее клюв был образован красной и пурпурной секциями, выражал проекцию Ричарда на мать собственных (а также брата) орально-садистических импульсов.

Из этого материала стало ясно, что у Ричарда произошел важный прогресс в направлении способности смотреть в лицо своей психической реальности, поскольку он сумел выразить проекцию своих орально-садистических и каннибалистических импульсов на мать. Более того, как показано на рис. 5, он позволил «хорошему» и «плохому» аспектам матери сойтись ближе. Прототипами этих двух аспектов, обычно находящихся далеко друг от друга, были хорошая, любимая грудь и плохая, ненавидимая грудь. Фактически на этом рисунке можно увидеть защиты путем расщепления и изоляции, поскольку левая сторона рисунка полностью голубая. Тем не менее, на правой стороне рис. 5 мать появляется одновременно в качестве «ужасной» птицы (открытый клюв) и в качестве королевы (голубая корона). С уменьшением отрицания своей психической реальности Ричард смог смелее

смотреть в лицо внешней реальности, поскольку это дало ему возможность признать факт того, что мать на самом деле фрустрировала его и поэтому возбудила в нем ненависть.

Вслед за моими интерпретациями рис. 5 Ричард настойчиво повторил, что птица выглядит «ужасной», и дал некоторые ассоциации к рис. 6. Как он сказал, этот рисунок тоже похож на птицу, но без головы; а черное внизу рисунка — это «большое дело», выявившееся из нее. Он сказал, что все «очень ужасно».

В своей интерпретации рис. 6 я напомнила, что накануне он сказал мне, будто две империи были одинаковыми. Я предположила, что рис. 6 представлял его самого и что, интернализируя «ужасную птицу» (рис. 5), он чувствовал, что стал таким, как она. Открытый клюв обозначал жадный рот матери, но также выражал и его собственные желания сожрать ее, поскольку цвета, которыми был нарисован клюв, обозначали его самого и брата (жадных младенцев). В своей психике он сожрал мать как деструктивный и пожирающий объект. Принимая птицу за завтраком, он интернализировал хорошую мать, он считал, что она защищала его от интернализированного плохого отца, «костей в его животе». Интернализировав «ужасную» птицу-мать, он счел, что она стала связана с монстром-отцом, и в его психике эта ужасная комбинированная родительская фигура атаковала его изнутри, поедая, а также снаружи, кастрируя¹.

Таким образом, Ричард считал себя искалеченным и кастрированным плохими внутренними и внешними родителями, которые мстили ему за его атаки на них, и он выразил эти страхи в рис. 6, поскольку здесь птица оказывается без головы. В результате орально-садистических импульсов по отношению к родителям в процессе их интернализации в его психике они превратились, соответственно, в жадных и деструктивных врагов. Более того, поскольку он считал, что, пожирая родителей, он превратил их в монстра и птицу, он переживал не только страх этих интернализированных преследователей, но и вину, тем более из-за того, что боялся, будто подверг хорошую внутреннюю мать атакам внутреннего монстра. Его вина относилась и к анальным атакам на внешних и внутренних

¹ Здесь уместно вспомнить, что в возрасте трех лет он подвергся обрезанию и с тех пор испытывал сильный сознательный страх врачей и операций.

родителей, которые он выразил «ужасным большим делом», вывалившимся из птицы¹.

На предыдущем сеансе, когда Ричард выполнял эти рисунки, он находился под таким сильным влиянием тревоги, что даже не мог ассоциировать; затем некоторое снижение тревоги дало ему возможность дать ассоциации.

В этой связи определенный интерес представляет следующий рисунок (7 — см. с. 22), выражающий интернализацию его объектов даже отчетливее, чем рис. 5 и 6. Когда Ричард закончил выполнять этот схематичный рисунок, он обвел его и закрасил фон красным цветом. Я обнаружила, что это репрезентировало его «внутреннюю часть», контейнирующую отца, мать, брата и его самого в отношениях друг с другом. В своих ассоциациях к данному рисунку он выразил удовлетворение увеличением голубых секций, т. е. матери. Он также выразил надежду, что брат будет его союзником. Ревность к брату часто делала его подозрительным, и он боялся брата как соперника. Однако в этот момент он подчеркнул союз с братом. Более того, он указал, что одна из черных секций полностью окружена матерью, братом и им самим. Это указывало на то, что он вступил в союз с любимой внутренней матерью против опасного внутреннего отца².

В свете материала, представленного в данном параграфе, выявляется, что роль, которую хорошая мать, столь часто идеализируемая, играла в эмоциональной жизни Ричарда, относилась как к внутренней, так и к внешней матери. Например, когда он выражал надежду, что голубая мать на Западе расширит свою территорию (см. рис. 2), эта надежда касалась как его внутреннего, так и внешнего мира. Вера в хорошую внутреннюю мать была для него огромнейшей поддержкой. Всякий раз, когда эта вера усиливалась, устанавливались надежда, уверенность и все большее чувство безопасности. Когда это чувство уверенности пошатнулось — по причине ли болезни, или по иным причинам, —

---

¹ Уретральные импульсы и тревоги играли не менее важную роль в его фантазиях, но в данный материал не были включены.

² Этот рисунок также репрезентировал «внутреннюю часть» матери, где происходит та же самая борьба. Ричард и его брат выступили в роли защищающих внутренних объектов, отец же — в качестве опасного внутреннего объекта.

усилилась депрессия и ипохондрические тревоги¹. Более того, когда у Ричарда возрастили страхи преследователей, плохой матери и плохого отца, он также считал, что не может защитить любимые внутренние объекты от опасности разрушения и смерти; а их смерть неизбежно означала конец его собственной жизни. Здесь мы затрагиваем фундаментальную тревогу депрессивного индивида, которая, согласно моему опыту, исходит из инфантильной депрессивной позиции.

Одна важная деталь из анализа иллюстрирует страх Ричарда относительно смерти внешних и внутренних объектов. Как я уже говорила ранее, его почти личное отношение к игровой комнате являлось одной из характерных черт в ситуации переноса. После моей поездки в Лондон, сильно возбудившей у Ричарда страх воздушных налетов и смерти, в течение нескольких аналитических сессий для него было невыносимо выключение электрического камина до того, пока мы не покидали дом. На одном из сеансов, описанном мною в связи с анализом рис. 3 и 4, эта навязчивость пропала. На этих сеансах вместе с усилением генитальных желаний и уменьшением тревоги и депрессии все возрастающую роль в его ассоциациях играла фантазия о том, что он сможет давать «хороших» младенцев мне и матери и свою любовь младенцам. Его навязчивая настойчивость оставлять камин включенным как можно дольше была мерилом его депрессии².

Резюме истории случая мальчика

Неудача Ричарда в надежном установлении генитальной позиции, в основном, была обусловлена неспособностью справиться с тревогой на ранних стадиях развития. Огромная роль, которую плохая грудь играла в эмоциональной жизни Ричарда, была связана с неудовлетворительным периодом кормления и сильными орально-,

¹ Есть лишь небольшое сомнение в том, что подобные тревоги способны, в свою очередь, вызвать простуды и другие физические болезни или хотя бы ослабить сопротивляемость им. Это означает, что здесь мы сталкиваемся с порочным кругом, поскольку эти болезни, в свою очередь, усиливали все его страхи.

² Включенный камин также имел бессознательное значение доказательства себе самому, что ни он, ни его отец не были кастрированы.

уретрально- и анально-садистическими импульсами и фантазиями, стимулированными им. Страхи Ричарда относительно плохой груди были в определенной степени нейтрализованы идеализацией хорошей груди, и, таким образом, какая-то часть любви к матери могла быть сохранена. Плохие качества груди и его орально-садистические импульсы по отношению к ней были, в основном, перенесены на пенис отца. Вдобавок к этому он переживал сильные орально-садистические импульсы по отношению к пенису отца, исходившие из ревности и ненависти на ранней позитивной эдиповой ситуации. Таким образом, в его фантазии гениталии отца превратились в опасный кусающий и ядовитый объект. Страх пениса как внешнего и внутреннего преследователя был настолько силен, что не могло развиться доверие к хорошим и продуктивным качествам пениса. Таким образом, ранняя феминная позиция Ричарда была в корне нарушена страхами преследования. Эти трудности, переживаемые в инвертированной эдиповой ситуации, взаимодействовали со страхом кастрации, стимулируемым генитальными желаниями по отношению к матери. Ненависть к отцу, сопровождавшая эти желания и проявлявшаяся в импульсе откусить пенис отца, привела к страху быть кастрированным таким же способом, а потому увеличила вытеснение генитальных желаний.

Одной из особенностей болезни Ричарда было возрастающее торможение всей его деятельности и интересов. Это было связано с сильнейшим вытеснением агрессивных тенденций, что было особенно заметно в отношении к матери. В отношении к отцу и другим мужчинам агрессия была менее вытеснена, хотя очень сильно сдерживалась страхом. Господствующей установкой Ричарда к мужчинам было усмирение потенциальных преследователей и нападающих.

Агрессивность Ричарда меньше всего была заторможена по отношению к другим детям, однако он был слишком напуган, чтобы выражать ее прямо. Его ненависть к детям, равно как и страх перед ними, отчасти возникли из установки к пенису отца. Деструктивный пенис и деструктивный жадный ребенок, который истощил бы мать и полностью разрушил бы ее, в его психике были тесно связаны друг с другом, поскольку бессознательно он прочно придерживался уравнения «пенис = ребенок». Он также считал, что плохой пенис может производить лишь плохих детей.

Другим детерминирующим фактором в его фобии детей была ревность к брату, а также к другим детям, которых мать могла бы родить в будущем. Его бессознательные садистические атаки на младенцев внутри материнского тела были связаны с ненавистью к отцовскому пенису внутри матери. Лишь в одном отношении временами могла проявить себя его любовь к детям, и она проявлялась в его дружелюбной установке к младенцам.

Мы уже знаем, что он мог достичь способности к любви лишь посредством идеализации отношений «мать — ребенок». Тем не менее, из-за бессознательного страха и вины относительно своих орально-садистических импульсов младенцы преимущественно представляли для него *репрезентацию* орально-садистических существ. Это было одной из причин, почему он в своей фантазии не мог осуществить страстное желание дать детей матери. Но все же более фундаментальная оральная тревога периода раннего развития увеличила страх, связанный с агрессивными аспектами генитальной функции и собственного пениса. Страх Ричарда, что орально-садистические импульсы будут доминировать над генитальными желаниями и что пенис — деструктивный орган, был одной из главных причин вытеснения генитальных желаний. Следовательно, для него был закрыт один из самых существенных путей сделать мать счастливой и совершившить *репарацию* для младенцев, которых, как он считал, он разрушил. Во всех этих аспектах орально-садистический импульс, фантазии и страхи вновь и вновь препятствовали генитальному развитию.

В предыдущих параграфах я постоянно ссылалась на регрессию к оральной стадии как защите от дополнительных тревог, возникающих в генитальной позиции; тем не менее, важно не игнорировать роль фиксации в этих процессах. Поскольку орально-, уретрально- и анально-садистические тревоги были чрезмерны, фиксация на этих уровнях была очень сильной; впоследствии генитальная организация была слабой, а тенденция к вытеснению — явно выраженной. Тем не менее, вопреки торможениям, он развил некоторые сублимированные генитальные тенденции. Более того, поскольку его желания были преимущественно направлены на мать, а чувства ревности и ненависти — на отца, он достиг некоторых основных характеристик позитивной эдиповой ситуации и гетеросексуального развития.

Эта картина, тем не менее, была в какой-то мере обманчива, поскольку любовь к матери могла быть достигнута лишь путем укрепления оральных элементов в отношении к ней и путем идеализации «матери-груди». Мы видели, что в его рисунках голубые секции всегда обозначали мать; выбор этого цвета был связан с любовью к безоблачному голубому небу и выражал страстное желание идеальной щедрой груди, которая никогда не фрустрирует его.

Факт того, что Ричард, таким образом, получил возможность как-то сохранить любовь к матери, дал ему ту небольшую долю стабильности, которой он обладал, а также позволил в определенной мере развить гетеросексуальные тенденции. Было очевидно, что тревога и переживания вины прочно вошли в фиксацию на матери. Ричард был очень предан ей, но довольно инфантильно. Он с трудом переносил, когда она исчезала из поля его зрения, и проявлял недостаточно признаков развития независимого и мужественного отношения к ней. Его отношение к другим женщинам — хотя и весьма далекое от истинно смелого и мужественного — удивительно противоречило его огромной любви и даже слепому восхищению матерью. Его поведение по отношению к другим женщинам было развито не по годам, в некоторых отношениях напоминая поведение взрослого Дон Жуана. Он разными способами старался снискать к себе расположение, даже с помощью явной лести. В то же время он часто критиковал и презрительно относился к женщинам, а также потешался, если они верили его лести.

Здесь можно наблюдать две противоположные установки к женщинам, что наводит на мысль о некоторых заключениях Фрейда. Заявляя о «разъединении нежного и чувственного потоков эротического чувства» у некоторых мужчин, страдающих, по описанию Фрейда, от «психической импотенции», т. е. способных стать потентными лишь в определенных обстоятельствах, он говорит: «Любовная жизнь таких людей остается расщепленной на два направления, получающих воплощение в искусстве в качестве духовной и грубой (или животной) любви. Когда они любят, они не могут желать, а когда желают, не могут любить»¹.

---

¹ Freud, S. Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens (1912d). // G. W. — Bd. VIII. — S. 78—91. [О повседневном унижении любовной жизни.]

Существует аналогия между описанием Фрейда и установкой Ричарда к матери. Он боялся и ненавидел именно «генитальную» мать, в то время как всю свою любовь и нежность он направлял к «матери-груди». Это разделение между двумя потоками стало явным в контрасте между установкой к матери и другим женщинам. Пока его генитальные желания по отношению к матери были сильно вытеснены, она, следовательно, оставалась объектом любви и восхищения, а эти желания могли в какой-то мере активизироваться по отношению к другим женщинам. Но тогда те женщины были для него объектом критики и презрения. Они обозначали «генитальную» мать, и, как оказалось, ужас генитальности и побуждение вытеснить ее отражались в презрении по отношению к объектам, пробудившим его генитальные желания.

Среди тревог, ставших причиной фиксации и регрессии к «матери-груди», доминирующую роль играл страх Ричарда перед «внутренней частью» матери как местом, полным преследователей. Поскольку «генитальная» мать, которая для него была матерью, находившейся в сексуальном контакте с отцом, также содержала в себе «плохие» отцовские гениталии — или, скорее, множество его гениталий — таким образом, создавая опасный союз с отцом против сына; она также содержала в себе враждебных младенцев. Кроме того, существовала и тревога по поводу собственного пениса как опасного органа, который повредит и испортит любимую мать.

Тревоги, нарушившие генитальное развитие Ричарда, были тесно связаны с его отношением к родителям как интернализированным фигурам. Картины «внутренней части» матери как месту опасности соответствовали переживания по поводу собственной «внутренней части». В предыдущих параграфах мы видели, что хорошая мать (т. е. хорошая еда на завтрак) внутренне защищала его от отца, «длинных торчащих костей» в его животе. Эта картина, где мать защищает его от интернализированного отца, соответствовала фигуре матери, которую Ричарду не терпелось защитить от плохого отца, — матери, находящейся под угрозой оральных и генитальных атак внутреннего монстра. Тем не менее в конечном счете он считал, что она находится в опасности из-за его собственных орально-садистических атак на нее. Рис. 2 показал плохих мужчин (отца, брата и его самого) набрасывающимися на мать и проглатывающими ее. Этот страх

возник из фундаментального переживания вины Ричарда по поводу разрушения (пожирания) матери и ее грудей своими орально-садистическими атаками в процессе ее интернализации. Вдобавок он выразил вину по поводу своих анально-садистических атак на рис. 6, поскольку указал на «ужасное большое дело», вызвавшееся из птицы. Приравнивание собственных фекалий к черному Гитлеру-отцу стало отчетливым в его анализе ранее, когда он начал выполнять рисунки империи; поскольку в самом раннем рисунке Ричард представил черное обозначением самого себя, но вскоре решил, что его все же обозначает красный цвет, а черный — его отца; впоследствии он придерживался этого распределения на всех рисунках. Позднее это приравнивание было проиллюстрировано некоторыми ассоциациями к рис. 5 и 6. В рис. 5 черная секция обозначала плохого отца. В рис. 6 она репрезентировала «ужасное большое дело», вызвавшееся из изуродованной птицы.

К страху Ричарда собственной деструктивности относился страх матери как опасного и мстящего объекта. «Ужасная птица» с открытым клювом была проекцией на мать его орально-садистических импульсов. Фактические переживания Ричардом фрустрации со стороны матери сами по себе не могли дать объяснение построению в его психике ужасной картины внутренней пожирающей матери. На рис. 6 становится видно, насколько опасной, как он считал, является «ужасная» птица-мать, поскольку птица без головы репрезентировала его самого и соответствовала его страху кастрации внешними врагами в лице этой опасной матери, объединившейся с монстром-отцом. Более того, во внутренних ситуациях он чувствовал угрозу от союза интернализированной «ужасной» птицы-матери и монстра-отца. Эти внутренние опасные ситуации были основной причиной его ипохондрического и персекуторного страхов.

Когда в ходе анализа Ричард смог признать психологический факт того, что его любимый объект также является объектом ненависти и что голубая мать, королева с короной, в его психике связана с ужасной птицей с клювом, он смог установить любовь к матери более надежно. Его чувства любви стали теснее связаны с чувствами ненависти, а его счастливые переживания с матерью больше не находились так далеко от переживаний фрустрации. Поэтому, с одной стороны, ему не нужно было так сильно идеализировать хорошую мать, с другой —

формировать такую ужасающую картину плохой матери. Всякий раз, когда он мог позволить себе соединить два аспекта матери вместе, это означало, что плохой аспект смягчается хорошим. Эта более надежная хорошая мать могла в таком случае защитить его от «монстра»-отца. Это опять же означало, что в такие моменты она не считалась смертельно поврежденной его оральной жадностью и плохим отцом, что, в свою очередь, означало, что он считал, что они с отцом стали менее опасными. Хорошая мать могла вновь вернуться к жизни, поэтому депрессия Ричарда рассеивалась.

Его возросшая надежда поддержать жизнь аналитика и матери в качестве внутренних и внешних объектов была связана с укреплением его генитальной позиции и большей способностью переживать эдиповы желания. Производство, сотворение хороших младенцев, что, как он бессознательно считал, было самым важным средством победить смерть и страх смерти, теперь стало для него более возможным в фантазии. Поскольку он в меньшей степени опасался, что им завладеют садистические импульсы, Ричард поверил, что сможет производить хороших младенцев; поскольку креативный и продуктивный аспект мужских гениталий (как отца, так и его самого) выступил более сильно. Возросло доверие собственным конструктивным и репаративным тенденциям, равно как и внутренним и внешним объектам. Укрепилась вера не только в хорошую мать, но и в хорошего отца. Его отец больше не был таким опасным врагом, с которым Ричард не мог сражаться как с ненавидимым соперником. Таким образом, он сделал важный шаг к укреплению генитальной позиции и умению смотреть в лицо конфликтам и страхам, связанным с генитальными желаниями.

Отрывки из истории случая, илюстрирующие эдипово развитие девочки

Я обсудила некоторые тревоги, нарушающие генитальное развитие у мальчика, а сейчас предложу материал из истории случая маленькой девочки Риты, который я уже описывала по разным вопросам в ранних публикациях¹. Данный материал имеет

¹ [См. Лист пациентов Т. I, II и III наст. изд.]

определенные преимущества для презентации, поскольку он прост и лаконичен. Большая часть этого материала была опубликована ранее; тем не менее, я добавлю несколько ранее не публиковавшихся деталей, а также некоторые новые интерпретации, которые я не смогла тогда сделать, но которые в ретроспективе кажутся подтвержденными материалом.

Мою пациентку Риту, которой было два года и девять месяцев в начале анализа, было очень трудно воспитывать. Она страдала от разного рода тревог, неспособности переносить фрустрацию и частых состояний несчастья. Она демонстрировала явные навязчивые черты, какое-то время возраставшие, и настаивала на тщательно продуманных навязчивых ритуалах. Она колебалась между преувеличенной «хорошестью», сопровождавшейся переживаниями раскаяния, и состояниями «непослушания», когда она пыталась всеми командовать. У нее также были проблемы с принятием пищи, она была «привереда» и часто страдала отсутствием аппетита. Хотя она была очень умным ребенком, развитие и интеграция личности сдерживались сильным неврозом.

Она часто плакала, явно без причины, и когда мать спрашивала, почему она плачет, та отвечала: «Потому что мне так грустно». На вопрос «Почему тебе так грустно?» она отвечала: «Потому что я плачу». Ее переживания вины и несчастья проявлялись в постоянных вопросах к матери: «Я хорошая?», «Ты меня любишь?» и т. д. Она не могла вынести ни одного упрека, и, если ее ругали, она либо залывалась слезами, либо становилась дерзкой. Ее переживание ненадежности в отношении родителей проявилось, например, в следующем случае на втором году жизни. Однажды, как мне рассказали, она разрыдалась, потому что отец в шутку пригрозил медвежонку в книжке с картинками, с которым она явно идентифицировала себя.

Рита страдала от заметного торможения в игре. К примеру, единственное, что она умела делать с куклами, это мыть их и компьютерно менять им одежду. Как только она вводила какой-либо фантазийный элемент, у нее начинался приступ тревоги, и она прекращала игру.

Ниже приведены некоторые относящиеся к делу факты из ее истории. Риту кормили грудью несколько месяцев; затем ей начали давать бутылочку, которую она вначале не хотела принимать.

Отлучение от бутылочки и приучение к твердой пище было вновь проблемным, и она все еще страдала от трудностей в принятии пищи, когда я начала ее анализ. Более того, в то время ей все еще давали бутылочку ночью. Мать сказала мне, что бросила попытки отлучить Риту от этой последней бутылочки, поскольку каждая подобная попытка вызывала у ребенка сильный стресс. Приняв во внимание приучение к опрятности Риты, достигнутое рано, на втором году жизни, у меня есть основание утверждать, что мать слишком сильно тревожилась об этом. Навязчивый невроз Риты оказался в тесной связи с ее ранним приучением к опрятности.

Рита делила спальню с родителями почти до двух лет и неоднократно была свидетелем сексуального акта между родителями. Когда ей исполнилось два года, у нее родился брат, и в это время ее невроз развернулся в полную силу. Другим содействующим обстоятельством было то, что мать сама была невротичной и явно амбивалентной по отношению к Рите.

Родители сказали мне, что до первого года жизни Рита проявляла гораздо больше любви к матери, нежели к отцу. В начале второго года своей жизни она развила выраженное предпочтение к отцу вместе с отчетливой ревностью к матери. В пятнадцать месяцев, сидя на коленях отца, Рита неоднократно и ясно выражала желание остаться с ним наедине в комнате. Она уже могла выразить это словами. В возрасте примерно восемнадцати месяцев произошла удивительная перемена, проявившаяся в измененном отношении к обоим родителям, а также в различных симптомах, таких какочные кошмары и фобии животных (особенно собак). Мать вновь стала ее фавориткой, но отношение ребенка к ней все же обнаруживало сильную амбивалентность. Она так цеплялась за мать, что с трудом позволяла ей уйти из поля зрения. Это сочеталось с попытками командовать ею и часто нескрываемой ненавистью к ней. Одновременно Рита развila откровенную неприязнь к отцу.

Эти факты были замечены явно вовремя и сообщены мне родителями. В случае детей постарше сообщения родителей о ранних годах ребенка часто являются ненадежными, поскольку с течением времени они склонны все больше и больше исказяться в их памяти. В случае Риты детали все еще были свежи в памяти родителей, и анализ полностью подтвердил все основные моменты их сообщения.

Ранние отношения к родителям

В начале второго года жизни Риты некоторые важные элементы ее эдиповой ситуации, такие как предпочтение отца и ревность к матери и даже желание занять место матери рядом с отцом были отчетливо заметны. Оценивая эдипово развитие Риты на втором году жизни, мы должны учесть некоторые примечательные внешние факторы. Ребенок делил спальню с родителями и имел достаточную возможность стать свидетелем сексуального акта между ними; следовательно, постоянно присутствовал стимул для либидинозных желаний, ревности, ненависти и тревоги. Когда ей было пятнадцать месяцев, ее мать забеременела, и ребенок бессознательно понял состояние матери; таким образом, желание Риты получить ребенка от отца, равно как и ее соперничество с матерью были крайне усилены. В результате агрессивность и вытекающая из нее тревога и переживания вины возросли до такой степени, что эдиповы желания не могли поддерживаться.

Тем не менее, нельзя объяснить сложности в развитии Риты лишь этими внешними стимулами. Многие дети подвергаются воздействию схожих, иногда гораздо более неблагоприятных переживаний, не заболевая серьезно впоследствии. Поэтому нам необходимо обратиться к внутренним факторам, которые при взаимодействии с влияниями извне привели Риту к болезни и нарушению сексуального развития.

Как обнаружил анализ, орально-садистические импульсы Риты были необычайно сильны, а ее способность переносить любое напряжение — необычайно мала. Также были некоторые конституциональные особенности, определившие ее реакции на ранние фрустрации, от которых она страдала и которые с самого начала сильно повлияли на отношение к матери. Когда в конце первого года жизни на передний план вышли позитивные эдиповы желания Риты, это новое отношение к обоим родителям усилило ее переживания фрустрации, ненависти и агрессивности с сопровождающими их тревогой и виной. Она не могла справиться с этими многочисленными конфликтами и потому не могла поддерживать генитальные желания.

Над отношением Риты к матери доминировали два мощных источника тревоги: персекуторный страх и депрессивная тревога.

В одном аспекте мать репрезентировала вселяющую ужас и мстящую фигуру. В другом аспекте она была незаменимым любимым и хорошим объектом Риты, и Рита переживала собственную агрессию как опасность для любимой матери. Поэтому ее переполнял страх потерять ее. Именно сила этих ранних тревог и переживаний вины в большей степени определила неспособность Риты переносить дополнительную тревогу и вину, возникающие из эдиповых переживаний — соперничества и ненависти к матери. Для защиты она вытеснила ненависть и с избытком компенсировала ее чрезмерной любовью, а это неизбежно означало регрессию к ранним стадиям либидо. Данные факторы существенно повлияли на отношение Риты к отцу. Часть негодования, испытываемого по отношению к матери, отклонилась к отцу и усилила возникшую из фruстраций эдиповых желаний ненависть к нему, которая к началу второго года ее жизни удивительно сместила прежнюю любовь к отцу. Несспособность установить удовлетворительное отношение к матери повторилась в ее оральном и генитальном отношении к отцу. В анализе стали ясны сильные желания кастрировать его (возникшие отчасти из фruстрации на феминной позиции, отчасти из зависти к пенису на маскулинной позиции).

Садистические фантазии Риты были, таким образом, тесно связаны с обидами, исходящими из фruстрации на различных либидинозных позициях и переживаемыми как в инвертированной, так и позитивной эдиповой ситуации. Сексуальный акт между родителями играл важную роль в ее садистических фантазиях и в психике ребенка стал опасным и пугающим событием, в котором мать выступала жертвой крайней жестокости отца. Впоследствии отец превратился в ее психике не только в кого-то опасного для матери, но и — поскольку эдиповы желания Риты поддерживались в идентификации с матерью — в человека, опасного для нее самой. Фобия собак у Риты простиралась к страху опасного пениса отца, который укусит ее в отместку за ее собственные импульсы кастрировать его. Все ее отношение к отцу было глубоко нарушено, потому что он превратился в «плохого человека». Он был тем более ненавидим, поскольку стал олицетворением ее собственных садистических желаний по отношению к матери.

Следующий эпизод, рассказанный мне матерью, иллюстрирует этот последний пункт. В начале третьего года жизни Рита

была на прогулке с матерью и увидела кучера, жестоко бьющего своих лошадей. Мать была крайне возмущена, и маленькая девочка тоже выразила сильное возмущение. Позже в этот же день она удивила мать, спросив ее: «Когда же мы опять пойдем смотреть, как плохой дядя бьет лошадей?», обнаруживая, таким образом, то, что она получила садистическое удовольствие от этого переживания и ждала его повторения. В ее бессознательном кучер репрезентировал отца, а лошади — мать, и отец в сексуальном акте осуществлял садистические фантазии ребенка, направленные против матери. Страх плохих гениталий отца, вместе с фантазией о матери, поврежденной и разрушенной ненавистью Риты и плохим отцом — кучером, — мешали как позитивным, так и инвертированным эдиповым желаниям. Рита не могла ни идентифицироваться с такой разрушенной матерью, ни позволить себе играть роль отца в гомосексуальной позиции. Таким образом, на этих ранних стадиях ни одна из позиций не могла быть удовлетворительно установлена.

Некоторые примеры из аналитического материала

Тревоги, переживаемые Ритой, когда она была свидетелем первичной сцены, демонстрируются в следующем материале.

Однажды во время анализа она поставила треугольный кирпичик на бок и сказала: «Это маленькая женщина». Затем она взяла «маленький молоток», как она назвала прямоугольный кирпичик, и ударила им по коробке с кирпичиками, при этом говоря: «Когда молоток ударил сильно, маленькая женщина *так испугалась*». Треугольный кирпичик означал ее саму, «молоток» — пенис отца, а коробка — ее мать, и вся ситуация в целом репрезентировала то, что она была свидетелем первичной сцены. Немаловажно то, что она ударила по коробке в том самом месте, где та была склеена бумагой, так что проделала в ней дыру. Это был один из примеров, когда Рита символически продемонстрировала мне свое бессознательное знание о вагине и роли, которую та играла в ее сексуальных теориях.

Следующие два примера касаются ее кастрационного комплекса и зависти к пенису. Рита играла в игру, в которой отправлялась в путешествие вместе с медвежонком к дому «хорошей» женщины,

где ей предстояло получить «изумительное» угощение. Это путешествие, тем не менее, не проходило гладко. Рита избавлялась от машиниста поезда и занимала его место. Он возвращался вновь и вновь и угрожал ей, вызывая сильную тревогу. Объектом разногласий между ними был ее медвежонок, которого она считала существенным условием для успеха путешествия. Здесь медвежонок презентировал отцовский пенис, а ее соперничество с отцом выражалось этой борьбой за пенис. Она украла его у отца, от части из переживаний зависти, ненависти и мести, от части для того, чтобы занять его место возле матери и — с помощью потентного пениса отца — совершить reparацию за повреждения, нанесенные матери в фантазии.

Следующий пример связан с ритуалом отхода ко сну, который становился все более сложным и компульсивным, когда подходило время идти спать, и включал соответствующий церемониал с куклой. Основным пунктом было то, что ее (так же как и куклу) нужно было тщо укутать в одеяло, иначе — как говорила она — мышь или «батцен» (ее собственное слово) пролезет в окно и откусит ее «батцен». «Батцен» презентировал как отцовские, так и ее собственные гениталии: отцовский пенис откусил бы ее воображаемый пенис точно так же, как она желала кастрировать его. Как я вижу это сейчас, страх, что мать атакует «внутреннюю часть» ее тела, также способствовал страху, что кто-то пролезет в окно. Комната также презентировала ее тело, а нападающей стороной была мать, мстящая за атаки ребенка на нее. Навязчивая потребность быть укутанный с такой щадительной заботой была защитой от всех этих страхов.

Развитие Супер-Эго

Тревоги и переживания вины, описанные в последних двух параграфах, были связаны с развитием Супер-Эго Риты. Я обнаружила у нее жестокое и беспощадное Супер-Эго, подобное тому, что лежит в основе тяжелых неврозов навязчивости у взрослых. В анализе я смогла проследить это развитие вплоть до начала второго года ее жизни. В свете моего последнего опыта я вынуждена

заключить, что истоки Супер-Эго Риты берут начало в первых месяцах ее жизни.

В описанной мною игре в путешествие машинист репрезентировал ее Супер-Эго, равно как и настоящего отца. Мы также наблюдаем работу ее Супер-Эго в навязчивой игре с куклой, когда та подвергалась ритуалу, схожему с ее собственным церемониалом отхода ко сну — она укладывала куклу спать и весьма тщательно укутывала ее. Однажды во время анализа Рита рядом с кроватью куклы положила игрушечного слона. Как она объяснила, слон не должен был позволить «ребенку» (кукле) встать, поскольку в этом случае «ребенок» прокрадется в спальню родителей и либо «навредит им или что-нибудь отнимет у них». Слон репрезентировал ее Супер-Эго (отца и мать), а атаки на родителей, которые он должен был пресечь, были выражением садистических импульсов самой Риты, сосредоточенных на сексуальном акте родителей и беременности матери. Супер-Эго должно было полностью ликвидировать возможность для ребенка выкрасть у матери младенца внутри нее, повредить или разрушить материнское тело, а также кастрировать отца.

Важная деталь из ее истории: в начале третьего года жизни Рита, играя с куклой, неоднократно заявляла, что она *не была матерью куклы*. В контексте анализа оказалось, что она не могла позволить себе быть матерью куклы, потому что кукла означала ее брата-младенца, которого она хотела, но боялась отнять у матери. Ее вина также касалась агрессивных фантазий во время беременности матери. Когда Рита не могла играть роль матери куклы, это торможение возникало из переживаний вины, а также из страха жестокой материнской фигуры, бесконечно более суровой по сравнению с настоящей матерью. Рита не только видела реальную мать в этом искаженном свете, но и чувствовала себя в постоянной опасности из-за вселяющей ужас *внутренней* материнской фигуры. Я уже ссыпалась на воображаемые атаки Риты на теле матери и соответствующую тревогу, что мать атакует ее и выкрадет ее воображаемых младенцев, а также на страх Риты быть атакованной и кастрированной отцом. Теперь я пойду дальше в своих интерпретациях. Воображаемым атакам на ее тело со стороны родителей как внешних фигур соответствовал страх

внутренних атак интернализированных преследующих родительских фигур, сформировавших жестокую часть ее Супер-Эго¹.

Грубость Супер-Эго Риты часто проявлялась в игре во время анализа. Например, она бывало жестоко наказывала куклу; затем следовал приступ ярости и страха. Она идентифицировала себя одновременно и с грубыми родителями, накладывающими суровое наказание, и с ребенком, которого жестоко наказывают и который разражается яростью. Это было заметно не только в ее игре, но в поведении в целом. В одни моменты она, казалось, была воплощением суровой и беспощадной матери, в другие — не способным к контролю, жадным и деструктивным младенцем. Казалось, у нее очень мало собственного Эго, способного соединить эти две крайности и модифицировать интенсивность конфликта. Постепенный процесс интеграции ее Супер-Эго испытывал серьезные препятствия, и она не могла развить собственную индивидуальность.

Персекutorialные и депрессивные тревоги, нарушающие эдипово развитие

Депрессивные переживания Риты были ярко выражены в ее неврозе. Состояния печали и плач без причины, постоянные вопросы, любит ли ее мать, — все это признаки депрессивных тревог. Эти тревоги восходили к ее отношению к грудям матери. Вследствие садистических фантазий, в которых она атаковала грудь и мать в целом, Ритой овладевали страхи, глубоко влиявшие на отношение к матери. В одном аспекте она любила мать как хороший и незаменимый объект и переживала вину из-за того, что подвергла ее опасности своими агрессивными фантазиями; в другом аспекте она ненавидела и боялась ее как плохую, преследующую мать (прежде всего, плохую грудь). Эти страхи и сложные переживания,

¹ Ниже, в общем теоретическом резюме, я рассматриваю развитие Супер-Эго девочки и ту существенную роль, которую играет в нем хороший интернализированный отец. У Риты этот аспект формирования Супер-Эго в анализе не выявился. Развитие в этом направлении, тем не менее, было обозначено улучшенным отношением к отцу ближе к окончанию анализа. Как я вижу это сейчас, тревога и вина, связанные с матерью, настолько сильно господствовали в ее эмоциональной жизни, что отношение к внешнему отцу и интернализированной отцовской фигуре испытывало помехи.

касающиеся матери как внешнего и внутреннего объекта, составляли ее инфантильную депрессивную позицию. Рита была неспособна справиться с этими острыми тревогами и не могла преодолеть свою депрессивную позицию.

В этой связи большое значение имеет материал из ранней части ее анализа¹. Она что-то нацарапала на листе бумаги и энергично закрасила черным цветом. Затем разорвала бумагу, а клочки выбросила в стакан с водой, который приложила к губам, как будто собиралась пить из него. В этот момент она остановилась и сказала, выдохнув: «Мертвая женщина». То же самое повторилось позднее еще раз.

Этот листок бумаги, закрашенный черным, разорванный и выброшенный в воду, репрезентировал мать, разрушенную оральными, анальными и уретральными способами, и это представление мертвкой матери касалось не только внешней матери, когда та была вне поля зрения, но и *внутренней* матери. Рита отказалась от соперничества с матерью в эдиповой ситуации, поскольку ее бессознательный страх потери внутреннего и внешнего объекта действовал в качестве барьера для всякого желания, которое увеличило бы ее ненависть к матери, а потому вызвало бы ее смерть. Эти тревоги, возникшие из оральной позиции, лежат в основе выраженной депрессии, которую Рита развila в ответ на попытку матери отлучить ее от последней бутылочки. Рита ни за что не хотела пить молоко из чашки. Она впадала в состояние отчаяния, теряла аппетит, отказывалась от еды, больше обычного цеплялась за мать, снова и снова спрашивая ее, любит ли та ее, плохо ли Рита вела себя и т. д. Анализ раскрыл, что отлучение репрезентировало жестокое наказание за направленные против матери агрессивные желания и пожелания смерти. Поскольку потеря бутылочки обозначала окончательную потерю груди, когда бутылочку отнимали, Рита считала, что она на самом деле разрушила мать. Даже присутствие матери могло лишь на время смягчить эти страхи. Вывод напрашивается сам собой: в то время как потеря бутылочки репрезентировала потерю хорошей груди, чашка с молоком, от которой Рита отказывалась в состоянии депрессии, следующем за отлучением, репрезентировала разрушенную мертвую мать, так же как стакан воды с разорванной бумагой репрезентировал «мертвую женщину».

---

¹ Этот отрывок из материала ранее не публиковался.

Как я уже предполагала, депрессивные тревоги Риты о смерти матери были связаны с персекutorialными страхами, касающимися атак мстящей матери на ее собственное тело. В действительности, подобные атаки девочке всегда кажутся опасностью не только для ее тела, но и для всего ценного, что, по ее мнению, содержит ее «внутренняя часть»: потенциальных детей, хорошую мать и хорошего отца.

Неспособность защитить эти любимые объекты от внешних и внутренних преследователей является частью самой фундаментальной ситуации тревоги у девочек¹.

Отношение Риты к отцу во многом было детерминировано ситуациями тревоги, сосредоточенными на матери. Большая часть ненависти и страха плохой груди была перенесена на отцовский пенис. Чрезмерная вина и страх потери, касающиеся матери, также были перенесены на отца. Все это — вместе с фрустрацией, испытанной непосредственно от отца, — помешало развитию позитивного эдипова комплекса.

Ненависть к отцу усиливалась завистью к пенису и соперничеством с ним в инвертированной эдиповой ситуации. Попытки справиться с завистью к пенису привели к усиленной вере в свой воображаемый пенис. Тем не менее, она считала, что пенис находится в опасности из-за плохого отца, который кастрирует ее, мстя за ее собственные желания кастрировать его. Страх Риты, что «бутцен» отца войдет в комнату и откусит ее собственный «бутцен», является примером ее страха кастрации.

Ее желания присоединить пенис отца и играть его роль с матерью служили явными признаками зависти к пенису. Этот факт проиллюстрирован материалом игры, процитированным мною: она ехала с медвежонком, репрезентирующим пенис, к «хорошей женщине», которая должна была подготовить для них «изумительное угощение». Тем не менее, желание обладать собственным пенисом было — как показал ее анализ — крайне усилено тревогами и виной, касающимися смерти любимой матери. Эти тревоги, ранее подорвавшие отношение к матери, во многом способствовали несостоятельности позитивного эдипова развития. Они также имели эффект усиления желаний

¹ Данная ситуация тревоги в некоторой степени проявлялась и в анализе Риты, но в то время я не до конца осознавала значение таких тревог и их тесную связь с депрессией. Для меня это стало очевидным лишь в свете дальнейшего опыта.

Риты обладать пенисом, поскольку она считала, что сможет возместить ущерб, нанесенный матери, и возместить потерю младенцев, которых в ее фантазии та отобрала у нее, только лишь в том случае, если будет обладать собственным пенисом, который удовлетворит мать и даст ей детей.

Таким образом, чрезмерные трудности Риты справиться с инвертированным и позитивным эдиповым комплексом корнями уходили в ее депрессивную позицию. Вместе с уменьшением этих тревог она стала способна переносить эдиповы желания и в большей степени достичь феминной и материнской установки. К концу анализа, прервавшегося по внешним обстоятельствам, отношение Риты к обоим родителям, а также к брату улучшилось. Антипатия к отцу, до этого явно выраженная, уступила место любви; амбивалентность по отношению к матери уменьшилась, и развились более дружелюбные и стабильные отношения.

Измененная установка Риты к медвежонку и кукле отразила ту степень, до которой продвинулось ее либидинозное развитие, а ее невротические трудности и суровость Супер-Эго уменьшились. Однажды под конец анализа, когда она целовала и обнимала медвежонка, называя его ласковыми именами, она сказала: «Больше я нисколечко не несчастна, потому что у меня есть такой дорогой маленький малыш». Теперь она могла позволить себе быть матерью своего воображаемого ребенка. Эта перемена не была всецело новым развитием, а в какой-то мере возвращением к ранней либидинозной позиции. На втором году жизни желания Риты получить пенис отца и родить от него ребенка были нарушены тревогой и виной по отношению к матери; позитивное эдипово развитие прервалось, и выявилось заметное ухудшение невроза. Когда Рита категорически заявляла, что не была матерью куклы, она явно обозначала борьбу против желаний иметь ребенка. Под давлением тревоги и вины она не могла достичь феминной позиции и была вынуждена усилить мужскую позицию. Таким образом, медвежонок преимущественно стал обозначать желаемый пенис. Рита не могла позволить себе желание иметь ребенка от отца, а идентификация с матерью в эдиповой ситуации не могла быть установлена до тех пор, пока ее тревоги и вина по отношению к обоим родителям не уменьшатся.

ОБЩЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

а) Ранние стадии эдипова комплекса у обоих полов

Клинические картины двух случаев, представленных мною в данной работе, во многом отличались. Тем не менее, оба случая имели схожие черты, такие как орально-садистические импульсы, чрезмерная тревога и вина и низкая способность Эго переносить любое напряжение. Согласно моему опыту, все они являются факторами, которые при взаимодействии с внешними обстоятельствами мешают Эго постепенно выстраивать адекватные защиты от тревоги. В итоге проработка ситуаций ранних тревог ухудшается и страдает эмоциональное и либидинозное развитие, а также развитие Эго ребенка. Вследствие господства тревоги и вины возникает сверхсильная фиксация на ранних стадиях либидинозной организации и в связи с этим — чрезмерная тенденция к регрессии на эти ранние стадии. В результате эдипово развитие нарушается и генитальная организация не может уиться прочно. В обоих случаях, на которые я ссылалась в данной работе, равно как и в других, эдипов комплекс начинал развиваться нормально, когда эти ранние тревоги были уменьшены.

Влияние тревоги и вины на ход эдипова развития можно в какой-то мере проиллюстрировать двумя краткими случаями, приведенными мною. Тем не менее, следующее рассмотрение моих теоретических заключений по некоторым аспектам эдипова развития базируется, в основном, на аналитической работе со случаями детей и взрослых, варьирующихся от нормы до тяжелых заболеваний.

Полное описание эдипова развития включило бы обсуждение внешних влияний и переживаний на каждой стадии, а также их влияния на протяжении всего детства. Я намеренно пожертвовала чрезмерно подробным описанием внешних факторов в пользу необходимости разъяснить самые важные моменты¹.

¹ Основная цель данного резюме — четко изложить мои взгляды на некоторые аспекты эдипова комплекса. Я также намерена сравнить свои заключения с определенными заявлениями Фрейда на этот счет. Поэтому я считаю невозможным цитировать в то же время других авторов или обращаться к обширной литературе, рассматривающей данный вопрос. Тем не менее, что касается эдипова комплекса девочки, я бы хотела обратить внимание читателей на гл. XI моей книги «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], в которой я рассматриваю взгляды различных авторов по этому вопросу.

Мой опыт привел меня к вере в то, что с самого начала жизни либидо сливаются с агрессивностью и что на развитие либидо на каждой стадии существенно влияет тревога, возникающая из агрессивности. Тревога, вина и депрессивные переживания временами побуждают либидо к новым источникам удовлетворения, порой приостанавливают его развитие, усиливая фиксацию на раннем объекте и цели.

По сравнению с поздними фазами эдипова комплекса картина его ранних стадий неизбежно менее отчетлива, поскольку Это младенца незрело и полностью находится под началом бессознательной фантазии; его инстинктивная жизнь также находится на самой полиморфной фазе. Эти ранние стадии характеризуются резкими флюктуациями между различными объектами и целями с соответствующими флюктуациями в природе защит. По моему мнению, эдипов комплекс начинается на первом году жизни, и у обоих полов его развитие начинается одинаково. Отношение к груди матери является одним из существенных факторов, детерминирующих все эмоциональное и сексуальное развитие. Поэтому я принимаю отношение к груди в качестве отправного пункта в следующем описании начала эдипова комплекса у обоих полов.

Представляется, что дальнейшему движению либидо присущ поиск новых источников удовлетворения. Удовлетворение, испытываемое у груди матери, дает возможность младенцу направить свои желания на новые объекты, во-первых, на пенис отца. Тем не менее, фрустрация в отношении груди придает новому желанию определенный импульс. Важно помнить, что фрустрация зависит от внутренних факторов, равно как и от фактического опыта. Некоторая доля фрустрации у груди неизбежна, даже в самых благоприятных условиях, поскольку то, что младенец фактически желает, — это безграничное удовлетворение. Фрустрация, испытываемая у груди матери, ведет как мальчика, так и девочку к отворачиванию от нее и стимулирует желание младенца орального удовлетворения от пениса отца. Таким образом, грудь и пенис являются первичными объектами оральных желаний младенца¹.

¹ Подробно рассматривая фундаментальное отношение младенца к груди матери и пенису отца, а также вытекающие из него ситуации тревоги и защиты, я имею в виду больше, нежели отношение к частичным объектам. Фактически

Фрустрация и удовлетворение с самого начала формируют отношение младенца к любимой хорошей груди и ненавидимой плохой груди. Необходимость справляться с фрустрацией и вытекающей из нее агрессией является одним из факторов, ведущих к идеализации хорошей груди и хорошей матери и, соответственно, к интенсификации ненависти и страхов плохой груди и плохой матери, которая становится прототипом всех преследующих и пугающих объектов.

Две конфликтующие установки к материнской груди переносятся на новое отношение к отцовскому пенису. Фрустрация, испытываемая в ранних отношениях, увеличивает требования и надежды на новый источник и стимулирует любовь к новому объекту. Неизбежное разочарование в новом отношении усиливает отступление к первому объекту; и это способствует неустойчивости и текучести эмоциональных установок и стадий либидинозной организации.

Кроме того, стимулируемые и усиленные фрустрацией агрессивные импульсы превращают в психике ребенка жертв его агрессивных фантазий в поврежденные и мстящие фигуры, угрожающие ему теми же садистическими атаками, что он совершает против родителей в фантазии¹. Вследствие этого младенец переживает возросшую потребность в любимом и любящем объекте — совершенном, идеальном объекте — дабы удовлетворить тягу к помощи и безопасности. Таким образом, каждый объект по очереди склонен становиться то хорошим, то плохим. Это колебание туда и сюда между различными аспектами первичных имаго подразумевает тесное взаимодействие между ранними стадиями инвертированного и позитивного эдипова комплекса.

Поскольку младенец с самого начала интровертирует свои объекты под господством орального либидо, первичные имаго имеют двойника в его внутреннем мире. Имаго материнской груди

эти частичные объекты с самого начала в психике младенца ассоциируются с его матерью и отцом. Повседневный опыт с родителями и бессознательное отношение, развивающееся к ним как к внутренним объектам, начинают постепенно сосредоточиваться вокруг этих первичных частичных объектов и добавляться к их видному положению в бессознательном ребенка.

¹ Необходимо принять во внимание большую трудность выражения переживаний и фантазий ребенка языком взрослых. Все описания ранних бессознательных фантазий — и бессознательных фантазий в целом — можно поэтому рассматривать скорее как указатели содержания, а не форму таких фантазий.

и отцовского пениса, установленные внутри Эго, формируют ядро его Супер-Эго. Интроекции хорошей и плохой груди и матери соответствует интроекция хорошего и плохого пениса и отца. Они становятся первыми репрезентантами, с одной стороны, защищающих и помогающих внутренних фигур, с другой стороны, мстящих и преследующих внутренних фигур и являются первыми идентификациями, развитыми Эго.

Отношение к внутренним фигурам по-разному взаимодействует с амбивалентным отношением ребенка к обоим родителям как внешним объектам, поскольку на каждой ступени интроекции внешних объектов соответствует проекция внутренних фигур во внешний мир, и это взаимодействие лежит в основе отношения к фактическим родителям, а также развития Супер-Эго. В результате этого взаимодействия, подразумевающего ориентацию вовне и вовнутрь, возникает постоянная флюктуация между внутренними и внешними объектами и ситуациями. Эти флюктуации связаны с движением либидо между различными целями и объектами и, таким образом, ход эдипова комплекса и развитие Супер-Эго тесно взаимосвязаны.

Хотя все еще находясь в тени орального, уретрального и анального либидо, генитальные желания вскоре смешиваются с оральными импульсами ребенка. Ранние генитальные желания, наравне с оральными, направляются на мать и отца. Это соответствует моему предположению, что у обоих полов имеется врожденное бессознательное знание существования пениса, равно как и вагины. У младенца мужского пола генитальные ощущения являются основой предположения, что отец обладает пенисом, которого мальчик желает в соответствии с уравнением «грудь = пенис». В то же время его генитальные ощущения и импульсы также подразумевают поиск отверстия, в которое можно вставить пенис, т. е. они направлены на мать. Генитальные восприятия младенца-девочки, соответственно, подготавливают желание принять отцовский пенис в свою вагину. Поэтому получается, что генитальные желания к отцу, смешанные с оральными желаниями, коренятся в ранних стадиях позитивного у девочки и инвертированного у мальчика эдипова комплекса.

Ход либидинозного развития на каждой стадии находится под влиянием тревоги, вины и депрессивных переживаний. В двух более

ранних работах я неоднократно ссыпалась на инфантильную депрессивную позицию как центральную в раннем развитии. Сейчас я бы скорее предложила следующую формулировку: ядро инфантильных депрессивных переживаний, т. е. страх ребенка потери любимых им объектов в результате его ненависти и агрессии с самого начала входит в его объектные отношения и эдипов комплекс.

Существенным последствием тревоги, вины и депрессивных переживаний является побуждение к репарации. Под влиянием вины младенец вынужден устранять результат своих садистических импульсов либидинозными средствами. Таким образом, переживания любви, сосуществующие с агрессивными импульсами, усиливаются влечением к репарации. Репаративные фантазии представляют, часто в мельчайших деталях, противоположность садистических фантазий, а переживанию садистического всемогущества соответствует переживание репаративного всемогущества. Например, моча и фекалии репрезентируют агентов деструкции, когда ребенок ненавидит, и подарки, когда любит; но когда он переживает вину и испытывает побуждение совершить репарацию, «хорошие» экскременты в его психике становятся средством, которым он может исправить ущерб, причиненный его «опасными» экскрементами. И снова, как мальчик, так и девочка, хотя и по-разному, переживают, что пенис, причинивший вред и разрушивший мать в их садистических фантазиях, становится средством ее восстановления и исцеления в фантазиях о репарации. Таким образом, желание дать и получить либидинозное удовлетворение усиливается влечением к репарации. Поскольку младенец чувствует, что поврежденный таким способом объект может быть восстановлен и что сила его агрессивных импульсов уменьшается, импульсы любви ничем не сдерживаются, а вина смягчается.

Таким образом, на каждой ступени ход либидинозного развития стимулируется и усиливается влечением к репарации, а в конечном счете, чувством вины. С другой стороны, вина, возбуждающая влечение к репарации, также тормозит либидинозные желания, поскольку, когда ребенок переживает, что его агрессивность преобладает, либидинозные желания представляются ему опасностью для любимых объектов и потому должны быть вытеснены.

б) Эдипово развитие мальчика

До сих пор я в общих чертах освещала ранние стадии эдипова комплекса у обоих полов, а сейчас рассмотрю конкретно развитие мальчика. Его феминная позиция — существенно влияющая на его установку к обоим полам — возникает под господством оральных, уретральных и анальных импульсов и фантазий, она также тесно связана с отношением к грудям матери. Если мальчик может перенаправить часть любви и либидинозных желаний от материнской груди к отцовскому пенису, сохранив при этом грудь как хороший объект, то пенис отца будет фигурировать в его психике как хороший и креативный орган, который сможет дать ему либидинозное удовлетворение, а также детей, как делает это для матери. Эти феминные желания всегда являются неотъемлемой чертой в развитии мальчика. Они лежат в основании его инвертированного эдипова комплекса и конституируют первую гомосексуальную позицию. Заверяющая картина отцовского пениса как хорошего и креативного органа также является предпосылкой способности мальчика развивать позитивные эдиповы желания. Поскольку лишь в случае, когда мальчик имеет достаточно сильную веру в «хорошесть» мужских гениталий — отцовских и собственных, — он сможет позволить себе испытывать генитальные желания по отношению к матери. Когда страх кастрирующего отца смягчается доверием хорошему отцу, он может противостоять своей эдиповой ненависти и соперничеству. Таким образом, инвертированные и позитивные эдиповы тенденции развиваются одновременно, и между ними существует тесное взаимодействие.

Есть веские основания предполагать, что, как только возникают генитальные ощущения, активизируется страх кастрации. Кастрационный страх у мужчины, по определению Фрейда, является страхом атак, повреждения или удаления гениталий. По моему мнению, этот страх, прежде всего, переживается под господством орального либидо. Орально-садистические импульсы мальчика по отношению к груди матери переносятся на пенис отца и в дополнение к соперничеству и ненависти в ранней эдиповой ситуации находят свое выражение в желании мальчика откусить отцовский пенис. Это пробуждает страх, что его собственные гениталии будут откушены отцом из мести.

Существует целый ряд ранних тревог из различных источников, способствующих кастрационному страху. Генитальные желания мальчика по отношению к матери с самого начала чреваты воображаемыми опасностями из-за его оральных, уретральных и анальных фантазий об атаках на материнское тело. Мальчик считает, что ее «внутренняя часть» повреждена, отравлена и ядовита; в его фантазии она также содержит пенис отца, который — вследствие его собственных садистических атак на него — считается враждебным и кастрирующим объектом, грозящим его собственному пенису разрушением.

Этой пугающей картине «внутренней части» матери — существующей с картиной матери как источником удовлетворения и всего хорошего — соответствуют страхи о внутренней части собственного тела. Из всех этих страхов самый выдающийся — страх младенца внутренних атак со стороны опасной матери, отца или комбинированной родительской фигуры в отместку за его собственные агрессивные импульсы. Подобные страхи преследования решительно влияют на тревоги мальчика по поводу собственного пениса. Поскольку каждое повреждение, нанесенное его «внутренней части» интернализированными преследователями, означает для него и атаку на собственный пенис, который, как он опасается, будет изуродован, отравлен или сожран изнутри. Тем не менее, он считает, что должен сохранить не только пенис, но и хорошее содержимое своего тела, хорошие фекалии и мочу, младенцев, которых он желает вырастить в феминной позиции, и младенцев, которых — в идентификации с хорошим и креативным отцом — он желает произвести в маскулинной позиции. В то же время он считает, что вынужден защищать и сохранять любимые объекты, которые интернализировал одновременно с преследующими фигурами. В этом отношении страх внутренних атак на любимые объекты тесно связан с кастрационным страхом и усиливает его.

Другая тревога, способствующая кастрационному страху, возникает из садистических фантазий, в которых его экскременты стали ядовитыми и опасными. Именно поэтому в его фантазиях о копуляции его собственный пенис, приравненный к этим опасным фекалиям и в его психике наполненный плохой мочой, становится органом деструкции. Этот страх усиливается верой в то, что он содержит плохой пенис отца, т. е. идентификацией с плохим отцом. Когда эта конкретная идентификация набирает силу, она переживается как альянс с плохим внутренним отцом против матери. В результате вера мальчика в продуктивное

и репаративное качество своих гениталий уменьшается; он считает, что его собственные агрессивные импульсы усиливаются и что сексуальный акт с матерью будет жестоким и деструктивным.

Тревоги такого рода оказывают важное влияние на фактический кастрационный страх и вытеснение генитальных желаний, а также на регрессию к ранним стадиям. Если эти различные страхи чрезмерны, а побуждение вытеснить генитальные желания сверхсильное, то в дальнейшем неизбежны трудности с потенцией. В норме подобные страхи у мальчика нейтрализуются представлением о материнском теле как источнике всего хорошего (хорошего молока и младенцев), а также его интроекцией любимых объектов. Когда импульсы любви преобладают, продукты и содержимое его тела принимают значение даров; его пенис становится средством передачи матери удовлетворения и детей и совершения репарации. Также, если господствует переживание контейнирования хорошей материнской груди и хорошего отцовского пениса, мальчик извлекает отсюда укрепленное доверие к себе, позволяющее ему отпустить на волю импульсы и желания. В союзе и идентификации с хорошим отцом он чувствует, что его пенис приобретает репаративные и креативные качества. Все эти эмоции и фантазии дают ему возможность противостоять кастрационному страху и прочно установить генитальную позицию. Они также являются предпосылкой для сублимированной потенции, оказывающей важное влияние на занятия и интересы ребенка; в то же время закладывается фундамент для достижения потенции в дальнейшей жизни.

в) Эдипово развитие девочки

Я уже описала ранние стадии эдипова развития девочки, соответствующие эдипову развитию мальчика. А сейчас я укажу на некоторые существенные черты, специфичные для развития эдипова комплекса у девочек.

Когда генитальные ощущения у младенца-девочки получают силу вместе с рецептивной природой ее гениталий, возникает желание принять пенис¹. В то же время она обладает бессознательным

---

¹ Анализ маленьких детей не оставляет сомнений в том, что вagina репрезентирована в бессознательном ребенка. Фактическая вагинальная мастурбация в раннем детстве встречается гораздо чаще, чем было принято считать, что подтверждено рядом авторов.

знанием, что ее тело содержит потенциальных детей, которых она считает самой ценной собственностью. Пенис отца как дающий детей и приравненный к детям становится объектом сильного желания и восхищения маленькой девочки. Это отношение к пенису как источнику счастья и хороших даров усиливается любящим и благодарным отношением к хорошей груди.

Вместе с бессознательным знанием о том, что она содержит потенциальных детей, маленькая девочка испытывает серьезные сомнения относительно будущей способности рожать детей. По многим причинам она чувствует, что находится в невыгодном положении по сравнению с матерью. В бессознательном ребенка мать наполнена магической силой, поскольку все хорошее исходит от ее груди, мать также содержит отцовский пенис и детей. Маленькая девочка — в отличие от мальчика, чья надежда на потенцию приобретает силу от обладания пенисом, сравнимым с пенисом отца, — не имеет средства заверить себя в будущей fertильности. Кроме того, ее тревоги относительно содержимого своего тела увеличивают ее сомнения. Эти тревоги интенсифицируют импульсы украсть из тела матери ее детей, а также пенис отца, что, в свою очередь, интенсифицирует страх того, как бы собственная внутренняя часть не была атакована и «хорошее» содержимое ее тела не было украдено мстящей внешней и внутренней матерью.

Некоторые из этих элементов действуют и у мальчика, но тот факт, что генитальное развитие девочки сосредоточено на феминном желании получить отцовский пенис и что ее основное бессознательное беспокойство относится к воображаемым детям, является специфической чертой развития девочки. В результате ее фантазии и эмоций выстраиваются преимущественно вокруг ее внутреннего мира и внутренних объектов; ее эдипово соперничество выражается в основном в импульсе украсть у матери отцовский пенис и детей; страх атаки на свое тело и повреждения и изъятия внутренних хороших объектов со стороны плохой мстящей матери играет заметную и постоянную роль в ее тревогах. Это, как я понимаю, является ведущей ситуацией тревоги у девочки.

Более того, в то время как у мальчика зависть к матери (которая, как считается, содержит отцовский пенис и детей) является элементом инвертированного эдипова комплекса, у девочки эта

зависть формирует часть позитивной эдиповой ситуации. Она остается существенным фактором на протяжении ее сексуального и эмоционального развития и оказывает важное влияние на идентификацию с матерью в сексуальных отношениях с отцом, а также в материнской роли.

Желание девочки обладать пенисом и быть мальчиком является выражением бисексуальности, это такая же врожденная особенность у девочек, как и желание быть женщиной у мальчиков. Ее желание иметь собственный пенис второстепенно по отношению к желанию получить пенис, и оно значительно усиливается фрустрациями на феминной позиции, а также тревогой и виной, переживаемыми в позитивной эдиповой ситуации. Зависть к пенису у девочки в какой-то мере скрывает фрустрированное желание занять место матери рядом с отцом и получить от него детей.

Здесь я могу лишь затронуть специфические факторы, лежащие в основе формирования Супер-Эго девочки. Из-за значительной роли, которую играет внутренний мир в эмоциональной жизни девочки, у нее есть сильное побуждение наполнить этот внутренний мир хорошими объектами. Это способствует интенсивности ее интровертивных процессов, также усиленных рецептивной природой ее гениталий. Внушающий восхищение интернализированный пенис отца формирует значительную часть ее Супер-Эго. Она идентифицирует себя с отцом на маскулинной позиции, но эта идентификация опирается на обладание воображаемым пенисом. Ее основная идентификация с отцом переживается в отношении к интернализированному отцовскому пенису, и это отношение базируется на феминной, а также на маскулинной позиции. В феминной позиции ее влекут сексуальные желания и желание иметь ребенка, дабы интернализировать отцовский пенис. Она способна к полному подчинению этому внушающему восхищение интернализированному отцу, в то время как в маскулинной позиции она желает превзойти его во всех маскулинных устремлениях и сублимациях. Таким образом, маскулинная идентификация с отцом смешивается с феминной установкой, и именно эта комбинация характеризует феминное Супер-Эго.

В формировании Супер-Эго девочки внушающему восхищение хорошему отцу в какой-то мере соответствует плохой кастрирующий

отец. Тем не менее, основной объект ее тревоги — преследующая мать. Если интернализация хорошей матери, с чьей материнской установкой она может идентифицироваться, уравновешивает этот персекutorialный страх, ее отношение к хорошему интернализированному отцу укрепляется ее собственной материнской установкой к нему.

Несмотря на заметное место внутреннего мира в ее эмоциональной жизни, потребность маленькой девочки в любви и ее отношение к людям демонстрируют сильную зависимость от внешнего мира. Тем не менее, это противоречие только видимое, поскольку эта зависимость от внешнего мира усиливается потребностью получить заверение о внутреннем мире.

г) Некоторые сравнения с классической концепцией эдипова комплекса

А теперь я предлагаю сравнить мои взгляды со взглядами Фрейда на определенные аспекты эдипова комплекса и разъяснить некоторые расхождения, к которым меня привел опыт. Многие аспекты эдипова комплекса, по которым моя работа полностью подтверждает открытия Фрейда, в какой-то степени подразумевались в моем описании эдиповой ситуации. Тем не менее, важность предмета создает для меня необходимость воздержаться от подробного обсуждения этих аспектов, и мне придется ограничиться разъяснением некоторых расхождений. Следующее резюме представляет собой, по моему мнению, суть выводов Фрейда об определенных существенных характеристиках эдипова развития¹.

---

¹ Данное резюме сделано на основе, главным образом, следующих работ Фрейда: «Я и Оно» [Das Ich und das Es (1923b). // G. W. — Bd. XIII. — S. 237—289], «Инфантальная генитальная организация» [Die infantile Genitalorganisation (Eine Einschaltung in die Sexualtheorie) (1923e). // G. W. — Bd. XIII. — S. 293—298], «Гибель эдипова комплекса» [Der Untergang des Ödipuskomplexes (1924d). // G. W. — Bd. XIII. — S. 395—402], «Некоторые психические следствия анатомического различия полов» [Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925j). // G. W. — Bd. XIV. — S. 19—30], «О женской сексуальности» [Über die weibliche Sexualität (1931b). // G. W. — Bd. XIV. — S. 517—537] и «Новый цикл лекций по введению в психоанализ» [Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]). // G. W. — Bd. XV].

По Фрейду, генитальные желания возникают и выбор определенного объекта имеет место во время фаллической фазы, которая длится от трех- до пятилетнего возраста, и осуществляется это одновременно с эдиповым комплексом. Во время этой фазы «...только одни гениталии, а именно мужские, имеют значение. Поэтому то, что наличествует, — это не примат гениталий, а примат фаллоса»¹.

У мальчика «то, что вызывает деструкцию детской фаллической организации, — это угроза кастрации»². Более того, его Супер-Эго, преемник эдипова комплекса, формируется через интернализацию родительской власти. Вина есть выражение напряжения между Эго и Супер-Эго. Только когда Супер-Эго развилось, оправдано использование термина «вина». Фрейд преобладающее значение отводит Супер-Эго мальчика как интернализированной власти отца; и хотя в некоторой степени он признает идентификацию с матерью в качестве фактора формирования Супер-Эго у мальчика, он не выразил свои взгляды по этому аспекту Супер-Эго подробнее.

Относительно девочки, по мнению Фрейда, ее длительная «доэдипова привязанность» к матери охватывает период до вступления в эдипову ситуацию. Фрейд также характеризует этот период как «фазу исключительной привязанности к матери, которую можно назвать доэдиповой фазой»³. Впоследствии, во время фаллической фазы, фундаментальные желания девочки по отношению к матери, сохраненные с большой интенсивностью, сосредоточиваются на получении от нее пениса. В психике маленькой девочки клитор репрезентирует ее пенис, клиторная мастурбация является выражением фаллических желаний. Вagina еще не обнаружена и сыграет свою роль лишь во взрослом жизни. Когда девочка обнаруживает, что не обладает пенисом, на первый план выходит кастрационный комплекс. В этой сложившейся ситуации привязанность к матери нарушается негодованием и ненавистью из-за того, что мать не дала ей пенис. Она также обнаруживает, что даже у матери нет пениса, и это способствует тому,

¹ Freud, S. Die infantile Genitalorganisation (Eine Einschaltung in die Sexualtheorie) (1923e). // G. W. — Bd. XIII. — S. 293—298. (S. E. — Vol. 19. — P. 142.)

² Freud, S. Der Untergang des Ödipuskomplexes (1924d). // G. W. — Bd. XIII. — S. 395—402. (S. E. — Vol. 19. — P. 175.)

³ Freud, S. Über die weibliche Sexualität (1931b). // G. W. — Bd. XIV. — S. 517—537. (S. E. — Vol. 21. — P. 230.)

что она отворачивается от матери к отцу. Сначала она обращается к отцу с желанием получить пенис и лишь впоследствии с желанием получить от него ребенка, «т. е. ребенок занимает место пениса в соответствии с древним символическим эквивалентом»¹. В этом отношении ее эдипов комплекс вводится ее кастрационным комплексом.

Основной ситуацией тревоги у девочки является потеря любви, и Фрейд связывает этот страх со страхом смерти матери.

Развитие Супер-Эго девочки во многом отличается от развития Супер-Эго мальчика, но у них есть одна общая существенная черта, т. е. то, что Супер-Эго и чувство вины являются результатом эдипова комплекса.

Фрейд обращается к материнским чувствам девочки, исходящим из раннего отношения к матери на доэдиповой фазе. Он также обращается к идентификации девочки с матерью, возникшей из эдипова комплекса. Но он не только не связал эти две установки, но и не продемонстрировал, каким образом феминная идентификация с матерью в эдиповой ситуации влияет на ход эдипова комплекса девочки. По его мнению, пока оформляется генитальная организация девочки, она оценивает мать преимущественно в фаллическом аспекте.

А сейчас я обобщу свои взгляды по этим существенным вопросам. Как я понимаю, сексуальное и эмоциональное развитие мальчика и девочки, начиная с раннего младенчества, включает генитальные ощущения и тенденции, конституирующие первые стадии инвертированного и позитивного эдипова комплекса; они переживаются под приматом орального либидо и смешиваются с уретральными и анальными желаниями и фантазиями. Либидинозные стадии перекрывают друг друга, начиная с самых первых месяцев жизни. Позитивные и инвертированные эдиповы тенденции с самого начала находятся в тесном взаимодействии. Именно во время стадии генитального примата позитивная эдипова ситуация достигает кульминации.

По моему мнению, младенцы обоих полов испытывают генитальные желания, направленные на мать и отца, и обладают

---

¹ Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]). // G. W. — Bd. XV. (S. E. — Vol. 22. — P. 128.)

бессознательным знанием о вагине, равно как и о пенисе¹. По этим причинам ранний термин Фрейда «генитальная фаза» представляется мне более адекватным, нежели его более поздний концепт «фаллической фазы».

Супер-Эго обоих полов начинает существовать во время оральной фазы. Под влиянием фантазийной жизни и противоречивых эмоций ребенок на ранней стадии либидинозной организации интровертирует свои объекты — главным образом, родителей — и выстраивает Супер-Эго из этих элементов.

Таким образом, хотя Супер-Эго во многом соответствует реальным людям в мире маленького ребенка, оно обладает различными компонентами и чертами, отражающими фантастические образы в его психике. Все эти факторы, имеющие отношение к его объектным отношениям, с самого начала играют роль в выстраивании Супер-Эго.

Первый интровертируемый объект — грудь матери — формирует основу Супер-Эго. Как отношение к груди матери предшествует и сильно влияет на отношение к пенису отца, так и отношение к интровертированной матери во многом влияет на весь ход развития Супер-Эго. Некоторые из самых важных особенностей Супер-Эго, любящего ли и защищающего или деструктивного и пожирающего, исходят из ранних материнских компонентов Супер-Эго.

Самые ранние переживания вины у обоих полов исходят из орально-садистических желаний сожрать мать и, в первую очередь, ее груди (Абрахам). Поэтому именно в младенчестве возникают переживания вины. Вина не возникает, когда эдипов комплекс подходит к завершению, она, скорее, является одним из факторов, с самого начала модулирующих его ход и влияющих на его исход.

Теперь я хотела бы особо обратиться к развитию мальчика. По моему мнению, страх кастрации берет начало в младенчестве, как только испытываются генитальные ощущения. Ранние импульсы мальчика кастрировать отца принимают форму желания откусить его пенис, и, соответственно, страх кастрации впервые переживается мальчиком как страх того, как бы его собственный

---

¹ Это знание существует бок о бок с бессознательным и в какой-то мере сознательным знанием младенца о существовании ануса, гораздо чаще играющего видимую роль в инфантильных сексуальных теориях.

пенис не был откушен. Эти ранние кастрационные страхи для начала омрачаются тревогами из многих других источников, среди которых значительную роль играют внутренние ситуации опасности. Чем ближе развитие подходит к генитальному примату, тем больше на первый план выступает страх кастрации. В то время как я полностью согласна с Фрейдом, что страх кастрации является ведущей ситуацией тревоги у мужчин, я не могу согласиться с описанием его как единственного фактора, определяющего вытеснение эдипова комплекса. Ранние тревоги из различных источников с самого начала вносят свой вклад в центральную роль, которую страх кастрации начинает играть в кульминации эдиповой ситуации. Более того, мальчик переживает горе и печаль по отношению к отцу как любимому объекту из-за своих импульсов кастрировать и убить его, поскольку в своих хороших аспектах отец является незаменимым источником силы, другом и идеалом, к которому мальчик обращается за защитой и руководством и которого он считает себя обязанным сохранить. Его переживания вины по поводу своих агрессивных импульсов по отношению к отцу увеличивают побуждение вытеснить генитальные желания. Уже сколько раз в анализах мальчиков и мужчин я обнаруживала, что переживания вины по отношению к любимому отцу являются неотъемлемым элементом эдипова комплекса и существенно влияли на его исход. Переживание того, что мать также находится в опасности из-за соперничества отца с сыном и что смерть отца будет незаменимой потерей для нее, усиливает чувство вины мальчика и, таким образом, вытеснение его эдиповых желаний.

Фрейд, как мы знаем, пришел к теоретическому заключению, что отец, равно как и мать, является объектом либидинозных желаний сына. (Ср. его концепцию инвертированного эдипова комплекса.) Более того, Фрейд в некоторых своих работах (в описаниях случаев, особенно в «Анализе фобии пятилетнего мальчика»¹) принял во внимание роль, которую в позитивном эдиповом конфликте мальчика играет любовь к отцу. Тем не менее, он не придал должного значения той решающей роли этих переживаний любви как при развитии эдипова конфликта, так и при его прохождении. Согласно

¹ [Freud, S. Analyse der Phobie eines Fünfjährigen Knaben (1909b). // G. W. — Bd. VII. — S. 241—337.]

моему опыту, эдипова ситуация теряет свою силу не только потому, что мальчик боится разрушения гениталий мстящим отцом, но и потому, что переживания любви и вины побуждают его сохранить отца как внутреннюю и внешнюю фигуру.

А теперь я вкратце опишу свои выводы об эдиповом комплексе у девочек. Фаза, на которой, как считает Фрейд, девочка исключительно привязана к матери, уже включает в себя, по моему мнению, желания, направленные на отца, и охватывает ранние стадии инвертированного и позитивного эдипова комплекса. Поэтому, в то время как я рассматриваю эту фазу в качестве периода флуктуации между желаниями, направленными на мать и отца на всех либидинозных позициях, я несколько не ставлю под сомнение далеко идущее и продолжительное влияние каждой грани отношения к матери на отношение к отцу.

Зависть к пенису и кастрационный комплекс играют существенную роль в развитии девочки. Но и они весьма значительно усиливаются фruстрацией ее позитивных эдиповых желаний. Хотя маленькая девочка на одной стадии и предполагает, что у матери есть пенис, как некий мужской атрибут, эта концепция практически не играет столь важной роли в ее развитии, как предполагает Фрейд. Бессознательная теория о том, что мать содержит вызывающий восхищение и желание отцовский пенис, лежит, согласно моему опыту, в основе многих явлений, описанных Фрейдом как отношение девочки к фаллической матери.

Оральные желания девочки отцовского пениса смешиваются с первыми генитальными желаниями получить этот пенис. Эти генитальные желания подразумевают желание получить детей от отца, что также подтверждается уравнением «пенис = ребенок». Феминное желание интернализировать пенис и получить ребенка от отца неизменно предшествует желанию обладать собственным пенисом.

В то время как я согласна с Фрейдом относительно особого положения страха потери любви и смерти матери среди тревог девочки, я придерживаюсь мнения, что страх, что ее тело будет атаковано, а любимые внутренние объекты разрушены, вносит существенный вклад в ее основную ситуацию тревоги.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Описывая эдипов комплекс, я постоянно пыталась продемонстрировать взаимозависимость некоторых основных аспектов развития. Сексуальное развитие ребенка неразрывно связано с его объектными отношениями и всеми эмоциями, с самого начала формирующими его установку к матери и отцу. Тревога, вина и депрессивные переживания являются элементами, присущими эмоциональной жизни ребенка, а потому проникающими в его ранние объектные отношения, состоящие из отношения к реальным людям, а также к их представителям в его внутреннем мире. Именно из этих интровертированных фигур — идентификаций ребенка — развивается Супер-Эго, которое, в свою очередь, влияет на отношение к обоим родителям и на все сексуальное развитие. Таким образом, эмоциональное и сексуальное развитие, объектные отношения и развитие Супер-Эго взаимодействуют с самого начала.

Эмоциональная жизнь младенца, ранние защиты, выстроенные под давлением конфликта между любовью, ненавистью и виной, и превратности идентификаций ребенка — все эти проблемы могут надолго обеспечить аналитические исследования. Дальнейшая работа по этим направлениям должна привести нас к более полному пониманию личности, что подразумевает более полное понимание эдипова комплекса и сексуального развития в целом.

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ ШИЗОИДНЫХ МЕХАНИЗМАХ¹

(1946а)

---

¹ [Сноска в издании 1952 года.] Эта статья была прочитана перед Британским психоаналитическим обществом 4 декабря 1946 года и была оставлена без изменений, затем опубликована с небольшими изменениями (в частности, был добавлен один абзац и некоторые примечания).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском языке:

1946: Notes on some Schizoid Mechanisms. // International Journal of Psychoanalysis. — 1946. — Vol. 27. — P. 99—110.

1952: Idem. // Developments in Psycho-Analysis. — London: Hogarth Press, 1952. — P. 292—320.

Издание на немецком языке:

1962: Bemerkungen über einige schizoid Mechanismen. // Klein, M. Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. — Stuttgart: Ernst Klett, 1962. — S. 101—126.

Издание на русском языке:

2001: Заметки о некоторых шизоидных механизмах. // Кляйн, М., Айзекс, С., Райвери, Дж., Хайманн, П. Развитие в психоанализе / Пер. с англ. — М.: Академический проект, 2001. — С. 424—466.

В данной статье М. Кляйн впервые представляет подробное описание психических процессов, происходящих в первые три месяца жизни. Период, ранее названный параноидной позицией, здесь получает название параноидно-шизоидной позиции. М. Кляйн определяет характеристики раннего Эго, форму его объектных отношений и тревог и в связи с этим освещает природу шизоидных состояний, идеализации, дезинтеграции Эго. Она описывает проективные процессы, связанные с расщеплением, для которых вводит термин «проективная идентификация». Это создает основу для нового понимания природы шизофрении. В этой статье такжедается детальное описание психических процессов, в частности шизоидных механизмов, приводящих к шизофренической диссоциации и деперсонализации. Важные замечания также делаются относительно техники работы с шизоидными состояниями.

Перевод с английского А.Н. Ниязовой.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа касается важности ранних параноидных и шизоидных тревог и механизмов. Этот вопрос занимал меня на протяжении ряда лет, даже еще до прояснения моих взглядов на депрессивные процессы в младенчестве. Однако в ходе разработки концепции инфантильной депрессивной позиции мое внимание вновь привлекли проблемы фазы, предшествующей ей. Сейчас я хочу сформулировать несколько гипотез, к которым я пришла, относительно ранних тревог и механизмов¹.

Гипотезы, которые я выдвину, касаются самых ранних стадий развития и возникли из вывода на основе материала, полученного из анализа взрослых и детей, и некоторые из этих гипотез, кажется, совпадают с наблюдениями, известными в психиатрической работе. Подтверждение моих заявлений потребовало бы накопления подробного материала случаев, для которого нет места в рамках данной работы, и я надеюсь восполнить этот пробел в следующих статьях.

Вначале будет полезно кратко резюмировать уже приведенные мною выводы, касающиеся самых ранних фаз развития².

В раннем младенчестве возникают тревоги, характерные для психоза, что побуждает Эго развивать специфические защитные механизмы. В этом периоде обнаруживаются точки фиксации для всех психотических расстройств. Эта гипотеза привела некоторых людей к мысли о том, что я считаю всех младенцев психотичными; но я уже дала достаточно объяснений по поводу такого неверного понимания в других работах. Психотические тревоги, механизмы и Эго-защиты в младенчестве оказывают глубокое влияние на развитие ребенка

¹ Перед завершением данной статьи я обсуждала ее главные вопросы с Паулой Хайманн и очень признательна ей за стимулирующие предложения в разработке и формулировке ряда концепций, представленных здесь.

² Ср. мои работы «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III] и «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний» [(1935a). Наст. изд. Т. II. С. 139—177].

во всех аспектах, включая развитие Эго, Супер-Эго и объектных отношений.

Я часто выражала свой взгляд о том, что объектные отношения существуют с самого начала жизни и первым объектом является грудь матери, которая для ребенка становится расщепленной на хорошую (удовлетворяющую) и плохую (фрустрирующую) грудь; это расщепление приводит к разделению любви и ненависти. Затем я предположила, что отношение к первому объекту подразумевает его интроверсию и проекцию, и, таким образом, с самого начала объектные отношения формируются взаимодействием между интроверсией и проекцией, между внутренними и внешними объектами и ситуациями. Эти процессы участвуют в построении Эго и Супер-Эго и подготавливают почву для начала эдипова комплекса во второй половине первого года жизни.

С самого начала деструктивный импульс направляется против объекта и вначале выражается в фантазийных орально-садистических атаках на грудь матери, которые вскоре развиваются в бешеные атаки на ее тело всеми садистическими способами. Страхи преследования, возникающие из орально-садистических импульсов младенца выкрасть из тела матери его хорошее содержимое и из анально-садистических импульсов вложить свои экскременты в нее (включая желание войти в ее тело, чтобы контролировать ее изнутри), очень важны для развития паранойи и шизофrenии.

Я перечислила различные типичные защиты раннего Эго, такие как механизмы расщепления объекта и импульсов, идеализация, отрицание внутренней и внешней реальности и сдерживание эмоций. Я также упомянула различные содержания тревоги, включая страх быть отравленным или сожранным. Большинство этих явлений — преобладающих в первые несколько месяцев жизни — обнаруживаются в дальнейшей симптоматической картине шизофrenии.

Позднее я обозначила этот ранний период (сначала названный «фазой преследования») термином «параноидная позиция»¹

¹ [Сноска в издании 1952 года.] Когда в 1946 году эта работа впервые была опубликована, я употребляла термин «параноидная позиция» как синоним «шизоидной позиции» В.Р.Д. Фэрбэрна. После некоторых раздумий я решила соединить термин Фэрбэрна со своим, и на страницах данной книги [«Развития в психоанализе», 1952] я использую выражение «параноидно-шизоидная позиция».

и высказала мнение, что он предшествует депрессивной позиции. Если страхи преследования очень сильны, и из-за этого (кроме всего прочего) младенец не может проработать параноидно-шизоидную позицию, в свою очередь, затрудняется проработка депрессивной позиции. Эта неудача может привести к регрессивному усилению страхов преследования и закреплению точек фиксации для тяжелых психозов (так сказать, группы шизофрений). Другим последствием серьезных трудностей, возникающих в период депрессивной позиции, могут быть маниакально-депрессивные расстройства в дальнейшей жизни. Я также пришла к выводу, что при менее тяжелых нарушениях развития некоторые факторы оказывают сильное влияние на выбор невроза.

Хотя я и предположила, что исход депрессивной позиции зависит от проработки предшествующей фазы, тем не менее, я приписывала депрессивной позиции главную роль в раннем развитии ребенка, поскольку с интроекцией объекта как целого фундаментально изменяются объектные отношения младенца. Синтез между любимыми и ненавидимыми аспектами целостного объекта дает толчок переживаниям скорби и вины, что подразумевает жизненно важные продвижения в эмоциональной и интеллектуальной жизни младенца. Это также критический момент для выбора невроза или психоза. Я по-прежнему твердо придерживаюсь всех этих выводов.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОСЛЕДНИХ РАБОТАХ ФЭРБЭРНА

В ряде последних работ¹ Фэрбэрн уделил особое внимание тому вопросу, который я сейчас рассматриваю. Поэтому я считаю полезным прояснить некоторые существенные пункты, по которым наши взгляды совпадают и расходятся. Станет ясно, что одни

¹ Ср. «Пересмотренная психопатология психозов и психоневрозов»^[a], «Эндопсихическая структура, рассматриваемая в терминах объектных отношений»^[b] и «Объектные отношения и динамическая структура»^[c].

^[a] Fairbairn, W.R.D. A Revised Psychopathology of Psychoses and Psychoneuroses. // I. J. PA. — 1941. — Vol. 22. — P. 250—279.

^[b] Fairbairn, W.R.D. Endopsychic Structure Considered in Terms of Object Relationships. // I. J. PA. — 1944. — Vol. 25. — P. 70—92.

^[c] Fairbairn, W.R.D. Object-Relationships and Dynamic Structure. // I. J. PA. — 1946. — Vol. 27. — P. 30—37.

выводы, которые я приведу в данной работе, совпадают с выводами Фэрбэрна, тогда как другие фундаментально отличаются. Фэрбэрн подходил к данному вопросу в основном под углом развития Эго в отношении объектов, в то время как я преимущественно рассматривала эту проблему под углом тревог и их превратностей. Он назвал самую раннюю фазу «шизоидной позицией»: он заявлял, что она составляет часть нормального развития и является основой шизоидных и шизофренических заболеваний у взрослых. Я согласна с этим утверждением и считаю его описание связанных с развитием шизоидных явлений весьма значительным открытием, имеющим огромную ценность для нашего понимания шизоидного поведения и шизофрении. Я также считаю верным и очень важным взгляд Фэрбэрна на то, что группа шизоидных и шизофренических расстройств намного шире, чем принято считать. Особое подчеркивание им неотъемлемой связи между истерией и шизофренией заслуживает нашего полного внимания. Его термин «шизоидная позиция» можно было бы считать подходящим, если подразумевать, что он охватывает и страх преследования и шизоидные механизмы.

Я не согласна — если взять для начала самые основные вопросы — с его пересмотром теории психической структуры и инстинктов. Я также не согласна с его точкой зрения, что интернализируется лишь плохой объект — точка зрения, которая, как мне кажется, вносит вклад в существенные различия между нами относительно развития объектных отношений, а также развития Эго, поскольку я придерживаюсь мнения, что интровертированная хорошая грудь формирует жизненно важную часть Эго и с самого начала оказывает фундаментальное влияние на процесс развития Эго и воздействует как на структуру Эго, так и на объектные отношения. Я также расхожусь с мнением Фэрбэрна, что «значительная проблема шизоидной личности — как любить, при этом не разрушая любовью, в то время как значительная проблема депрессивной личности — как любить, при этом не разрушая ненавистью»¹. Этот вывод говорит не только об отвержении им концепции Фрейда об основных инстинктах, но и о недооценке им той роли, которую агрессия и ненависть играют с самого начала жизни. В результате

---

¹ Cp. Fairbairn, W.R.D. A Revised Psychopathology of Psychoses and Psychoneuroses. // I. J. PA. — 1941. — Vol. 22. — P. 250—279.

такого подхода он не придает достаточного значения важности ранней тревоги и конфликта и их динамических влияний на развитие.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ЭГО

В данном обсуждении я выделю один аспект развития Эго и специально не стану делать попытки связать его с проблемами развития Эго в целом. Я также не стану затрагивать отношение Эго к Ид и Супер-Эго.

Мы еще мало знаем о структуре раннего Эго. Некоторые последние предположения на этот счет не убедили меня: в частности, я имею в виду концепцию Гловера о ядрах Эго и теорию Фэрбэрна о центральном Эго и двух второстепенных Эго. На мой взгляд, полезнее подчеркивание Винникоттом отсутствия интеграции раннего Эго¹. Я бы сказала, что раннему Эго значительно не хватает связанности, и тенденция к интеграции чередуется с тенденцией к дезинтеграции, распаду на кусочки². Полагаю, данные флуктуации характерны для первых нескольких месяцев жизни.

Думаю, мы оправданно предполагаем, что некоторые функции, о которых мы знаем от более позднего Эго, существуют с самого начала. Среди этих функций особенно выделяется функция борьбы с тревогой. Я придерживаюсь мнения, что тревога возникает из-за действия инстинкта смерти внутри организма, она переживается как страх уничтожения (смерти) и принимает форму страха преследования. Похоже, страх деструктивного импульса прикрепляется к объекту — или скорее он переживается как страх неконтролируемого могущественного объекта. Другими важными источниками первичной тревоги являются травма рождения (тревога разлуки) и фрустрация телесных потребностей; эти переживания также с самого начала считаются вызванными объектами. Даже если эти объекты считаются внешними, посредством

¹ Ср. Winnicott, D.W. Primitive Emotional Development. // Winnicott, D.W. Collected Papers. — London: Hogarth, 1945. В этой работе Винникотт также описал патологический исход состояний отсутствия интеграции, например, случай пациентки, которая не могла отличать себя от своей сестры-близнеца.

² Эту большую или меньшую связанность Эго в начале постнатальной жизни следует рассматривать в связи с большей или меньшей способностью Эго переносить тревогу, что, как я уже утверждала ранее («Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], особенно р. 49), является конституциональным фактором.

интроверсии они становятся внутренними преследователями и таким образом усиливают страх деструктивных импульсов внутри.

Жизненная потребность бороться с тревогой заставляет раннее Эго развивать фундаментальные механизмы и защиты. Деструктивный импульс отчасти проецируется вовне (отключение инстинкта смерти) и, как я считаю, прикрепляется к первому внешнему объекту, материнской груди. Как указал Фрейд, оставшаяся часть деструктивного импульса в какой-то степени связывается либидо внутри организма. Тем не менее, ни один из этих процессов полностью не достигает своей цели, и поэтому тревога быть разрушенным изнутри остается активной. Мне кажется, из-за недостатка связности под давлением этой угрозы Эго имеет тенденцию распадаться на кусочки¹. Представляется, что этот распад на кусочки лежит в основе состояний дезинтеграции у шизофреников.

Возникает вопрос, могут ли некоторые активные процессы расщепления внутри Эго не происходить даже на очень ранней стадии. Как мы предполагаем, раннее Эго активно расщепляет объект и отношение к нему, и это может означать некоторое активное расщепление самого Эго. В любом случае, результатом расщепления является рассеивание деструктивного импульса, который считается источником опасности. Предполагаю, что первичная тревога быть уничтоженным деструктивной силой изнутри со специфической реакцией Эго распада на кусочки или расщепления себя может быть крайне важна во всех шизофренических процессах.

ПРОЦЕССЫ РАСЩЕПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОБЪЕКТА

Деструктивный импульс, проецируемый вовне, вначале переживается как оральная агрессия. Полагаю, орально-садистические

¹ Ференци в «Заметках и отрывках»^[a] предполагает, что, вероятнее всего, каждый живой организм реагирует на неприятные стимулы фрагментацией, что, может быть, является выражением инстинкта смерти. Возможно, сложные механизмы (живые организмы) существуют лишь благодаря влиянию внешних условий. Когда эти условия становятся неблагоприятными, организм распадается на кусочки.

[a] Ferenczi, S. Notes and Fragments (1930). // Ferenczi, S. Final Contributions to the Problems and Methods of Psycho-Analysis. — London: Hogarth, 1955.

импульсы по отношению к материнской груди активны с самого начала жизни, хотя с момента прорезывания зубов каннибалистические импульсы возрастают — фактор, подчеркиваемый Абрахамом.

В состояниях фрустрации и тревоги орально-садистические и каннибалистические желания усиливаются, и в таком случае младенец считает, что он впитал сосок и грудь по кусочкам. Поэтому вдобавок к разделению в фантазии младенца хорошей и плохой груди фрустрирующая грудь — атакуемая в орально-садистических фантазиях — считается фрагментированной; удовлетворяющая грудь, впитанная под влиянием сосущего либидо, считается целостной. Этот первый внутренний хороший объект действует как центральный пункт в Эго. Он нейтрализует процессы расщепления и рассеивания, содействует связности и интеграции и играет ведущую роль в выстраивании Эго¹. Чувство обладания младенцем внутри себя хорошей целостной грудью может, тем не менее, пошатнуться от фрустрации и тревоги. В результате с трудом может быть поддержано разделение между хорошей и плохой грудью, и младенец может считать, что и хорошая грудь тоже состоит из кусочков.

Думаю, Эго неспособно расщепить объект — внутренний и внешний — без соответствующего расщепления, происходящего внутри Эго. Поэтому фантазии и переживания по поводу состояния внутреннего объекта оказывают жизненно важное влияние на структуру Эго. Чем больше преобладает садизм в процессе инкорпорирования объекта и чем больше объект переживается как распавшийся на кусочки, тем в большей опасности находится Эго быть расщепленным в отношении интернализированных фрагментов объекта.

Описанные мною процессы, конечно, связаны с фантазийной жизнью младенца; и тревоги, стимулирующие механизм расщепления, также имеют фантастическую природу. Именно в фантазии младенец расщепляет объект и свое Я, но влияние этой фантазии самое реальное,

¹ Д. В. Винникотт^[a] обращался к тому же самому процессу, но под другим углом: он описал, как интеграция и адаптация к реальности во многом зависят от переживания младенцем любви и заботы матери.

^[a] Winnicott, D.W. Primitive Emotional Development. // Winnicott, D.W. Collected Papers. — London: Hogarth, 1945.

поскольку она ведет к переживаниям и отношениям (позднее и мыслительным процессам), фактически отрезанным друг от друга¹.

РАСПЩЕПЛЕНИЕ В СВЯЗИ С ПРОЕКЦИЕЙ И ИНТРОЕКЦИЕЙ

До сих пор я рассматривала механизм расщепления как один из самых ранних механизмов и защит Эго против тревоги. Интроекция и проекция также с самого начала жизни используются на службе этой первичной цели Эго. Проекция, по описанию Фрейда, исходит от отклонения инстинкта смерти вовне и, на мой взгляд, это помогает Эго преодолевать тревогу, избавляя его от опасности и плохости. Интроекция хорошего объекта также используется Эго в качестве защиты от тревоги.

С проекцией и интроекцией тесно связаны некоторые другие механизмы. В частности, здесь я хочу обратиться к связи между расщеплением, идеализацией и отрицанием. Что касается расщепления объекта, необходимо вспомнить, что в состояниях удовлетворения переживания любви направляются на удовлетворяющую грудь, тогда как в состояниях фрустрации ненависть и персекуторная тревога прикрепляются к фрустрирующей груди.

Идеализация связана с расщеплением объекта, поскольку хорошие аспекты груди преувеличиваются как гарант против страха преследующей груди. Поскольку идеализация является следствием страха преследования, она также возникает из мотивации инстинктивных желаний, нацеленных на безграничное удовлетворение и потому создающих представление о неисчерпаемой и всегда щедрой груди — идеальной груди.

Мы обнаруживаем пример подобного раскола в инфантильном галлюцинаторном удовлетворении. Основные процессы, задействованные в идеализации, действительны и в галлюцинаторном удовлетворении, а именно расщепление объекта и отрицание как фрустрации, так и преследования. Фрустрирующий и преследующий

¹ В дискуссии, последовавшей после прочтения данной статьи, д-р В.К.М. Скотт обратился к иному аспекту расщепления. Он подчеркнул важность перерывов в последовательности переживаний, что подразумевает расщепление скорее во времени, а не в пространстве. В качестве примера он сослался на чередование состояний сна и бодрствования. Я полностью согласна с его точкой зрения.

объект содержится отдельно от идеализированного объекта. Тем не менее, плохой объект не только содержится отдельно от хорошего, но и само его существование отрицается, как и вся ситуация фрустрации и вызываемые ею плохие переживания (боль). Это связано с отрицанием психической реальности. Отрицание психической реальности становится возможным лишь благодаря сильным переживаниям всемогущества — существенной характеристики ранней ментальности. Всемогущее отрицание существования плохого объекта и болезненной ситуации в бессознательном приравнивается уничтожению деструктивным импульсом. Тем не менее, отрицаются и уничтожаются не только ситуация и объект — именно *объектному отношению* уготована такая судьба; поэтому отрицается и уничтожается та часть Эго, от которой исходят направленные на объект переживания.

Следовательно, в галлюцинаторном удовлетворении происходят два взаимосвязанных процесса: всемогущественный вызов идеального объекта и ситуации и в равной мере всемогущественное уничтожение плохого преследующего объекта и болезненной ситуации. Эти процессы основаны на расщеплении как объекта, так и Эго.

Мимоходом я бы отметила, что на этой ранней фазе расщепление, отрицание и всемогущество играют роль, схожую с ролью вытеснения на более поздней стадии развития Эго. Рассматривая важность процессов отрицания и всемогущества на стадии, характеризуемой страхом преследования и шизоидными механизмами, мы можем вспомнить иллюзии величия и преследования при шизофрении.

До сих пор, рассматривая страх преследования, я выделяла оральный элемент. Тем не менее, в то время как оральное либидо все еще лидирует, либидинозные и агрессивные импульсы и фантазии из других источников выходят на передний план и приводят к слиянию оральных, уретральных и анальных желаний, как либидинозных, так и агрессивных. Атаки на грудь матери также перерасполагают в атаки подобного характера на все ее тело, которое считается как бы продолжением груди, даже до того, как мать воспринимается как целостная личность. Фантазийные нападения на мать следуют двум основным направлениям: одно, главным образом,

представляет собой оральный импульс высосать грудь досуха, искусать, вычерпать и выкастить из тела матери его хорошее содержимое. (Я буду обсуждать влияние этих импульсов на развитие объектных отношений в связи с интроверсией.) Другое направление атаки исходит из анальных и уретральных импульсов и означает изгнание опасных веществ (экскрементов) из себя в мать. Вместе с этими вредными экскрементами, изгнанными в ненависти, на мать или, лучше сказать, в мать проецируются и отщепленные части Эго¹. Эти экскременты и плохие части Я предназначены не только для нанесения вреда, но и для контроля и обладания объектом. До тех пор пока представляется, что мать содержит в себе плохие части Я, она воспринимается не как отдельный индивид, а как само плохое Я.

Большая часть ненависти против частей Я теперь направляется на мать. Это приводит к особой форме идентификации, устанавливающей прототип агрессивных объектных отношений. Для этих процессов я предлагаю термин «проективная идентификация». Когда проекция исходит в основном от импульса младенца нанести вред матери или контролировать ее², он считает ее преследователем. При психотических расстройствах эта идентификация объекта с ненавистными частями Я способствует интенсивности ненависти, направляемой против других людей. Что касается Эго, то чрезмерное отщепление и изгнание во внешний мир частей себя сильно ослабляет его, поскольку агрессивный компонент переживаний и личность тесно связаны в психике с могуществом, потенцией, силой, знанием многими другими желаемыми качествами.

---

¹ Описание подобных примитивных процессов имеет огромный недостаток, поскольку эти фантазии возникают в то время, когда младенец еще не начал думать словами. В этом контексте, например, я использую выражение «проецировать в другого человека», поскольку это, как мне кажется, единственный способ передачи бессознательного процесса, который я пытаюсь описать.

² М. Дж. Эванс в небольшом неопубликованном сообщении (прочитанном Британскому психоаналитическому обществу в январе 1946 года) привел несколько примеров пациентов, у которых наблюдались следующие явления: отсутствие чувства реальности, переживание того, что они разделены и части их личности вошли в тело матери, чтобы ограбить и контролировать ее; в результате мать и другие люди, атакованные подобным образом, репрезентировали пациента. М. Дж. Эванс отнес эти процессы к самой примитивной стадии развития.

Тем не менее, изгоняются и проецируются не только плохие, но и хорошие части Я. Экскременты в таком случае приобретают значение даров; и части Эго, которые изгоняются и проецируются вместе с экскрементами в другого человека, репрезентируют хорошие, т. е. любящие части Я. Идентификация, основанная на этом типе проекции, вновь оказывает жизненно важное влияние на объектные отношения. Проекция хороших переживаний и хороших частей Я в мать существенна для способности младенца развивать хорошие объектные отношения и интегрировать свое Эго. Тем не менее, если этот проективный процесс осуществляется чрезмерно, хорошие части личности считаются потерянными, и в этом случае мать становится Эго-идеалом; итогом данного процесса также является ослабление и обеднение Эго. Очень скоро эти процессы распространяются на других людей¹, и результатом может стать чрезмерная зависимость от этих внешних репрезентантов собственных хороших частей. Еще одним последствием является страх, что способность любить утрачена, поскольку любимый объект считается любимым преимущественно лишь как репрезентант Я.

Таким образом, процессы отщепления частей Я и проекции их в объекты жизненно важны для нормального развития, а также для аномальных объектных отношений.

В равной мере важно и влияние интроекции на объектные отношения. Интроекция хорошего объекта, в первую очередь, груди матери, является предпосылкой для нормального развития. Я уже описывала, что он занимает центральное место в Эго и способствует его связанности. Одной из характерных черт самого раннего отношения к хорошему объекту — внутреннему и внешнему — является тенденция к его идеализации. В состояниях фruстрации или возросшей тревоги младенец вынужден обращаться в бегство к своему внутреннему идеализированному объекту, используя это как способ убежать от преследова-

¹ В.К.М. Скотт в неопубликованном докладе, прочитанном Британскому психоаналитическому обществу несколько лет назад, описал три взаимосвязанных особенности, с которыми он столкнулся у шизофреничной пациентки: сильное нарушение чувства реальности, переживание того, что мир вокруг нее — это кладбище, и механизм вложения всех ее хороших частей в другого человека — Грету Гарбо, обозначавшую саму пациентку.

телей. В результате действия этого механизма могут возникнуть различные серьезные нарушения: когда страх преследования слишком силен, бегство к идеализированному объекту становится чрезмерным, что сильно затрудняет развитие Эго и мешает объектным отношениям. В результате Эго может считаться полностью подчиненным и зависимым от внутреннего объекта — лишь как его оболочка. Вместе с неассимилированным идеализированным объектом возникает переживание, что у Эго нет ни жизни, ни собственной ценности¹. Я бы предположила, что состояние бегства к неассимилированному идеализированному объекту влечет за собой процессы дальнейшего расщепления внутри Эго, поскольку одни части Эго пытаются объединиться с идеальным объектом, тогда как другие стремятся справиться с внутренними преследователями.

Различные способы расщепления Эго и внутренних объектов имеют своим результатом переживание того, что Эго распалось на кусочки. Это переживание равносильно состоянию дезинтеграции. При нормальном развитии переживаемые младенцем состояния дезинтеграции являются временными. Среди прочих факторов удовлетворение с стороны внешнего хорошего объекта² вновь и вновь помогает прорываться сквозь эти шизоидные состояния. Способность младенца преодолевать временные шизоидные состояния согласовы-

¹ Ср. «Вклад в проблему сублимации и ее отношения к процессам интернализации»^[a], где Паула Хайманн описала состояние, при котором внутренние объекты действуют как чужие тела, внедренные в Я. Хотя это более очевидно в отношении плохих объектов, это также справедливо в отношении хороших объектов, в том случае, если Эго компульсивно ставится в зависимость от их сохранения. Когда Эго служит своим хорошим внутренним объектам чрезмерно, они считаются источником опасности для Я и начинают оказывать персекутурное влияние. Паула Хайманн представила концепцию ассимиляции внутренних объектов и применила ее конкретно к сублимации. Что же касается развития Эго, она указала, что подобная ассимиляция необходима для успешного выполнения функций Эго и достижения независимости.

² Рассматривая в этом свете, материнскую любовь и понимание младенца можно считать самой надежной опорой младенца в преодолении состояний дезинтеграции и тревог психотической природы.

^[a] Heimann, P. A Contribution to the Problem of Sublimation and its Relation to Processes of Internalization. // I. J. PA. — 1942. — Vol. 23. — P. 8—17.

вается с высокой гибкостью и эластичностью инфантильной психики. На мой взгляд, если состояния расщепления, а следовательно, и дезинтеграции, которые Это неспособно преодолеть, случаются слишком часто и делятся слишком долго, их нужно рассматривать как симптом шизофренического заболевания у младенца, и некоторые признаки подобного заболевания можно наблюдать уже в первые месяцы жизни. У взрослых пациентов состояния деперсонализации и шизофренической диссоциации представляются регрессией к этим инфантильным состояниям дезинтеграции¹.

По моему опыту, чрезмерные страхи преследования и шизоидные механизмы в раннем младенчестве могут оказать вредное влияние на интеллектуальное развитие в его начальных стадиях. Поэтому определенные формы психической неполноценности нужно было бы рассматривать как принадлежащие группе шизофрений. В соответствии с этим, рассматривая психическую неполноценность у детей любого возраста, необходимо учитывать возможность шизофренического заболевания в раннем младенчестве.

До сих пор я описывала некие влияния чрезмерной интроекции и проекции на объектные отношения. Здесь я не делаю попыток подробно изучить различные факторы, способствующие в одних случаях преобладанию интроективных, в других — проективных процессов. Что касается нормальной личности, можно сказать, что ход развития Это и объектных отношений зависит от той степени, в которой может быть достигнут оптимальный баланс

¹ Герберт Розенфельд в работе «Анализ шизофренического состояния с деперсонализацией»^[a] представил материал случая для иллюстрации того, каким образом механизмы расщепления, связанные с проективной идентификацией, отвечают и за шизофреническое состояние, и за деперсонализацию. В своей работе «Заметка о психопатологии состояний спутанности при хронических шизофрениях»^[b] он также указал на то, что состояние спутанности возникает в том случае, если субъект теряет способность дифференцировать хорошие и плохие объекты, агрессивные и либидинозные импульсы и т. д. Он предположил, что при подобных состояниях спутанности механизмы расщепления часто усиливаются с защитными целями.

^[a] Rosenfeld, H. Analysis of a Schizophrenic State with Depersonalization (1947). // Psychotic States. — London, 1965.

^[b] Rosenfeld, H. Notes on the Psychopathology of Confusional States in Chronic Schizophrenias (1950). // Rosenfeld, H. Psychotic States. — London, 1965.

между интроверсией и проекцией на ранних стадиях развития. Это, в свою очередь, имеет отношение к интеграции Эго и ассоциации внутренних объектов. Если баланс нарушен и один из этих процессов чрезмерен, возникает взаимодействие между интроверсией и проекцией. Например, проекция преимущественно враждебного внутреннего мира, управляемого страхами преследования, ведет к интроверсии — принятию назад — враждебного внешнего мира; и vice versa¹, интроверсия искаженного и враждебного внешнего мира усиливает проекцию враждебного внутреннего мира.

Другой аспект проективных процессов, как мы уже видели, касается принудительного вторжения в объект и контроля над ним с помощью частей Я. В результате интроверсия в таком случае может быть сочтена за принудительное вторжение извне вовнутрь в ответ на насилиственную проекцию. Это может привести к страховому, что не только тело, но и психика контролируется другими людьми враждебным образом. В итоге может возникнуть серьезное нарушение в интроверсии хороших объектов — нарушение, которое затруднит все функции Эго, а также сексуальное развитие, и может привести к чрезмерному уходу во внутренний мир. Этот уход, тем не менее, вызван не только страхом интроверсии опасного внешнего мира, но и страхом внутренних преследователей и последующим бегством к идеализированному внутреннему объекту.

Я уже обращалась к проблеме ослабления и обеднения Эго, происходящих в результате чрезмерного расщепления и проективной идентификации. Однако это ослабленное Эго также становится неспособно ассоциировать свои внутренние объекты, что приводит к переживанию того, что оно управляет ими. Опять же такое ослабленное Эго считает себя неспособным принять обратно в себя части, спроектированные во внешний мир. Эти различные нарушения во взаимодействии между проекцией и интроверсией, подразумевающие чрезмерное расщепление Эго, оказывают вредное влияние на отношение к внутреннему и внешнему миру и представляются источниками некоторых форм шизофрении.

Проективная идентификация является основой многих ситуаций тревоги, некоторые из них я опишу. Фантазия о насилиственном вторжении в объект дает толчок тревогам, касающимся опасно-

---

¹ [Vice versa (*лат.*) — наоборот.]

стей, угрожающих субъекту изнутри объекта. Например, импульсы контролировать объект изнутри подстегивают страх быть контролируемым и преследуемым внутри его. Вследствие интроверсии и реинтроверсии объекта, подвергшегося насилиственному вторжению, значительно усиливаются переживания субъекта по поводу внутреннего преследования; с этих пор все больше считается, что реинтроверсированный объект содержит опасные аспекты Я. Аккумуляция тревог такой природы, в которых Эго как бы застряло между рядом внутренних и внешних ситуаций преследования, является базовым элементом в паранойе¹.

Ранее я описала² фантазии младенца об атаке и садистическом вторжении в тело матери и сказала, что они дают начало появлению различных ситуаций тревоги (особенно страху быть заключенным и преследуемым внутри нее), стоящих у истоков паранойи. Я также показала, что страх быть заключенным внутри матери (и особенно страх того, что атаке подвергнется пенис) является важным фактором в дальнейших нарушениях мужской потенции (импотенция), а также лежит в основе клаустрофобии³.

¹ Герберт Розенфельд в работах «Анализ шизофренического состояния с деперсонализацией»^[a] и «Заметки о связи мужской гомосексуальности и паранойи»^[b] обсуждал клиническое значение этих связанных с проективной идентификацией параноидных тревог у психотичных пациентов. В описанных им двух случаях шизофрении стало очевидным, что над пациентами господствовал страх того, будто аналитик пытается силой втиснуться в пациента. Когда эти страхи были проанализированы в ситуации переноса, произошло улучшение. Далее Розенфельд связал проективную идентификацию (и соответствующие страхи преследования), с одной стороны, с женской сексуальной фригидностью, с другой, с частым сочетанием гомосексуальности и паранойи у мужчин.

^[a] Rosenfeld, H. Analysis of a Schizophrenic State with Depersonalization (1947). // Rosenfeld, H. Psychotic States. — London, 1965.

^[b] Rosenfeld, H. Remarks on the Relation of Male Homosexuality to Paranoia, Paranoid Anxiety, and Narcissism. // Rosenfeld, H. Psychotic States. — London, 1965.

² «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], гл. VIII, особенно р. 131, и гл. XII, особенно р. 242.

³ Джоан Ривьер в неопубликованной работе «Параноидные установки, наблюдаемые в повседневной жизни и анализе» (прочитанной перед Британским психоаналитическим обществом в 1948 году) привела большое количество клинического материала, в котором очевидна проективная идентификация. Бессознательные фантазии втиснуть всего себя внутрь объекта (для контроля и обладания) привели

ШИЗОИДНЫЕ ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Теперь резюмируем некоторые идеи о нарушенных объектных отношениях, которые можно обнаружить у шизоидных личностей: сильное расщепление Я и чрезмерная проекция оказывают такое действие, что человек, на которого направлен этот процесс, считается преследователем. Поскольку деструктивная и ненавидимая часть Я, отщепленная и спроектированная, считается опасностью для любимого объекта и поэтому дает толчок вине, этот процесс проекции каким-то образом также подразумевает отклонение вины от Я на другого человека. Тем не менее, с виной не покончено, отклоненная вина считается бессознательной ответственностью за людей, ставших репрезентантами агрессивной части Я.

Другой типичной чертой шизоидных объектных отношений является их нарциссическая природа, берущая начало в инфантильных интроективных и проективных процессах, поскольку, как я уже предполагала ранее, когда Эго-идеал проецируется в другого человека, этот человек становится преимущественно любимым и обожаемым, т. к. содержит хорошие части Я. Подобным же образом отношение к человеку на основе проекции плохих частей Я в него имеет нарциссическую природу, т. к. в этом случае объект также в значительной мере репрезентирует одну часть Я. Оба этих типа нарциссического отношения к объекту часто обнаруживают сильные навязчивые черты. Импульс контролировать других людей, как мы знаем, — существенный элемент невроза навязчивости. Отклоненным влечением контролировать части Я можно в какой-то степени объяснить потребность контролировать других. Когда эти части чрезмерно спроектированы в другого человека, их можно контролировать лишь посредством контроля над другим человеком. Таким образом, один из источников навязчивых механизмов может быть обнаружен в особенной иденти-

---

из-за страха возмездия к ряду персекуторных тревог, таких как клаустрофobia, или к столь типичным фобиям, как фобия воров, пауков, вторжения во время войны. Эти страхи связаны с бессознательными «катастрофическими» фантазиями быть расчлененным, распотрошеным, разорванным на кусочки, с полным внутренним разрушением тела и личности и потерей идентичности — страхи, являющиеся развитием страха уничтожения (смерти) и оказывающие эффект усиления механизмов расщепления и процесса дезинтеграции Эго, что обнаружено у психотиков.

ификации, происходящей из инфантильных проективных процессов. Эта связь может также пролить свет на навязчивый элемент, столь часто входящий в тенденцию к репарации, поскольку вина испытывается не только в отношении объекта, но и частей Я, которые субъекта влечет исправить и восстановить.

Все эти факторы могут привести к компульсивной связи с определенными объектами или — другой исход — к избеганию людей для предотвращения как деструктивного вторжения в них, так и опасности их возмездия. Страх подобных опасностей может проявиться в различных негативных установках в объектных отношениях. Например, один из моих пациентов рассказывал мне, что ему не нравятся люди, на которых он слишком сильно влияет, т. к. они, кажется, становятся слишком похожими на него, и поэтому он устает от них.

Другой характерной чертой шизоидных объектных отношений является выраженная искусственность и отсутствие спонтанности. Бок о бок с этим происходит серьезное нарушение чувства Я или, как бы я сказала, отношения к Я. Это отношение также оказывается искусственным. Другими словами, психическая реальность и отношение к внешней реальности одинаково нарушены.

Проекция отщепленных частей Я в другого человека существенно влияет на объектные отношения, эмоциональную жизнь и личность в целом. Для иллюстрации этого заявления я выберу в качестве примера два универсальных взаимосвязанных феномена: чувство одиночества и страх расставания. Мы знаем, что один из источников депрессивных переживаний, возникающих у расставающихся людей, можно обнаружить в страхе разрушения объекта агрессивными импульсами, направленными против него. Однако специфичнее лежащие в основе этого страха процессы расщепления и проективные процессы. Если агрессивные элементы в отношении объекта доминируют и усиливаются фрустрацией при расставании, индивид считает, что отщепленные компоненты его Я, спроектированные в объект, контролируют этот объект агрессивным и деструктивным образом. В то же время внутренний объект считается находящимся в той же опасности разрушения, что и внешний, в котором одна часть Я считается отсутствующей. Результатом является чрезмерное ослабление Эго, чувство, что его нечем поддержать, и, соответственно, чувство одиночества.

Несмотря на то, что данное описание применяется к невротичным индивидам, полагаю, в какой-то мере это общее явление.

Едва ли нужно говорить, что некоторые черты шизоидных объектных отношений, описанных мною ранее, можно в меньшей степени и в менее отчетливой форме обнаружить и у нормальных людей — например, в робости, отсутствии спонтанности или, наоборот, особенно интенсивном интересе к людям.

Таким же образом нормальные нарушения в мыслительных процессах связаны с имеющей место в ходе развития параноидно-шизоидной позицией, поскольку все мы временами подвергаемся мимолетному ухудшению логического мышления, приравниваемому отрыванию мыслей и ассоциаций и отщеплению ситуаций друг от друга; фактически на время Эго расщепляется.

ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ В ОТНОШЕНИИ К ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНОЙ ПОЗИЦИИ

Сейчас я хотела бы рассмотреть дальнейшие шаги в развитии младенца. До сих пор я описывала тревоги, механизмы и защиты, характерные для нескольких первых месяцев жизни. С интроверсией целостного объекта примерно во второй четверти первого года жизни предпринимаются отчетливые шаги в интеграции. Это означает важные изменения в отношении к объектам. Любимые и ненавидимые аспекты матери больше не считаются слишком отделенными друг от друга, и результатом этого является усилившийся страх потери, состояния, сходные скорби и сильному переживанию вины, т. к. агрессивные импульсы считаются направленными против любимого объекта. Депрессивная позиция вышла на передний план. В свою очередь, сам опыт депрессивных переживаний имеет эффект дальнейшей интеграции Эго, поскольку способствует возросшему пониманию психической реальности и лучшему восприятию внешнего мира, равно как и большему синтезу внутренней и внешней ситуаций.

Влече~~ние~~ совершить reparацию, которое на этой стадии выходит на передний план, можно рассматривать в качестве результата большего понимания психической реальности и растущего синтеза, т. к. оно демонстрирует более реалистичную реакцию на пережи-

вания горя, вины и страха потери, происходящие из агрессии против любимого объекта. Поскольку влечение исправить или защитить раненый объект прокладывает путь для более удовлетворительных объектных отношений и сублимаций, оно, в свою очередь, увеличивает синтез и вносит вклад в интеграцию Эго.

Во второй половине первого года жизни младенец делает несколько фундаментальных шагов к проработке депрессивной позиции. Тем не менее, шизоидные механизмы все еще остаются в силе, хотя и в модифицированной форме и в меньшей степени, и в процессе модификации вновь и вновь испытываются ранние ситуации тревоги. Проработка персекуторной и депрессивной позиций растягивается на несколько первых лет жизни ребенка и играет существенную роль в инфантильном неврозе. В ходе этого процесса тревоги утрачивают свою силу; объекты становятся и менее идеализированными и менее ужасающими, а Эго становится более объединенным. Все это взаимосвязано с растущим восприятием реальности и адаптацией к ней.

Если развитие во время параноидно-шизоидной позиции не протекало нормально и младенец не может — по внутренним или внешним причинам — справиться с влиянием депрессивных тревог, возникает порочный круг, т. к. если страх преследования и, соответственно, шизоидные механизмы слишком сильны, Эго не способно проработать депрессивную позицию. Это заставляет Эго регрессировать к параноидно-шизоидной позиции и усиливает ранние персекуторные страхи и шизоидные явления. Таким образом, устанавливается основа для различных форм шизофрении в дальнейшей жизни; поскольку когда имеет место подобная регрессия, не только усиливаются точки фиксации в шизоидной позиции, но и существует опасность возникновения более сильных состояний дезинтеграции. Другим результатом может стать усиление депрессивных черт.

В этом развитии огромное значение, конечно же, имеют внешние переживания. Например, в случае с пациентом, обнаружившим депрессивные и шизоидные черты, анализ с особой яркостью выяснил его ранние переживания в младенчестве, в такой степени, что на некоторых сессиях в его горле или органах пищеварения возникали физические ощущения. Пациента внезапно отлучили от груди в возрасте четырех месяцев, потому что его мать заболела. Кроме того, он четыре недели не видел свою мать. Когда она

вернулась, то обнаружила, что ребенок сильно изменился. Он был жизнерадостным, интересующимся своим окружением ребенком, а теперь, казалось, утратил этот интерес. Он стал апатичным. Он довольно легко принял замену пищи и фактически никогда не отказывался от нее. Но он больше не имел такого здорового цветущего вида, похудел, и у него появились многочисленные проблемы с пищеварением. Лишь в конце первого года, когда начали вводить другую пищу, он вновь стал хорошо развиваться физически.

Анализ пролил свет на влияние этих переживаний на все его развитие. Его взгляды и установки во взрослой жизни основывались на паттернах, установленных на этой ранней стадии. К примеру, мы вновь и вновь обнаруживали тенденцию попадать без разбора под влияние других людей — фактически жадно вбирать все, что предлагалось, — одновременно с сильным недоверием во время процесса интроверсии. Этот процесс постоянно нарушался тревогами из различных источников, что также способствовало увеличению жадности.

Рассматривая весь материал анализа в целом, я пришла к выводу, что ко времени внезапной потери груди и матери пациент уже в какой-то мере установил отношение к целостному хорошему объекту. Он, без сомнения, уже вступил в депрессивную позицию, но не смог успешно проработать ее, и тогда регрессивно усилилась параноидно-шизоидная позиция. Это проявилось в «апатии», последовавшей за периодом, когда ребенок уже продемонстрировал живой интерес к своему окружению. Тот факт, что он уже достиг депрессивной позиции и интровертировал целостный объект, по-разному проявлялся в его личности. На самом деле он обладал сильной способностью к любви и огромным желанием хорошего и целостного объекта. Характерной чертой его личности было желание любить людей и доверять им, бессознательно вернуть обратно и выстроить вновь хорошую и целостную грудь, которой он когда-то обладал и которую потерял.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ШИЗОИДНЫМИ И МАНИАКАЛЬНО-ДЕПРЕССИВНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ

Некоторые флюктуации между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями всегда имеют место, и они являются

частью нормального развития. Следовательно, невозможно провести четкое разграничение между двумя стадиями развития; более того, модификация — процесс постепенный, и феномены двух позиций какое-то время в некоторой степени перемешиваются и взаимодействуют. Полагаю, что при аномальном развитии это взаимодействие влияет на клиническую картину как некоторых форм шизофрении, так и маниакально-депрессивных расстройств.

Для иллюстрации этой связи я вкратце обращаюсь к клиническому материалу. Я не намерена представлять здесь историю случая, поэтому выбираю материал, только имеющий отношение к данной теме. Пациентка, которую я имею в виду, представляла собой явный маниакально-депрессивный случай (диагностированный таковым несколькими психиатрами) и имела все характерные признаки данного расстройства: чередование депрессивных и маниакальных состояний, сильные суицидальные тенденции, неоднократно приводившие к попыткам суицида, а также многие другие маниакальные и депрессивные черты. В ходе ее анализа была достигнута стадия, на которой произошло реальное огромное улучшение. Не только разомкнулся порочный круг, но и произошли фундаментальные изменения в ее личности и объективных отношениях. Развилась разного рода продуктивность, равно как и настоящие переживания счастья (не маниакального типа). Затем, отчасти благодаря внешним обстоятельствам, наступила другая фаза. Во время этой последней фазы, продолжавшейся несколько месяцев, пациентка проявляла сотрудничество в анализе особенным образом. Она регулярно приходила на аналитические сессии, достаточно свободно давала ассоциации, рассказывала о своих сновидениях и предоставляла материал для анализа. Тем не менее, у нее не было эмоциональной реакции на мои интерпретации, а лишь сильное презрение к ним. Очень редко она давала сознательное подтверждение тому, что я предлагала. Все же материал, которым она реагировала на интерпретации, отражал их бессознательный эффект. Мощное сопротивление, продемонстрированное на этой стадии, казалось, исходило лишь от одной части личности, тогда как в то же самое время другая часть откликалась на аналитическую работу. Части ее личности не сотрудничали не только со мной; казалось, они не сотрудничали друг с другом, и в то время анализ не мог помочь пациентке достичь синтеза.

Во время этой стадии она решила завершить анализ. Внешние обстоятельства в значительной мере способствовали этому решению, и она назначила дату последней сессии.

В этот самый день она рассказала следующее сновидение: жил-был слепой мужчина, очень обеспокоенный тем, что он слепой; но, как оказалось, он успокаивал себя тем, что дотрагивался до платья пациентки, обнаруживая, как оно застегнуто. Платье в сновидении напоминало одно из ее платьев, нагло застегивающееся до горла. Пациентка дала две следующие ассоциации на это сновидение. Она сказала, с некоторым сопротивлением, что слепой мужчина — это она сама; а на ссылку на нагло застегнутое платье она отметила, что вновь ушла в свою «шкуру». Я предположила, что в сновидении пациентка бессознательно выразила то, что она слепа к собственным трудностям и что ее решения по поводу анализа, а также в отношении различных обстоятельств ее жизни не находились в согласии с ее бессознательным знанием. Это также было продемонстрировано ее признанием, что она ушла в «шкуру», означавшим, что она изолировала себя — установка, хорошо известная ей из предыдущих стадий анализа. Таким образом, бессознательное понимание и даже некоторое сотрудничество на сознательном уровне (признание того, что это она была слепым человеком и что ушла в свою «шкуру») исходили лишь от изолированных частей ее личности. Фактически интерпретация этого сновидения не произвела никакого эффекта и не изменила решения пациентки завершить анализ на этом конкретном сеансе¹.

Природа определенных трудностей, с которыми пришлось столкнуться в этом, а также и в других анализах, более отчетливо проявилась в последние несколько месяцев до того, как пациентка прервала лечение. Это была смесь шизоидных и маниакально-депрессивных черт, определявших природу ее заболевания, поскольку иногда во время анализа — даже на ранней стадии, когда депрессивные и маниакальные состояния были в расцвете, — депрессивные и шизоидные механизмы порой появлялись одновременно. К примеру, были сеансы, когда пациентка явно находилась в глубокой депрессии, полной самоупреков и переживаний недостойности; слезы катились

---

¹ Могу отметить, что после перерыва анализ был возобновлен.

по ее щекам, и все ее жесты выражали отчаяние; тем не менее, когда я интерпретировала эти эмоции, она говорила, что совсем не чувствует их. После чего она упрекала себя за бесчувствие, за то, что полностью пустая. В такие сессии также наблюдался полет идей, казалось, мысли обрываются, а их выражение несвязано.

Вслед за интерпретацией бессознательных причин, лежащих в основе таких состояний, бывали сессии, в которых эмоции и депрессивные тревоги полностью выходили наружу, и в такие моменты мысли и речь были намного более связанными.

Эта тесная связь между депрессивными и шизоидными феноменами возникала, хотя и в различных формах, на протяжении всего ее анализа, однако она стала особенно отчетливой во время последней стадии, предшествующей только что описанному перерыву.

Я уже обращалась к сопряженной с развитием связи между пааноидно-шизоидной и депрессивной позициями. Сейчас возникает вопрос о том, является ли эта сопряженная с развитием связь основой для смешения этих черт в маниакально-депрессивных и, как бы я предположила, шизофренических расстройствах. Если бы можно было доказать эту предварительную гипотезу, был бы сделан вывод, что группы шизофренических и маниакально-депрессивных расстройств связаны в развитии теснее, чем предполагалось. Думаю, это также объяснило бы случаи, в которых чрезвычайно трудно провести диагностическое различие между меланхолией и шизофренией. Я была бы признательна, если бы мои коллеги, обладающие достаточным материалом для психиатрического наблюдения, смогли пролить дальнейший свет на мою гипотезу.

НЕКОТОРЫЕ ШИЗОИДНЫЕ ЗАЩИТЫ

Все согласятся, что анализировать шизоидных пациентов намного сложнее, чем маниакально-депрессивных. Их уход в себя, неэмоциональная установка, нарциссические элементы в их объектных отношениях (к которым я обращалась ранее), своего рода безадресная враждебность, пропитывающая все отношение к аналитику, создают весьма сложный тип сопротивления. Я считаю, что за неудачи пациента при контакте с аналитиком, а также за отсутствие реакции на интерпретации аналитика ответственны, в основном, процессы расщеп-

пления. Сам пациент чувствует себя отдаленным и отстраненным, и это чувство соответствует впечатлению аналитика, что значительные части личности пациента и его эмоций недоступны. Пациенты с шизоидными чертами могут говорить: «Я слышу, что вы говорите. Может быть, вы и правы, но для меня это не имеет значения». Или опять же они говорят, будто чувствуют, что они не здесь. Выражение «не имеет значения» в таких случаях не означает активного отвержения интерпретации, но предполагает, что части личности и эмоций отщеплены. Поэтому эти пациенты могут не реагировать на интерпретацию; они и не принимают и не отвергают ее.

Я проиллюстрирую процессы, лежащие в основе подобных состояний, отрывком из материала, взятого из анализа одного пациента. Сессия, которую я имею в виду, началась с того, что пациент сказал мне, что испытывает тревогу и не знает почему. Затем он сравнивал себя с людьми, более успешными и удачливыми, чем он. Эти замечания относились и ко мне. На передний план вышли очень сильные переживания Фрустрации, зависти и обиды. Когда я проинтерпретировала — если передать только суть интерпретации — что эти переживания направлены против аналитика и что он хочет разрушить меня, его настроение резко изменилось. Тон его голоса стал вялым, он говорил медленно, без выражения, он сказал, что чувствует себя отдаленным от всей этой ситуации. Он добавил, что моя интерпретация кажется ему верной, но это не имеет значения. Фактически у него не было больше никаких желаний, ему не о чем было больше беспокоиться.

Мои следующие интерпретации сосредоточились на причинах этого изменения настроения. Я предположила, что в момент интерпретации опасность разрушить меня стала для него вполне реальной, и немедленным следствием этого стал страх потерять меня. Вместо того чтобы переживать вину и депрессию, что на определенных стадиях анализа он и делал вслед за подобными интерпретациями, теперь он попытался справиться с этими опасностями путем особого метода расщепления. Как мы знаем, под давлением амбивалентности, конфликта и вины пациент зачастую расщепляет фигуру аналитика; тогда в одни моменты аналитик может быть любим, а в другие — ненавидим. Или отношения к аналитику могут расщепляться таким образом, что он остается хорошей (или плохой) фигурой, а кто-то

другой становится противоположной фигурой. Но в этом конкретном примере имело место иное расщепление. Пациент отцепил те части себя, т. е. части Эго, которые считал опасными и враждебными по отношению к аналитику. Он направил свои деструктивные импульсы от своего объекта к своему Эго, в результате чего части его Эго временно перестали существовать. В бессознательной фантазии это приравнивалось уничтожению части его личности. Особый механизм обращения деструктивных импульсов против одной части своей личности и последующее рассеивание эмоций сохраняли тревогу в скрытом состоянии.

Результатом моей интерпретации этих процессов вновь стало изменение настроения пациента. Он стал эмоциональным, сказал, что ему хочется плакать, что он угнетен, но чувствует себя более интегрированным; затем он сказал, что испытывает чувство голода¹.

По моему опыту, мощное отцепление и разрушение одной части личности под давлением тревоги и вины является значимым шизоидным механизмом. Вкратце обратимся к другому примеру: пациентке приснился сон, что она должна присматривать за злой девочкой, которую заставили убить кого-то. Пациентка пыталась повлиять на ребенка или проконтролировать его и вытащить у него признание, которое могло бы принести ей пользу; однако у нее ничего не получалось. Я также появилась в ее сновидении, и пациентка чувствовала, что я могу помочь ей справиться с ребенком. Затем пациентка повесила девочку на дерево, чтобы запутать ее и помешать ей нанести вред. Когда пациентка была готова дернуть за веревку и убить ребенка, она проснулась. Во время этой части сновидения аналитик также присутствовал, но оставался неактивным.

---

¹ Чувство голода указывало на то, что процесс интроекции вновь начинался под господством либидо. Если на первую интерпретацию его страха разрушить меня своей агрессией он сразу же отреагировал мощным отцеплением и уничтожением частей своей личности, то теперь он полнее переживал эмоции горя, вины и страха потери, а также испытывал некоторое облегчение от этих депрессивных тревог. Освобождение от тревоги вновь привело к тому, что аналитик стал обозначать хороший объект, которому он мог доверять. Поэтому на передний план могло выйти желание интровертировать меня в качестве хорошего объекта. Если бы он сумел вновь выстроить хорошую грудь внутри себя, он бы усилил и интегрировал свое Эго, в меньшей степени опасался бы своих деструктивных импульсов; фактически смог бы сохранить себя и аналитика.

Я опишу лишь суть тех выводов, к которым я пришла, проанализировав это сновидение. В сновидении личность пациентки была расщеплена на две части: с одной стороны, на злого и неконтролируемого ребенка, с другой — на человека, пытавшегося повлиять и проконтролировать его. Ребенок, конечно же, обозначал различные фигуры прошлого, но в данном контексте он, главным образом, репрезентировал одну часть Я пациентки. Другой вывод — аналитик был человеком, которого ребенок собирался убить; и моя роль в сновидении заключалась в том, чтобы отчасти помешать совершению этого убийства. Убийство ребенка — к которому пациентке пришлось прибегнуть — репрезентировало уничтожение одной части ее личности.

Возникает вопрос: как шизоидный механизм уничтожения части Я связан с вытеснением, которое, как мы знаем, направлено против опасных импульсов? Но здесь эту проблему я рассматривать не могу.

Безусловно, во время сессии перемены настроения не всегда происходят столь резко, как в первом примере, приведенном мною в этом параграфе. Но я неоднократно обнаруживала, что продвижения в синтезе осуществляются посредством интерпретаций специфических причин расщепления. Подобные интерпретации должны детально рассматривать ситуацию переноса в этот момент, включая, конечно же, связь с прошлым, и должны содержать обращение к деталям ситуаций тревог, побуждающих. Это регрессировать до шизоидных механизмов. Синтез, являющийся результатом интерпретаций по этим направлениям, идет рука об руку с депрессией и различного рода тревогами. Постепенно подобные волны депрессии — за которыми следует более сильная интеграция — ведут к уменьшению шизоидных явлений, а также к фундаментальным изменениям в объектных отношениях.

СКРЫТАЯ ТРЕВОГА У ШИЗОИДНЫХ ПАЦИЕНТОВ

Я уже ссыпалась на недостаток эмоций, делающий шизоидных пациентов неотзывчивыми. Ему сопутствует отсутствие тревоги. Следовательно, не хватает важной опоры для аналитической работы, поскольку с пациентами других типов, обладающими интенсивной проявляемой и скрытой тревогой, освобождение от тревоги, идущее от аналитической интерпретации, становится опытом, содействующим их способности сотрудничать в анализе.

Этот недостаток тревоги у шизоидных пациентов — лишь видимость, т. к. шизоидные механизмы подразумеваают рассеивание эмоций, включая тревогу, однако эти рассеянные элементы все еще существуют у пациента. Такие пациенты имеют определенную форму скрытой тревоги; она остается скрытой при помощи определенного метода рассеивания. Переживание дезинтегрированности, неспособности испытывать эмоции, потери объектов фактически эквивалентно тревоге. Это проясняется, когда сделаны продвижения в синтезе. Отромное облегчение, которое в таком случае испытывает пациент, исходит из чувства, что его внутренний и внешний миры не только сблизились, но и вновь вернулись к жизни. Ретроспективно выясняется, что в такие моменты, когда эмоций недоставало, отношения были неясны и неопределенны, а части личности считались потерянными, все казалось мертвым. Все это эквивалентно тревоге, очень серьезной по своей природе. Эта тревога, удерживаемая скрытой при помощи рассеивания, в какой-то мере переживается все это время, однако ее форма отличается от скрытой тревоги, которую можно обнаружить в других типах случаев.

Интерпретации, идущие в направлении синтеза расщепления в Я, включая рассеивание эмоций, делают возможным постепенное переживание тревоги как таковой, хотя длительное время мы способны фактически только сводить воедино идеационное содержание, не извлекая эмоций тревоги.

Я также обнаружила, что интерпретации шизоидных состояний предъявляют определенные требования к нашей способности облекать интерпретации в интеллектуально понятную форму, в которой установлены связи между сознанием, предсознательным и бессознательным. Это, конечно, всегда является одной из наших целей, но особое значение имеет, когда эмоции пациента недоступны, и нам кажется, что мы обращаемся лишь к его интеллекту, каким бы нарушенным он не был.

Вероятно, приведенные мною несколько советов можно в какой-то мере применить к технике анализа шизофренических пациентов.

РЕЗЮМЕ ВЫВОДОВ

Теперь я резюмирую ряд выводов, представленных в этой работе. Одним из ключевых моментов было предположение, что

в первые несколько месяцев жизни тревога, в основном, переживается как страх преследования, и это содействует определенным механизмам и защитам, важным для параноидно-шизоидной позиции. Среди этих защит выделяются механизмы расщепления внутренних и внешних объектов, эмоций и Эго. Эти механизмы и защиты являются частью нормального развития и в то же время формируют основу для позднейшего шизофренического заболевания. Я описала процессы, лежащие в основе идентификации через проекцию, как сочетание отщепления частей Я и их проекции на другого человека, эта идентификация оказывает некоторое влияние на нормальные и шизоидные объектные отношения. Начало депрессивной позиции является таким моментом, когда с помощью регрессии шизоидные механизмы могут быть усилены. Я также предположила существование тесной связи между маниакально-депрессивными и шизоидными расстройствами, основанными на взаимодействии инфантильной параноидно-шизоидной и депрессивной позиций.

Приложение

Анализ Фрейдом случая Шребера¹ содержит богатый материал, имеющий прямое отношение к моей теме, из которого, однако, я сделаю лишь несколько выводов.

Шребер живописно описал расщепление души своего врача Флехзига (его любимой и преследующей фигуры). «Душа Флехзига» в одно время ввела систему «разделений душ», расщеплений на 40–60 частей. Эти души множились до тех пор, пока не стали «помехой», и тогда Бог совершил на них нападение, в результате душа Флехзига выжила «лишь в одной или двух формах». Другое обстоятельство, которое упоминает Флехзиг, это то, что фрагменты души Флехзига медленно теряли и свой ум и свою силу.

Одним из выводов, к которым пришел Фрейд в анализе этого случая, было то, что преследователь расщеплен на Бога и Флехзига и что Бог и Флехзиг репрезентируют отца и брата пациента.

---

¹ Freud, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]). // G. W. — Bd. VIII. — S. 239–316. [Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи.] (S. E. — Vol. 12. — P. 9–79.)

Обсуждая различные формы иллюзии Шребера о разрушении мира, Фрейд заявляет: «В любом случае конец мира был следствием конфликта, разразившегося между ним, Шребером, и Флехзигом, или в соответствии с этиологией, принятой во второй фазе его иллюзии, нерушимой связи, возникшей между ним и Богом...»¹.

Исходя из гипотез, обозначенных в данной работе, я бы предположила, что разделение души Флехзига на множество душ было не только расщеплением объекта, но и проекцией переживания Шребера, что его Это расщеплено. Здесь я лишь упомяну о связи подобных процессов расщепления с процессами интроверсии. Сам собой напрашивается вывод, что Бог и Флехзиг также репрезентировали части Я Шребера. Конфликт между Шребером и Флехзигом, которому Фрейд приписывал решающую роль в иллюзии разрушения мира, нашел свое выражение в нападении Бога на души Флехзига. На мой взгляд, это нападение представляет собой уничтожение одной частью Я других частей, что, как я утверждаю, является шизоидным механизмом. Связанные с этим механизмом тревоги и фантазии о внутреннем разрушении и дезинтеграции Это проецируются на внешний мир и лежат в основе иллюзий о его разрушении.

Рассматривая процессы, лежащие в основе параноидной «мировой катастрофы», Фрейд приходит к следующим выводам: «Пациент извлек от людей из своего окружения и из внешнего мира, в основном, либидинозный катексис, который он до сих пор направлял на них. Таким образом, все стало для него равнодушно и безразлично, что можно объяснить с помощью вторичной рационализации как “произошедшее в результате чуда, наскоро устроенное”. Конец мира является проекцией этой внутренней катастрофы, поскольку его субъективный мир пришел к концу, поскольку он лишил его своей любви»². Это объяснение весьма специфично рассматривает нарушение объектного либидо и последующий сбой в отношении к людям и внешнему миру. Однако чуть ниже Фрейд обсуждает другой аспект этих нарушений. Он говорит: «Мы больше не можем отвергать возможность того, что нарушения либидо могут реагировать на эгоистические катексисы, и мы не можем не заметить

¹ S. E. — Vol. 12. — P. 69.

² S. E. — Vol. 12. — P. 70.

обратной возможности — а именно того, что вторичное или вызванное нарушение либидинозных процессов может возникнуть в результате ненормальных изменений в Эго. В самом деле, возможно, что процессы подобного рода составляют отличительную черту психозов» (курсив мой). Именно возможность, выраженная в последних двух предложениях, обеспечивает связь между объяснением Фрейдом «мировой катастрофы» и моей гипотезой. «Ненормальные изменения в Эго» исходят, как я предположила в данной работе, из чрезмерных процессов расщепления в раннем Эго. Эти процессы замысловато связаны с инстинктивным развитием и тревогами, которым дают толчок инстинктивные желания. В свете недавно сформулированной теории Фрейда об инстинктах жизни и смерти¹, заменившей концепцию эгоистичных и сексуальных инстинктов, нарушения в распределении либидо предполагают разъединение деструктивного импульса и либидо. Механизм уничтожения одной частью Эго других частей, который, как я предполагаю, лежит в основе фантазии о «мировой катастрофе» (нападение Бога на души Флехзига), означает превосходство деструктивного импульса над либидо. Любое нарушение в распределении нарциссического либидо, в свою очередь, связано с отношением к интровертированным объектам, которые (согласно моему опыту) с самого начала формируют часть Эго. Таким образом, взаимодействие нарциссического и объектного либидо соответствует взаимодействию отношения к интровертированным и внешним объектам. Если Эго и интернализированные объекты считаются распавшимися на кусочки, младенец переживает внутреннюю катастрофу, которая как распространяется на внешний мир, так и проецируется на него. Подобные состояния тревоги, касающиеся внутренней катастрофы, возникают, в соответствии с обсуждаемой в настоящей работе гипотезой, во время периода инфантильной параноидно-шизоидной позиции и формируют основу для позднейшей шизофрении. По мнению Фрейда, преддиспозиционная фиксация на *dementia praecox* обнаруживается на очень ранней стадии развития. Ссылаясь на *dementia praecox*, отграничевшую им от паранойи, Фрейд говорит: «Диспозиционный момент фиксации можно, таким

¹ [Имеется в виду работа Фрейда: Freud. S. Jenseits des Lustprinzips (1920g). // G. W. — Bd. XIII. — S. 1—69.]

образом, расположить дальше, чем в паранойе, и он должен лежать где-то в начале хода развития от аутоэротизма к объекту любви»¹.

Я хочу сделать еще один вывод из анализа Фрейдом случая Шребера. Я предполагаю, что нападение, закончившееся сокращением душ Флехзига до одной или двух, было частью попытки к выздоровлению, поскольку нападение должно было упразднить или, можно сказать, устраниТЬ расщепление в Это уничтожением его отщепленных частей. В результате были оставлены лишь одна или две души, которые, как мы можем предположить, должны были воссоединить свой ум и силу. Тем не менее, эта попытка выздороветь испытала влияние весьма деструктивных способов, используемых Это против себя и своих проецируемых объектов.

Оказалось, подход Фрейда к проблемам шизофрении и паранойи имел фундаментальное значение. Его статья о Шребере (и здесь нам также следует упомянуть о статье Абрахама², цитированной Фрейдом) открыла возможность понимания психоза и лежащих в его основе процессов.

¹ S. E. — Vol. 12. — P. 77.

² Abraham, K. Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox. // Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. — N. F. — Bd. XIX. — Juli. — S. 521—533.

О ТЕОРИИ ТРЕВОГИ И ВИНЫ

(1948а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском языке:

1948: A Contribution to the Theory of Anxiety and Guilt. // International Journal of Psychoanalysis. — 1948. — Vol. 29. — P. 114—123.

1952: On the Theory of anxiety and guilt. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in Psycho-Analysis. — London: Hogarth Press, 1952. — P. 271—291.

Издание на немецком языке:

1962: Zur Theorie von Angst und Schulgefühl. // Klein, M. Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. — Stuttgart: Ernst Klett, 1962. — S. 127—145.

Издание на русском языке:

2001: О теории вины и тревоги. // Кляйн, М., Айзекс, С., Райвери, Дж., Хайманн, П. Развитие в психоанализе / Пер. с англ. — М.: Академический проект, 2001. — С. 394—423.

В этой статье на основе предыдущих разработок Кляйн обосновывает свою позицию относительно происхождения тревоги (страха) и чувства вины. Полемизируя с Фрейдом, Кляйн указывает, что первичная причина тревоги — переживание субъектом опасности, исходящей из внутренней работы влечения к смерти. Фундаментальным здесь является страх уничтожения, который, по мнению Кляйн, лежит в основе других видов страха. В отличие от взглядов Фрейда, утверждавшего, что поскольку в жизненном опыте индивида нет аналогов проживанию смерти, то основополагающий страх — страх кастрации, Кляйн показывает, что страх уничтожения или страх смерти входит составляющим в страх кастрации и усиливает последний. В результате активно истиранных процессов проекции-интроекции индивид наделяет внутренние и внешние объекты свойствами разрушающего характера, которые становятся репрезентантами влечения к смерти. Чувство вины, по утверждению Кляйн, возникает в связи с опасностью разрушения любимых объектов и переживается наряду с депрессивной тревогой и стремлением к репарации. В этой работе Кляйн также указывает на значение исследований агрессии, из которых она исходит при формулировании своей позиции по отношению к страху и вине.

Перевод с английского И.П. Плеховой.

Мои умозаключения в отношении тревоги и вины развивались постепенно на протяжении ряда лет; полезно было бы проследить, каким образом я пришла к ним.

I

Относительно истоков тревоги Фрейд предлагал начать с гипотезы о том, что тревога возникает из прямой трансформации либидо. В работе «Торможение, симптом и страх» он пересмотрел свои различные теории о происхождении тревоги. Вот что он пишет: «Не принимая ни одну из сторон, соберем все, что мы можем сказать о страхе, и при этом откажемся от ожидания нового синтеза»¹. Фрейд снова заявил, что тревога возникает из прямой трансформации либидо, но на этот раз, кажется, придал меньше значения этому «экономическому» аспекту происхождения тревоги. Он обозначил свою точку зрения в следующих утверждениях: «Мы надеемся, что проясним положение вещей, определенно заявив, что предусмотренное в Оно течение возбуждения вообще не состоится вследствие вытеснения, Я удается его приостановить или отклонить. В таком случае отпадает загадка “преобразования аффекта” при вытеснении»². И далее: «Возможно, проблема возникновения страха при вытеснении не является простой; тем не менее, правомерно придерживаться идеи, что Я является собственно местом расположения страха, и отказаться от прежнего воззрения, что энергия нагрузки вытесненного порыва автоматически преобразуется в страх»³.

В отношении проявлений тревоги у маленьких детей Фрейд говорил, что тревога возникает вследствие «отсутствия любимого

¹ Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 162.

² Ibid. S. 118—119.

³ Ibid. S. 120.

(желанного) лица»¹. В связи с фундаментальной тревогой у девочек он описывал инфантильный страх потери любви терминами, которые в определенной степени можно применить к младенцам обоих полов: «Если мать отсутствует или лишает ребенка своей любви, он же перестает быть уверен в удовлетворении своих потребностей, может быть, испытывает мучительнейшие чувства напряжения»².

В книге «Новые лекции по введению в психоанализ», рассматривая теорию о том, что тревога возникает из трансформации неудовлетворенного либидо, Фрейд говорит, что это «нашло подтверждение в некоторых весьма обычных фобиях маленьких детей. <...> Детские фобии и ожидание страха при неврозе страха дают нам два примера одного способа возникновения невротического страха: путем прямого преобразования либидо»³.

Из этих и подобных отрывков можно сделать два вывода, к которым я вернусь ниже: а) у маленьких детей в тревогу превращается именно неудовлетворенное либидинозное возбуждение; б) самое раннее содержание тревоги — переживание младенцем опасности, что его потребности не будут удовлетворены, потому что мать «отсутствует».

II

Что касается вины, Фрейд придерживался мнения, что она берет свое начало в эдиповом комплексе и является его следствием. Тем не менее, есть отрывки, в которых Фрейд ясно обращается к конфликту и вине, возникающим на более ранней стадии жизни. Он писал: «...чувство вины есть выражение конфликта амбивалентности, вечной борьбы между Эросом и влечением к деструкции или смерти» (курсив мой). А также «...с нею [культурой] неразрывно связано возрастание чувства вины как следствие рожденного вместе с ней [культурой] конфликта амбивалентности, как следствие вечной распри между любовью и стремлением к смерти» (курсив мой)⁴.

¹ Ibid. S. 167.

² Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]). // G. W. — Bd. XV. — S. 94.

³ Ibid. S. 89.

⁴ Freud, S. Das Unbehagen in der Kultur (1930a [1929]). // G. W. — Bd. XIV. — S. 492.

Далее, высказываясь о предлагаемом некоторыми авторами взгляде о том, что фрустрация усиливает чувство вины, он говорил: «Как же динамически и экономически объяснить то, что на место неисполненного эротического притязания становится возрастание чувства вины? То, что препятствие эротическому удовлетворению вызывает склонность к агрессии по отношению к персоне, мешающей удовлетворению и что сама эта агрессия должна быть снова подавлена, кажется, возможно лишь на окольном пути. Однако в этом случае в чувство вины преобразуется только подавляемая и отодвигаемая к Сверх-Я агрессия. Я убежден, что многие процессы можно представить проще и яснее, если ограничить открытие психоанализа о производном характере чувства вины агрессивными влечениями» (курсив мой)¹.

Здесь Фрейд недвусмысленно утверждает, что вина исходит из агрессии и это, вместе с выше цитированными высказываниями («родженный вместе с [культурой] конфликт амбивалентности»), указывает на то, что вина возникает на самой ранней стадии развития. Тем не менее, рассматривая взгляды Фрейда в целом, какими мы находим их опять же в «Новых лекциях по введению в психоанализ», становится ясным, что он придерживался своей гипотезы о том, что вина устанавливается как следствие эдипова комплекса.

Абрахам, особенно в своем исследовании либидинозной организации², хорошо осветил самые ранние фазы развития. Его открытия в области инфантильной сексуальности были связаны с новым подходом к происхождению тревоги и вины. Абрахам предположил, что «на стадии нарциссизма с каннибалической сексуальной целью в качестве первого фактора торможения влечения, который можно выявить, выступает страх. Преодоление каннибализма тесно связано

¹ Ibid. S. 498. В той же самой книге Фрейд принял мою гипотезу (изложенную в работах «Ранние стадии эдипова конфликта» [(1928a). Наст. изд. Т. I. С. 289–308] и «Значение символообразования в развитии Эго» [(1930a). Наст. изд. Т. II. С. 37–56]) о том, что суровость Супер-Эго в некоторой степени является результатом агрессии ребенка, проецируемой на Супер-Эго.

² Abraham, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien. — Frankfurt am Main, 1969. — Bd. I. — S. 113–183.

с появлением чувства вины, которое является типичным явлением торможения на третьей [ранней анально-садистической] ступени¹.

Таким образом, Абрахам внес существенный вклад в наше понимание истоков тревоги и вины, поскольку первым указал на связь тревоги и вины с каннибалистическими желаниями. Он сравнивал свое короткое исследование психосексуального развития с «расписанием движения скорого поезда, где обозначены только некоторые крупные станции». Он предполагал, что «то, что находится между ними, в обзоре такого рода остается без внимания»².

III

Моя собственная работа не только подтвердила открытия Абрахама относительно тревоги и вины и показала их значимость в должной перспективе, но и развila их далее, дополнив новыми фактами, обнаруженными при анализе маленьких детей.

Когда я анализировала инфантильные ситуации тревоги, я осознавала фундаментальную значимость идущих из всех источников садистических импульсов и фантазий, которые сходятся вместе и достигают кульминации на самых ранних стадиях развития. Я также обнаружила, что ранние процессы интроекции и проекции приводят к установлению внутри Эго, наряду с крайне «хорошими» объектами, крайне путающими и преследующими объектов. Эти фигуры понимаются в свете собственных агрессивных импульсов и фантазий младенца, т. е. он проецирует собственную агрессию на внутренние фигуры, формирующие часть его раннего Супер-Эго. К тревоге из этих источников добавляется вина, исходящая из агрессивных импульсов младенца против первого любимого объекта, как внешнего, так и внутреннего³. В более поздней работе⁴ я экстремальным случаем проиллюстри-

¹ Ibid. [Цит. по рус. изд.: Абрахам, К. Опыт истории развития либидо на основе психоанализа душевных расстройств (1924). // Абрахам, К. Характер и развитие / Пер. с нем. — Ижевск: ERGO, 2007. — С. 154.]

² Ibid. [Там же. С. 153.]

³ Ср. мою работу «Ранние стадии эдипова конфликта» [(1928а). Наст. изд. Т. I. С. 289–308].

⁴ «Значение символообразования в развитии Эго» [(1930а). Наст. изд. Т. II. С. 37–56].

ровала патологические эффекты тревоги, вызываемой у младенцев их деструктивными импульсами, и сделала вывод, что самые ранние защиты Эго (как при нормальном, так и при аномальном развитии) направлены против тревоги, вызванной агрессивными импульсами и фантазиями¹.

Несколько лет спустя, пытаясь достичь более полного понимания инфантильных садистических фантазий и их истока, я была вынуждена применить гипотезу Фрейда о борьбе между инстинктами жизни и смерти к клиническому материалу, полученному при анализе маленьких детей. Мы помним, что Фрейд утверждал: «В индивиде с опасными влечениями к смерти происходят разные вещи, частично они, соединяясь с эротическими компонентами, становятся безвредными, частично они отклоняются вовне в форме агрессии, большей частью они, несомненно, без помех продолжают свою внутреннюю работу»².

Продолжая это направление мысли, я выдвинула гипотезу³ о том, что тревога вызывается опасностью, угрожающей организму с сопротивления инстинкта смерти; и я предположила, что это — первичная причина тревоги. Описание Фрейдом борьбы между инстинктами жизни и смерти (ведущей к отклонению части инстинкта смерти вовне и слиянию этих двух инстинктов) приводит к выводу, что тревога берет свое начало в страхе смерти.

В своей статье о мазохизме⁴ Фрейд сделал несколько фундаментальных выводов, касающихся связи мазохизма и инстинкта смерти, в этом свете он рассматривал различные тревоги, возникающие из активности инстинкта смерти, обращенного вовнутрь⁵. Тем не менее, среди этих тревог он не упоминает страх смерти.

¹ Я рассматривала эту проблему более полно и под разными углами в книге «Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III], гл. VIII и IX.

² Freud, S. Das Ich und das Es (1923б). // G. W. — Bd. XIII. — S. 284.

³ Ср. «Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III]. Р. 126—127.

⁴ Freud, S. Das ökonomische Problem des Masochismus (1924с). // G. W. — Bd. XIII. — S. 369—383. [«Экономическая проблема мазохизма.】 В этой статье Фрейд впервые применил новую классификацию инстинктов к клиническим проблемам. «Моральный мазохизм, таким образом, становится одним из классических доказательств существования смешения влечений» [s. 383].

⁵ Ibid. S. 383.

В работе «Торможение, симптом и страх» Фрейд обсуждает причины того, почему он не рассматривает страх смерти (или страх за жизнь) в качестве первичной тревоги. Он основывает свою точку зрения на наблюдении того, что «в бессознательном нет ничего такого, что могло бы дать содержание нашему понятию об уничтожении жизни»¹. Он указал на то, что невозможно испытать ничего, напоминающего смерть, за исключением разве что потери сознания, и сделал заключение, что «страх смерти следует считать аналогом страха кастрации»².

Я не разделяю этого мнения, потому что мои аналитические наблюдения показывают, что в бессознательном присутствует страх уничтожения жизни. Я также склонна считать, что если мы допускаем существование инстинкта смерти, мы также должны допустить, что в самых глубоких слоях психики существует реакция на этот инстинкт в форме страха уничтожения жизни. Таким образом, на мой взгляд, опасность, возникающая из внутренней работы инстинкта смерти, является первой причиной тревоги³. Поскольку борьба между инстинктами жизни и смерти продолжается на протяжении всей жизни, этот источник тревоги никогда не исчезает и выступает постоянным фактором во всех ситуациях тревоги.

Мои возражения о том, что тревога берет начало в страхе уничтожения, исходят из опыта, накопленного при анализе маленьких детей. Когда в таком анализе возрождаются и повторяются самые ранние ситуации тревоги младенца, можно обнаружить такой силы врожденную мощь инстинкта, в конечном счете, направленного против Я, что его существование не оставляет никаких сомнений. Это справедливо, даже когда мы учтываем роль, которую в превратностях деструктивных импульсов играет фрустрация, внутренняя и внешняя. Здесь не место для детальных доказательств в поддержку моего довода, однако в качестве иллюстрации приведу один пример, упомянутый в моей работе

¹ Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 160.

² Ibid. S. 160.

³ См. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946a). Наст. том. С. 69—101]. В 1946 году я пришла к выводу, что эта первичная ситуация тревоги играет важную роль в шизофреническом заболевании.

«Психоанализ детей»¹. Пятилетний мальчик притворялся, что у него есть всевозможные дикие животные, такие как слоны, леопарды, гиены и волки, которые помогают ему против его врагов. Они репрезентировали опасные объекты — преследователей — которых он приручил и мог использовать как защиту против врагов. Однако при анализе выяснилось, что они также олицетворяют его собственный садизм, каждое животное репрезентирует специфический источник садизма и связанные с ним органы. Слоны символизировали мускульный садизм, его импульсы бить и топтать. Рвущие леопарды репрезентировали его зубы и ногти, и их функции при атаках. Волки символизировали экскременты, наделенные деструктивными качествами. Иногда его очень пугало то, что дикие животные, которых он приручил, обернутся против и уничтожат его. Этот страх выражал чувство, что ему угрожает его собственная деструктивность (равно как и внутренние преследователи).

Как я проиллюстрировала этим примером, анализ тревог, возникающих у маленьких детей, может нас многому научить относительно форм, в которых страх смерти существует в бессознательном, т. е. относительно той роли, которую страх играет в различных ситуациях тревоги. Я уже упоминала работу Фрейда «Экономические проблемы мазохизма», основывающуюся на его новом открытии инстинкта смерти. К первой ситуации тревоги он причислял «страх быть съеденным тотемным животным (отцом)»². Это, на мой взгляд, открытое выражение страха перед полным уничтожением Я. Страх быть сожранным отцом исходит из проекции импульсов младенца пожирать свои объекты. В этом случае сначала материнская грудь (и мать) становится, в психике младенца, пожирающим объектом³, и эти страхи вскоре распространяются

¹ [«Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III]. Р. 127.]

² Freud, S. Das ökonomische Problem des Masochismus (1924c). // G. W. — Bd. XIII. — S. 377.

³ Ср. примеры, приводимые в работе Айзакс^[4]: мальчик, который говорил, что грудь матери укусила его, и девочка, которая думала, что туфля матери съест ее.

^[4] Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // I. J. PA. — 1948. — Vol. 29. — P. 73—97; или Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 67—121.]

на отцовский пенис и на отца. В то же время, поскольку пожирание с самого начала подразумевает интернализацию пожиравшего объекта, считается, что Эго содержит пожиравшие и пожиравшие объекты. Таким образом, Супер-Эго выстраивается из пожиравшей груди (матери), к которой добавляется пожиравший пенис (отец). Эти жестокие и опасные внутренние фигуры становятся репрезентантами инстинкта смерти. Одновременно другой аспект раннего Супер-Эго формируется изначально интернализированной хорошей грудью (к которой добавляется хороший пенис отца), считающейся кормящим и помогающим внутренним объектом и репрезентантом инстинкта жизни. Страх быть уничтоженным включает тревогу, как бы внутренняя хорошая грудь не была разрушена, т. к. этот объект считается незаменимым для сохранения жизни. Направленная на Я угроза со стороны инстинкта смерти, работающего внутри, связана с опасностями, ожидаемыми от интернализированных пожиравших матери и отца, и она возрастает до страха смерти.

В соответствии с этой точкой зрения, страх смерти с самого начала входит в страх перед Супер-Эго и не является, как замечал Фрейд, «последним преобразованием» этого страха перед Супер-Эго¹.

Обращаясь к другой существенной ситуации опасности, упомянутой Фрейдом в работе о мазохизме, т. е. к страху кастрации, я бы предположила, что страх смерти входит в кастрационный страх и усиливает его и не является «аналогичным» ему². Поскольку гениталии это не только единственный источник самого интенсивного либидинозного удовлетворения, но репрезентанты Эроса, и поскольку размножение — неотъемлемый способ противостоять смерти, потеря гениталий означает конец созидающей силы, сохраняющей и продолжающей жизнь.

---

¹ Freud, S. *Hemmung, Symptom und Angst* (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 170.

² Подробное обсуждение источников тревоги, взаимодействующей со страхом кастрации, см. в моей работе «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» [(1945a). Наст. том. С. 3—67].

IV

Если мы пытаемся представить себе первичную тревогу, страх уничтожения, в конкретной форме, мы не должны забывать беспомощность младенца перед лицом внутренних и внешних опасностей. Я предполагаю, что первичная ситуация опасности, возникающая из активности инстинкта смерти внутри, переживается им как сокрушительная атака, как преследование. В связи с этим давайте сначала рассмотрим некоторые процессы, возникающие в результате отклонения инстинкта смерти вовне, а также пути их влияния на тревоги, связанные с внешними и внутренними ситуациями. Можно допустить, что борьба между инстинктами жизни и смерти происходит уже во время рождения и усиливает персекуторную тревогу, вызванную этим болезненным опытом. Представляется, что результат этого опыта заключается в том, что внешний мир, включая первый внешний объект, материнскую грудь, предстает враждебным. Этому способствует то, что Эго обличивает деструктивные импульсы против первичного объекта. Младенец считает, что фрустрация от груди, фактически подразумевающая опасность для жизни, является платой за его деструктивные импульсы по отношению к ней и что фрустрирующая грудь преследует его. Вдобавок он проецирует свои деструктивные импульсы на грудь, т. е. отклоняет инстинкт смерти вовне; и таким образом атакуемая грудь становится внешним репрезентантом инстинкта смерти¹. «Плохая» грудь также интровертируется, и это усиливает, как можно предположить, внутреннюю ситуацию опасности, т. е. страх активности инстинкта смерти внутри. Поскольку, вследствие интернализации «плохой» груди, часть инстинкта смерти, отклоненная вовне, со всеми ассоциируемыми с ним опасностями, снова обращается

¹ В моей работе «Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III] (р. 124 ff.) я выдвинула предположение, что самые ранние трудности при кормлении младенцев являются проявлением страхов преследования. (Я обращалась к тем трудностям при кормлении, которые возникали даже когда материнского молока было достаточно и никакие внешние факторы, казалось, не мешали удовлетворительной ситуации кормления.) Я сделала вывод, что эти страхи преследования, когда они чрезмерны, ведут к далеко идущему торможению либидинозных желаний. См. также мою работу «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» [(1952с). Наст. том. С. 187—230].

вовнутрь, и Это привязывает страх собственных деструктивных импульсов к внутреннему плохому объекту. Эти процессы вполне могут происходить одновременно, и поэтому их описание мною не должно приниматься за хронологический отчет. Резюмируем: фрустрирующая (плохая) внешняя грудь благодаря проекции становится внешним репрезентантом инстинкта смерти; посредством интроекции она усиливает первичную внутреннюю ситуацию опасности; это ведет к возросшему побуждению со стороны Это отклонить (спроектировать) внутренние опасности (прежде всего активность инстинкта смерти) во внешний мир. Следовательно, присутствует постоянная флуктуация между страхом перед внутренними и внешними плохими объектами, между инстинктом смерти, действующим внутри и отклоняемым вовне. Здесь мы видим один важный аспект взаимодействия — с самого начала жизни — между проекцией и интроекцией. Внешние опасности переживаются в свете внутренних опасностей, а потому интенсифицируются; с другой стороны, любая опасность, угрожающая извне, усиливает вечную внутреннюю ситуацию опасности. В определенной степени это взаимодействие существует на протяжении всей жизни. Сам факт того, что борьба до определенной степени была экстернализирована, смягчает тревогу. Экстернализация внутренних ситуаций опасности — один из самых ранних методов защиты Это от тревоги и остается фундаментальным при развитии.

Активность инстинкта смерти, отклоненного вовне, равно как и его работу внутри, нельзя рассматривать отдельно от одновременной активности инстинкта жизни. Бок о бок с отклонением инстинкта смерти вовне инстинкт жизни — посредством либидо — привязывает себя к внешнему объекту, удовлетворяющей (хорошей) груди, которая становится внешним репрезентантом инстинкта жизни. Интроекция этого хорошего объекта усиливает мощь инстинкта жизни внутри. Хорошая интернализированная грудь, считающаяся источником жизни, формирует жизненно важную часть Это, и ее сохранение становится императивной потребностью. Поэтому интроекция этого первого любимого объекта неразрывно связана со всеми процессами, порождаемыми инстинктом жизни. Хорошая интернализированная грудь и плохая пожирающая грудь формируют ядро Супер-Эго в его хороших и плохих аспектах; они

выступают репрезентантами внутри Эго борьбы между инстинктами жизни и смерти.

Вторым значимым частичным объектом, который нужно интровертировать, является пенис отца, которому приписываются как хорошие, так и плохие качества. Два этих опасных объекта — плохая грудь и плохой пенис — являются прототипами внутренних и внешних преследователей. Переживания болезненного характера, Фрустрации от внешних и внутренних источников, считающиеся преследованием, первоначально приписываются внешним и внутренним преследующим объектам. Во всех таких переживаниях персекуторная тревога и агрессия усиливают друг друга, поскольку пока агрессивные импульсы младенца посредством проекции играют фундаментальную роль в выстраивании им преследующих фигур, эти самые фигуры усиливают его персекуторную тревогу и, в свою очередь, усиливают его агрессивные импульсы и фантазии против считающихся опасными внешних и внутренних объектов.

Параноидные нарушения у взрослых, на мой взгляд, основаны на персекуторной тревоге, испытываемой в первые несколько месяцев жизни. У параноидного пациента суть страхов преследования — это чувство, что существует враждебный агент, склонный причинить ему страдания, нанести ущерб и, в конце концов, уничтожить. Этот преследующий агент может быть представлен одним человеком или многими людьми, или даже силами природы. Существуют бесчисленные и специфичные для каждого случая формы, которые может принимать устрашающая атака; однако страх преследования у параноика коренится, как я полагаю, в страхе уничтожения Эго — в конечном итоге, инстинктом смерти.

V

Теперь я уделю особое внимание связи вины и тревоги, и в этом контексте сначала рассмотрю некоторые взгляды Фрейда и Абрахама относительно тревоги и вины. Фрейд подходил к проблеме вины с двух точек зрения. С одной стороны, он не сомневался, что тревога и вина тесно связаны друг с другом. С другой, он пришел к выводу, что термин «вина» применим только в отношении к проявлениям совести, являющимся результатом развития Супер-Эго. Как мы

знаем, Супер-Эго, с его точки зрения, появляется вследствие эдипова комплекса. Поэтому к детям в возрасте до четырех-пяти лет термины «совесть» и «вины», по его мнению, неприменимы, и тревога в первые несколько лет жизни существует отдельно от вины¹.

Согласно Абрахаму², вина возникает при преодолении каннибалистических — т. е. агрессивных — импульсов на ранней анально-садистической стадии (т. е. в более раннем возрасте, чем предполагал Фрейд); но при этом он не рассматривал разницу между тревогой и виной. Ференци, который также не занимался разграничением тревоги и вины, предполагал, что нечто из сущности вины возникает во время анальной стадии. Он сделал вывод, что, возможно, существует некий тип физиологического преследователя Супер-Эго, названного им «сфинктерной моралью»³.

Эрнест Джонс⁴ изучал взаимодействие ненависти, страха и вины. Он различал две фазы в развитии вины и предложил обозначить первую стадию «до-бесчестной» стадией вины. Он связывал ее с садистическими прегенитальными стадиями развития Супер-Эго и утверждал, что вина «всегда и неизбежно ассоцииру-

¹ Значимое упоминание о связи тревоги и вины содержится в следующем отрывке: «Возможно, здесь стоит заметить, что чувство вины, в сущности, является ничем иным как топической разновидностью страха...» [Freud, S. Das Unbehagen in die Kultur (1930a [1929]). // G. W. — Bd. XIV. — S. 495]. С другой стороны, Фрейд определено разграничивает тревогу и вину. Обсуждая развитие чувства вины, он говорит об использовании термина «вины» в отношении ранних проявлений «нечистой совести»: «Это состояние называется “дурной совестью”, хотя и не заслуживает такого названия, поскольку на данной ступени сознание вины, очевидно, является только страхом утраты любви, “социальным” страхом. У маленького ребенка иначе и быть не может, но и у многих взрослых ничего уже не меняется, кроме того что место отца или обоих родителей занимает большее человеческое сообщество. ... Большое изменение наступает, только когда авторитет интериоризируется путем возведения Сверх-Я. Тем самым феномены совести поднимаются на новую ступень, по сути дела, лишь теперь следовало бы говорить о совести и чувстве вины» [Ibid. S. 484].

² [Abraham, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien. — Frankfurt am Main, 1969. — Bd. I. — S. 113—183.]

³ Ferenczi, S. Psychoanalysis of sexual habits (with contributions about therapeutic technique) (1925). // Ferenczi, S. Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis. — London: Hogarth Press, 1926. — {P. 259—297.} P. 267.

⁴ [Jones, E. Fear, Guilt and Hate. // I. J. PA. — 1929. — Vol. 10. — P. 383—397.]

ется с импульсом ненависти»¹. Вторая стадия — это «...стадия вины как таковой, функция которой — защита от внешних опасностей»².

В работе «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний»³ я выделила две главные формы тревоги — персекуторную и депрессивную, но я указала, что, в любом случае, разграничение этих двух форм тревоги нечеткое. Полагаю, с этой оговоркой дифференциация двух форм тревоги представляет ценность как с теоретической, так и с практической точки зрения. В вышеупомянутой работе я пришла к выводу, что персекуторная тревога относится, главным образом, к уничтожению Эго; депрессивная же тревога преимущественно связана с вредом, причиняемым внутренним и внешним любимым объектам деструктивными импульсами субъекта. Содержание депрессивной тревоги многообразно: хороший объект повреждается, он страдает, пребывает в испорченном состоянии; превращается в плохой объект; уничтожается, утрачивается и его больше никогда не будет. Я также пришла к выводу, что депрессивная тревога тесно связана с виной и тенденцией совершать reparацию.

Когда я впервые представила свою концепцию депрессивной позиции в вышеупомянутой работе, я предположила, что депрессивная тревога и вина возникают с интроекцией целостного объекта. Моя дальнейшая работа над параноидно-шизоидной позицией⁴, предшествующей депрессивной позиции, привела меня к выводу о том, что, хотя на первой стадии доминируют деструктивные импульсы и персекуторная тревога, депрессивная тревога и вина уже играют некоторую роль в самых ранних объектных отношениях младенца, т. е. в его отношении к груди матери.

Во время параноидно-шизоидной позиции, т. е. на протяжении первых 3—4 месяцев жизни, процессы расщепления, включая расщепление первого объекта (груди), равно как и чувств к нему, находятся на пике. Ненависть и персекуторная тревога привязываются к фрустрирующей (плохой) груди, а любовь и заверение —

¹ [Ibid. P. 388.]

² [Ibid. P. 395.]

³ [(1935a). Наст. изд. Т. II. С. 139—177.]

⁴ «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946a). Наст. том. С. 69—101].

к удовлетворяющей (хорошей) груди. Однако даже на этой стадии такие процессы расщепления никогда не бывают полностью эффективными; т. к. с самого начала жизни Эго стремится к самоинтеграции и синтезу разных аспектов объекта. (Эту тенденцию можно считать выражением инстинкта жизни.) Так, оказывается, даже для самых маленьких детей характерны переходные состояния интеграции — по мере развития они становятся более частыми и продолжительными, — в которых раскол между хорошей и плохой грудью менее заметен.

При таких состояниях интеграции возникает определенная степень синтеза между любовью и ненавистью по отношению к частичным объектам, что, согласно моим сегодняшним взглядам, вызывает депрессивную тревогу, вину и желание совершить reparацию поврежденному любимому объекту — в первую очередь, хорошей груди¹. Иначе говоря, сейчас я связываю начало депрессивной тревоги с отношением к частичным объектам. Эта модификация — результат дальнейшей работы над самыми ранними стадиями Эго и более полного признания ступенчатой природы эмоционального развития младенца. Неизменным остался мой взгляд на то, что основой депрессивной тревоги является синтез деструктивных импульсов и чувств любви по отношению к одному объекту.

Далее давайте рассмотрим, насколько эта модификация влияет на концепцию депрессивной позиции. Теперь я бы описала эту позицию следующим образом: в период от трех до шести месяцев происходит значительный прогресс в интеграции Эго. Происходят важные изменения в природе объектных отношений и процессов интроверсии младенца. Младенец все в большей степени воспринимает и интровертирует мать как целостную личность. Это подразумевает более полную идентификацию и более стабильные отношения с ней. Хотя эти процессы по-прежнему сфокусированы, прежде всего, на матери, отношение младенца к отцу (и к другим окружающим его людям) претерпевает похожие изменения, и в психике младенца отец также устанавливается как целостная личность. В то же самое время сила процессов расщепления уменьшается, и они, в основном, касаются

---

¹ Однако мы не должны забывать, что даже на протяжении этой стадии лицо и руки матери и все ее телесное присутствие в целом все больше и больше входят в постепенное выстраивание ребенком отношения к ней как к личности.

целостных объектов, тогда как на более ранней стадии они, главным образом, были связаны с частичными объектами.

Противоречивые аспекты объектов и конфликтные переживания, импульсы и фантазии по отношению к ним все больше сближаются в психике младенца. Персекуторная тревога сохраняется и играет свою роль в депрессивной позиции, но она уменьшается количественно, и депрессивная тревога берет верх над персекуторной тревогой. Поскольку именно любимый человек (интернализированный и внешний) считается поврежденным агрессивными импульсами, младенец страдает от усилившихся депрессивных чувств, более продолжительных по сравнению с мимолетными переживаниями депрессивной тревоги и вины на более ранней стадии. Более интегрированное Эго теперь в большей степени сталкивается с весьма болезненной психической реальностью — жалобами и упреками, исходящими от интернализированных поврежденных матери и отца, сейчас представляющих собой целостные объекты, личностей — и считает, что вынуждено находиться под давлением огромного страдания, чтобы справиться с болезненной психической реальностью. Это ведет к первостепенному побуждению сохранить, исправить или оживить любимые объекты: к тенденции совершить репарацию. В качестве альтернативного метода борьбы с этими тревогами, вероятно, действующего одновременно с другими методами, Эго решительно прибегает к маниакальной защите¹.

Развития, которые я описала, включают не только важные количественные и качественные изменения в чувствах любви, депрессивной тревоге и вине, но и новую комбинацию факторов, конституирующих депрессивную позицию.

Как можно видеть из вышеупомянутого описания, изменение моих взглядов в отношении раннего появления депрессивной тревоги и вины существенно не повлияло на мою концепцию депрессивной позиции.

¹ Концепция маниакальной защиты и ее более широкое применение к психической жизни подробнее рассматривались в моих работах «Вклад в патогенез маниакально-депрессивных состояний» [(1935а). Наст. изд. Т. II. С. 139–177] и «Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями» [(1940а). Наст. изд. Т. II. С. 257–292].

Сейчас я хочу особо рассмотреть процессы, посредством которых осуществляются депрессивная тревога, вина и побуждение совершить репарацию. Основой депрессивной тревоги, как я уже говорила, является процесс, при помощи которого Эго синтезирует деструктивные импульсы и чувства любви по отношению к одному объекту. Переживание, что вред, нанесенный любимому объекту, вызван агрессивными импульсами субъекта, я считаю сущностью вины. (Переживание вины у младенца может распространяться на любое зло, случющееся с любимым объектом, — даже вред, нанесенный его преследующими объектами.) Побуждение аннулировать или исправить этот вред исходит из переживания того, что он был причинен субъектом, т. е. из вины. Поэтому репаративную тенденцию можно считать следствием чувства вины.

Теперь возникает вопрос: является ли вина элементом депрессивной тревоги? Являются ли они оба аспектами одного и того же процесса, или же один является результатом или проявлением другого? Так как на данный момент я не могу дать однозначного ответа на этот вопрос, то предположу, что депрессивная тревога, вина и репаративное побуждение часто переживаются одновременно.

Представляется вероятным, что депрессивная тревога, вина и репаративная тенденция испытываются только тогда, когда чувства любви к объекту доминируют над деструктивными импульсами. Другими словами, можно допустить, что повторяющиеся переживания любви, превосходящей ненависть, — в конечном итоге, переживания инстинкта жизни, превосходящего инстинкт смерти, — являются существенным условием способности Эго интегрироваться и синтезировать противоположные аспекты объекта. В таких состояниях или в такие моменты отношение к плохим аспектам объекта, включая персекуторную тревогу, отступает.

Тем не менее, на протяжении первых 3—4 месяцев жизни — стадия, на которой (согласно моим сегодняшним взглядам) возникает депрессивная тревога и вина, — процессы расщепления и персекуторная тревога находятся на пике. Поэтому персекуторная тревога очень скоро начинает мешать прогрессу в интеграции, и переживания депрессивной тревоги, вины и репарации могут быть лишь временными. В результате поврежденный любимый объект может быстро превратиться в преследователя, а побуждение исправить

или оживить его может превратиться в потребность усмирить и успокоить преследователя. Но даже на следующей стадии, на депрессивной позиции, на которой более интегрированное Эго интровертирует и в большей степени устанавливает целостную личность, сохраняется персекуторная тревога. На протяжении этого периода, как я уже говорила, младенец испытывает не только горе, депрессию и вину, но и персекуторную тревогу, связанную с плохим аспектом Супер-Эго; и защиты от персекуторной тревоги существуют бок о бок с защитами от депрессивной тревоги.

Я уже неоднократно указывала, что разграничение депрессивной и персекуторной тревог достаточно условно. Тем не менее, в психоаналитической практике рядом исследователей было обнаружено, что разграничение персекуторной и депрессивной тревоги полезно для понимания и распутывания эмоциональных ситуаций. Вот один из типичных примеров, с которым можно столкнуться при анализе депрессивных пациентов: на протяжении одной конкретной сессии пациент может страдать от сильных переживаний вины и отчаяния из-за собственной неспособности возместить ущерб, который, как он считает, он причинил. Затем происходит полная перемена: у пациента неожиданно появляется материал персекуторного характера. Аналитик и анализ обвиняются в том, что они не приносят ничего, кроме вреда, выражаются обиды, ведущие назад к ранним фрустрациям. Процессы, лежащие в основе такой перемены, можно резюмировать следующим образом: персекуторная тревога стала доминирующей, переживание вины отступило, и вместе с ним, кажется, исчезла и любовь к объекту. В этой изменившейся эмоциональной ситуации объект превратился в плохой, его нельзя любить, и поэтому деструктивные импульсы по отношению к нему кажутся оправданными. Это значит, что персекуторная тревога и защиты были усилены для того, чтобы избежать сокрушающего бремени вины и отчаяния. Конечно, во многих случаях пациент может демонстрировать значительную персекуторную тревогу наряду с виной, и перемена к доминированию персекуторной тревоги не всегда проявляется так впечатляюще, как я описала. Однако в каждом таком случае разграничение персекуторной и депрессивной тревоги помогает нашему пониманию процессов, которые мы пытаемся анализировать.

Концептуальное различие между депрессивной тревогой, виной и репарацией, с одной стороны, и персекutorialной тревогой и защитами от нее, с другой стороны, не только оказывается полезным в аналитической работе, но имеет и более широкое применение. Оно проливает свет на многие проблемы, связанные с изучением человеческих эмоций и поведения¹. Одна конкретная область, в которой я нашла освещение данной концепции, — это наблюдение за детьми и понимание их.

Кратко резюмирую теоретический вывод относительно связи тревоги и вины, к которому я пришла в данном параграфе. Вина неразрывно связана с тревогой (точнее, с ее особой формой, депрессивной тревогой); она ведет к репаративной тенденции и возникает в первые несколько месяцев жизни в связи с самыми ранними стадиями развития Супер-Эго.

VI

Взаимосвязь первичной внутренней опасности и опасности, угрожающей извне, проливает свет на проблему «объективной» тревоги *versus*² «невротической». Фрейд определял разницу между объективной и невротической тревогой следующим образом: «Реальная опасность это такая, которая нам известна, реальный страх — это страх перед такой известной нам опасностью. Невротический страх — это страх перед опасностью, которая нам неизвестна. Таким образом, невротическую опасность необходимо сначала отыскать; анализ показал нам, что она представляет собой опасность

---

¹ В своей работе «К общей цели — вклад психоанализа в этику»^[a] Р.Э. Мани-Кирл применял разграничение персекutorialной и депрессивной тревоги к установкам в отношении этики в целом и политическим взглядам в частности и расширил эти свои взгляды в книге «Психоанализ и политика»^[b].

^[a] Money-Kyrle, R.E. Towards a common aim — a psycho-analytical contribution to ethics. // British Journal of Medical Psychology. — 1944. — Vol. 20. — P. 105—117.

^[b] Money-Kyrle, R.E. Psycho-Analysis and Politics. — London: Duckworth & Co., 1949.

² [Versus (лат.) — в сравнении.]

влечения»¹. И далее: «Реальная опасность угрожает от внешнего объекта; невротическая — от притязания влечения»².

Однако в некоторых случаях Фрейд обращался к взаимодействию этих двух источников тревоги³, и в целом аналитический опыт показал, что нельзя провести четкое разграничение между объективной и невротической тревогой.

Здесь я вернусь к утверждению Фрейда о том, что тревога возникает вследствие «отсутствия любимого (желанного) лица»⁴. Описывая фундаментальный страх потери у младенца, Фрейд писал: «Он еще не умеет различать временного отсутствия и длительной потери; если он вдруг не увидит мать, он ведет себя так, словно уже никогда ее не увидит, и необходим неоднократный утешительный опыт, пока он не поймет, что за таким исчезновением матери обыкновенно снова следует ее появление»⁵ (курсив мой).

В другом отрывке, описывающем страх потери любви, он писал, что тот является, «очевидно, усовершенствованием страха грудного младенца, если он не находит мать. Вы понимаете, о какой реальной ситуации опасности уведомляет этот страх. Если мать отсутствует или лишает ребенка своей любви, он же перестает быть уверен в удовлетворении своих потребностей, может быть, испытывает мучительнейшие чувства напряжения»⁶ (курсив мой).

Тем не менее, несколькими страницами ранее в той же работе Фрейд описывал эту конкретную ситуацию опасности с точки зрения невротической тревоги, что, кажется, указывает на тот

¹ Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 198.

² Ibid. S. 200.

³ Рассматривая некоторые случаи невротической тревоги, Фрейд говорит об этом взаимодействии тревоги, вызванной внешними и внутренними причинами. «Опасность известна и реальна, но страх перед ней чрезмерно велик, больше, чем должен был бы быть согласно нашему мнению. ...Анализ показывает, что к известной реальной опасности привязана неизвестная опасность влечения». (Ibid. S. 198.)

⁴ Ibid. S. 167.

⁵ Ibid. S. 203.

⁶ Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]). // G. W. — Bd. XV. — S. 94.

факт, что он рассматривал эту инфантильную ситуацию под двумя углами. На мой взгляд, эти два главных источника страха потери у младенца можно описать следующим образом: один — это полная зависимость ребенка от матери, связанная с удовлетворением его потребностей и ослаблением напряжения. Тревогу, возникающую из этого источника, можно назвать объективной тревогой. Другой главный источник тревоги исходит из опасения младенца, что любимая мать была разрушена его садистическими импульсами или находится в опасности быть разрушенной, и этот страх — который можно назвать «невротической тревогой» — связан с матерью как незаменимым внешним (и внутренним) хорошим объектом, и он способствует переживанию младенца, что она никогда не вернется. С самого начала существует постоянное взаимодействие между этими двумя источниками тревоги, т. е. между объективной и невротической тревогой или, другими словами, между тревогой из внешних и внутренних источников.

Далее, если внешняя опасность с самого начала связана с внутренней опасностью, идущей от инстинкта смерти, то никакая ситуация опасности, возникающая из внешних источников, не может переживаться маленьким ребенком как чисто внешняя и известная опасность. Однако такое ясное различие не может провести не только младенец: до некоторой степени взаимодействие внешних и внутренних ситуаций опасности сохраняется на протяжении всей жизни¹.

Это было ясно показано в анализе, проводимом в военное время. Оказалось, даже у нормальных взрослых тревога, вызванная воздушными налетами, бомбами, пожарами и т. д., т. е. «объективной» ситуацией опасности, могла быть ослаблена, наряду с анализом актуальной ситуации, лишь анализом различных ранних тревог, пробужденных ею. У многих людей чрезмерная тревога из этих источников приводила к мощному отрицанию (маниакальной защите) объек-

¹ Как я указывала в «Психоанализе детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III] (гл. X, р. 192): «Когда нормальный человек подвергается сильному внутреннему или внешнему напряжению либо когда он заболевает или терпит какую-либо неудачу, мы можем наблюдать у него полное и непосредственное действие глубочайших ситуаций тревоги. В таком случае, поскольку каждый здоровый человек может поддаться невротическому заболеванию, он никогда не сможет полностью избавиться от старых ситуаций тревоги».

тивной ситуации опасности, что проявлялось в очевидном отсутствии страха. Данное явление часто наблюдалось у детей, и его нельзя было объяснить лишь тем, что они не совсем понимают актуальную опасность. Анализ обнаруживал, что объективная ситуация опасности возрождала у ребенка ранние фантастические тревоги до такой степени, что ему приходилось отрицать объективную ситуацию опасности. В других случаях относительная стабильность детей, несмотря на опасности военного времени, определялась не столько действием маниакальных защит, сколько более успешной модификацией ранних персекутурных и депрессивных тревог, в результате приводящей к большему переживанию безопасности относительно и внутреннего и внешнего мира, а также к хорошим отношениям с родителями. У таких детей, даже в отсутствии отца, заверение, получаемое от присутствия матери и домашней жизни, противодействовало страхам, порождаемым объективными опасностями.

Эти наблюдения становятся понятными, если мы вспомним, что у маленького ребенка восприятие внешней реальности и внешних объектов постоянно подвергается влиянию его фантазий и окрашивается ими, что в какой-то мере продолжается на протяжении всей жизни. Внешние переживания, вызывающие тревогу, даже у нормальных людей немедленно активизируют тревогу, исходящую из интрапсихических источников. Взаимодействие объективной и невротической тревоги — или, другими словами, взаимодействие между тревогой, возникающей из внешних и внутренних источников, — соответствует взаимодействию внешней и психической реальности.

При оценке того, является ли тревога невротической или нет, нам приходится рассматривать факт, к которому неоднократно обращался Фрейд, — количество тревоги из внутренних источников. Этот фактор, тем не менее, связан со способностью Эго развивать адекватные защиты от тревоги, т. е. с соотношением силы тревоги и силы Эго.

VII

Из представления моих взглядов понятно, что они развивались из подхода к агрессии, существенно отличающегося от главной

тенденции психоаналитической мысли. Тот факт, что Фрейд сначала исследовал агрессию как элемент детской сексуальности — как дополнение к либидо (садизм), — оказал влияние на то, что долгое время интерес психоанализа сосредоточивался на либидо и что агрессия в большей или меньшей степени считалась признаком либидо¹. В 1920 году Фрейд открыл инстинкт смерти, проявляющий себя в деструктивных импульсах и действующий в слиянии с инстинктом жизни, а в 1924 году последовало более глубокое изучение садизма у маленьких детей Абрахамом. Но даже после этих открытий, как можно увидеть из основной массы психоаналитической литературы, психоаналитическая мысль продолжала интересоваться преимущественно либидо и защитами от либидинозных импульсов и, соответственно, недооценивала важность агрессии и ее смыслов.

С самого начала моей психоаналитической работы мой интерес сосредоточился на тревоге и ее причинности, что привело меня к лучшему пониманию связи агрессии и тревоги². Анализ маленьких детей, для которого я разработала игровую технику, подтвердил правильность такого подхода, поскольку обнаружил, что тревогу у маленьких детей можно смягчить только путем анализа их садистических фантазий и импульсов при большем понимании доли агрессии в садизме и появлении тревоги. Эта более полная оценка значимости агрессии привела меня к определенным теоретическим выводам, представленным в работе «Ранние стадии эдипова конфликта»³. В ней я выдвинула гипотезу, что — как при нормальном, так и при патологическом развитии ребенка — тревога и вина, возникающие на первом году жизни, тесно связаны с процессами интроекции и проекции, с первыми стадиями развития Супер-Эго и эдипова комплекса; и что при таких тревогах агрессия и защиты от нее имеют первостепенное значение.

¹ Ср. работу Паулы Хайманн^[a], в которой она обсуждает это теоретическое отклонение в пользу либидо и его влияние на развитие теории.

^[a] [Heimann, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psychoanalysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — Р. 321—337.]

² Этот решающий акцент на тревогу я делала уже в своих первых публикациях.

³ [(1928а). Наст. изд. Т. I. С. 289—308.]

Начиная примерно с 1927 года, в Британском психоаналитическом обществе осуществлялась дальнейшая работа в этом направлении. В этом обществе ряд психоаналитиков, работающих в тесном сотрудничестве, внесли значительный вклад¹ в понимание кардинальной роли агрессии в психической жизни; в то время как на протяжении последних 10—15 лет в психоаналитической мысли в целом изменение взгляда в данном направлении наблюдалось лишь в отдельных работах; количество которых, тем не менее, в последнее время увеличилось.

Одним из результатов новой работы по агрессии стало признание главной функции репаративной тенденции, являющейся выражением инстинкта жизни в его борьбе с инстинктом смерти. Таким образом, не только деструктивные импульсы увиделись в лучшей перспективе, но и больший свет был пролит на взаимодействие инстинктов жизни и смерти, а следовательно, и на роль либидо в умственных и эмоциональных процессах.

В данной работе я прояснила свое утверждение о том, что инстинкт смерти (деструктивные импульсы) является первичным фактором причинности тревоги. Тем не менее, в моем изложении процессов, ведущих к тревоге и вине, также подразумевалось, что первичный объект, против которого направлены деструктивные импульсы, это объект либидо, и поэтому именно взаимодействие агрессии и либидо — в конечном счете, слияние, а также полярность этих двух инстинктов — является причиной тревоги и вины. Еще один аспект этого взаимодействия — смягчение деструктивных импульсов посредством либидо. Оптимум взаимодействия либидо и агрессии подразумевает, что тревоге, возникающей из вечной активности инстинкта смерти, пусть никогда не исчезающего, противодействует и не дает ходу мощь инстинкта жизни.

¹ Ср. библиографию к статье Ривьер (Riviere, J. On the genesis of psychical conflict in earliest infancy. // I. J. PA. — 1936. — Vol. 17. — P. 395—422).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
к «Вкладам в психоанализ 1921–1945»
(1948f [1947])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском языке:

1948: Autor's Preface. // Klein, M. Contributions to Psycho-Analysis 1921–1945. — London: Hogarth, 1948. — P. 5.

1950: Idem. — London: The Hogarth Press, 1950. — P. 5.

Книга «Вклады в психоанализ 1921–45» вышла в 1948 году в лондонском издательстве «The Hogarth Press».

Состав издания: «Развитие одного ребенка» (1921a), «Ранний анализ» (1923a), «Роль школы в либидинозном развитии ребенка» (1923b), «Вклад в психогенез тиков» (1925a), «Психологические принципы раннего анализа» (1926a), «Симпозиум по детскому анализу» (1927a), «Криминальные тенденции у нормальных детей» (1927b), «Ранние стадии эдипова комплекса» (1928a), «Персонификация в игре детей» (1929a), «Ситуации инфантильной тревоги, отраженные в произведениях искусства и творческих импульсах» (1929b), «Значение символообразования в развитии Эго» (1930a), «Психотерапия психозов» (1930b), «Вклад в теорию интеллектуального торможения» (1931a), «Раннее развитие совести у ребенка» (1933a), «О криминальности» (1934a), «Вклад в психоанализ маниакально-депрессивных состояний» (1935a), «Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями» (1940a), «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» (1945a). Первые восемь работ помещены в том I настоящего издания, последующие девять находятся в томе II, наконец, последняя статья открывает настоящий том.

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

На русском языке публикуется впервые.

Помещенные в данный сборник статьи, за исключением одной, перепечатаны из журналов. Я не включила работы, написанные для книг, опубликованных в этой стране¹, а также опустила ряд последних неопубликованных статей, помещенных в книгу, которая сейчас готовится к печати².

Представляя данные статьи, я умышленно воздержалась от комментариев, показывающих изменения и расширения, которые со временем претерпели мои взгляды, поскольку считаю, что развитие моей работы можно проследить в достаточной мере, если читать статьи последовательно.

Хочу отметить работу моей подруги Лолы Брук в подготовке указателя и, пользуясь случаем, выразить благодарность за весьма ценную помощь, оказанную ею в моей работе на протяжении последних нескольких лет.

M. K.

Лондон, январь 1947 года.

---

¹ [Вероятно, речь идет о главе «Отлучение от груди» (1936а), опубликованной в книге «On the bringing up of children» (Ed. Rickman, John. — London: Kegan Paul, 1936), и лекции «Любовь, вина и репарация» (1937а) из совместной с Джоан Ривьер книги (*Klein, M., Riviere, J. Love, Hate and Reparation; two lectures*. — London, 1937). Обе эти статьи см. наст. изд. Т. II.]

² [Возможно, имеется в виду книга «Развития в психоанализе» (1952г), подготовленная в соавторстве с Паулой Хайманн, Сьюзен Айзакс и Джоан Ривьер. Туда вошли две работы Кляйн: «Некоторые теоретические заключения относительно эмоциональной жизни детей» (1952д) и «О наблюдении за поведением младенцев» (1952е) — см. наст. том, с. 231—267.]

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ АНАЛИЗА [1]

(1949а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1949: On the Criteria for the Termination of an Analysis. // Bulletin of the International Psycho-Analytical Association. — 1949. — Vol. 30. — P. 198—199.

Данный текст содержит тезисы выступления М. Кляйн 15 августа 1949 года на XVI Международном психоаналитическом конгрессе в Цюрихе, Швейцария. Развернутое изложение заявленных проблем представлено в статье «О критериях завершения психоанализа» (1950а).

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

На русском языке публикуется впервые.

Завершение анализа и возобновление ранних инфантильных конфликтов и тревог. Две формы тревоги, охватывающие все инфантильные ситуации тревоги. 1) Персекуторная тревога, доминирующая в первые несколько месяцев (параноидно-шизоидная позиция); связанная с опасностями, угрожающими Эго. 2) Депрессивная тревога, достигающая кульминации во второй половине первого года; связанная с опасностями, угрожающими любимому объекту; возникающая из большего синтеза либидо и агрессии (хороших и плохих аспектов объекта); взаимосвязанная с виной и репаративной тенденцией (депрессивная позиция); акцентированная отлучением от груди — потерей первичного любимого объекта. Скорбь, присущая депрессивной позиции, преодолевается тестированием реальности. Эти процессы возобновляются во всех ситуациях скорби, включая завершение анализа. Преодоление скорби в конце анализа неизбежно отчасти осуществляется самим пациентом. Успешно, только если персекуторная и депрессивная тревоги достаточно ослаблены. Такое ослабление (при нормальном развитии достигаемое к началу латентного периода) — суть нового критерия завершения анализа (ребенка и взрослого); связь с обычными критериями. Вывод относительно техники; необходим анализ как негативного, так и позитивного переноса; акцент на позитивном переносе благоприятствует идеализации аналитика, мешает анализу самых ранних преследующих фигур и персекуторной тревоги; проработка и модификация персекуторной и депрессивной тревог в ходе анализа ведет к большей интеграции Эго, более полному синтезу агрессии и либидо, смягчению ненависти любовью. Когда эти признаки укреплены достаточным образом, завершение анализа не преждевременно, даже если может возобновиться острая тревога.

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ АНАЛИЗА [2]

(1949б)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1949: On the Criteria for the Termination of an Analysis. // Bulletin of the American Psychoanalytic Association. — 1949. — Vol. 5(D). — P. 16—17.

В данном тексте представлено резюме доклада М. Кляйн на XVI Международном психоаналитическом конгрессе, проходившем 15—18 августа 1949 года в Цюрихе, Швейцария. Следующая статья «О критериях завершения психоанализа» (1950а) дает развернутое описание сформулированных проблем.

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

На русском языке публикуется впервые.

Концу анализа мобилизуются конфликты первого года. Существуют две общие группы тревог, появляющихся в это время: персекуторная тревога и депрессивная тревога. Персекуторная тревога ведет к параноидным идеям, а депрессивная — к депрессии. Они — нормальное и типичное явление у младенцев в первые несколько месяцев жизни. Персекуторная тревога является результатом переживания угрозы в отношении Эго.

Депрессивная тревога является результатом опасности в отношении объектов. В раннем младенчестве начинается процесс скорби. Это часть тестирования реальности, она также подразумевает установление любимых объектов. Она начинается на первом году жизни, повторяется и достигается к латентности. У всех детей есть и персекуторная тревога (опасность в отношении Эго) и депрессивная тревога (опасность в отношении любимого объекта). Это наблюдается в их страхе быть сожранными. Кастрационная тревога — форма персекуторной тревоги, т. е. опасности в отношении Эго. Тревога девочки разрушить мать также является персекуторной тревогой, но существуют сочетания персекуторной и депрессивной тревог. В конце анализа персекуторная и депрессивная тревоги должны быть ослаблены. Вся гамма эмоций по отношению к первичным объектам должна быть проработана и модифицирована. Только это делает возможным реальную скорбь и тестирование реальности. Вследствие этого предельную важность имеет анализ негативного переноса. Здесь можно внести изменения в самые ранние образы, так что они больше не будут столь экстремальными. В таком случае происходит синтез этих старых образов с новыми.

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

(1950а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1950: On the Criteria for the Termination of a Psycho-Analysis. // International Journal of Psychoanalysis. — 1950. — Vol. 31. — P. 78—80.

Основной подход М. Кляйн к пониманию прогресса в психоаналитическом лечении заключается в акцентировании особого значения проработки ранних тревог. Окончание анализа связано с естественным усилением тревоги, возникающим из-за неопределенности и ухода из привычной ситуации. Но именно проработка отражающихся в возникшей тревоге перед завершением анализа более ранних персекуторной и депрессивной тревог помогает поставить точку в психоаналитической работе. Кляйн вводит и обосновывает новый аспект, провоцирующий в психоаналитической ситуации более яркие переживания, — это анализ ранних потерь и раннего переживания скорби. Проработка персекуторной и депрессивной тревог позволяет снизить их активность как в аналитической ситуации, так и в жизненных проявлениях пациента, и стать основополагающим условием завершения анализа. Такой подход, в свою очередь, вносит дополнения в технику психоаналитической работы, — необходимым становится анализ не только позитивного переноса, но, прежде всего, негативного переноса. Фигура аналитика наделяется ролью как идеального, так и преследующего родителя.

Перевод с английского О.К. Ролиной.

На русском языке публикуется впервые.

Критерии окончания анализа — важная проблема для всех психоаналитиков. Существует ряд критериев, с которыми мы все согласимся. Здесь я хочу предложить иной подход к данной проблеме.

Очень часто наблюдалось, что завершение анализа вновь активизирует у пациента ранние ситуации расставания и, по сути, представляет собой опыт отлучения от груди. Как показала моя работа, это означает, что к концу анализа интенсивно возрождаются эмоции, переживаемые ребенком в период отлучения от груди, когда назревают ранние инфантильные конфликты. Таким образом, я пришла к заключению, что перед завершением анализа мне необходимо спросить себя, достаточно ли проанализированы и проработаны в ходе лечения конфликты и тревоги, пережитые на первом году жизни.

Моя работа о раннем развитии¹ привела меня к выделению двух форм тревоги: персекуторной тревоги, доминирующей в первые несколько месяцев жизни и дающей начало «параноидно-шизоидной позиции», и депрессивной тревоги, назревающей примерно к середине первого года и порождающей «депрессивную позицию». В дальнейшем я пришла к выводу, что в начале постнатальной жизни младенец испытывает персекуторную тревогу, исходящую как из внешнего, так и внутреннего источников: внешнего, поскольку опыт рождения переживается младенцем как нанесенный ему удар; и внутреннего, поскольку угроза организму, идущая, по Фрейду, от инстинкта смерти, на мой взгляд, пробуждает страх уничтожения — страх смерти. Именно этот страх я считаю первичной причиной тревоги.

---

¹ «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний» [(1935a). Наст. изд. Т. II. С. 139—177]; «Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями» [(1940a). Наст. изд. Т. II. С. 257—292]; «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946a). Наст. том. С. 69—101]; «О теории тревоги и вины» [(1948a). Наст. том. С. 103—127].

Персекуторная тревога, в основном, связана с опасностями, считающимися угрожающими Эго; депрессивная же тревога связана с опасностями, считающимися угрожающими любимому объекту, прежде всего из-за агрессии субъекта. Депрессивная тревога возникает вследствие синтетических процессов в Эго; поскольку в результате растущей интеграции любовь и ненависть, а соответственно, хорошие и плохие аспекты объектов сближаются в психике младенца. Определенная мера интеграции также является одной из предпосылок для интроверсии матери как целостной личности. Депрессивные переживания и тревога достигают кульминации — депрессивной позиции — приблизительно в середине первого года. К тому времени персекуторная тревога уменьшается, однако, все еще играя важную роль.

С депрессивной тревогой тесно связано чувство вины за вред, нанесенный каннибалистическими и садистическими желаниями. Вина вызывает побуждение совершить репарацию поврежденному любимому объекту, сохранить или оживить его — побуждение, усиливающее чувства любви и улучшающее объектные отношения.

В период отлучения от груди младенец считает, что он потерял первый любимый объект — материнскую грудь — как внешний, так и интровертированный объект, и эта потеря обусловлена его ненавистью, агрессией и жадностью. Таким образом, отлучение от груди акцентирует его депрессивные переживания и приравнивается к состоянию скорби. Страдания, присущие депрессивной позиции, связаны с возрастающим пониманием психической реальности, что, в свою очередь, способствует лучшему пониманию внешнего мира. Благодаря возрастающей адаптации к реальности и расширению диапазона объектных отношений младенец становится способным бороться с депрессивными тревогами и уменьшать их и в какой-то мере надежно устанавливать хорошие интернализированные объекты, т. е. полезный и защищающий аспект Супер-Эго.

Фрейд описал тестирование реальности как существенную часть работы скорби. На мой взгляд, именно в раннем младенчестве тестирование реальности впервые проявляется в попытках преодолеть присущее депрессивной позиции горе; в дальнейшей жизни эти ранние процессы возрождаются всякий раз, когда переживается скорбь. Я обнаружила, что у взрослых успех работы

скорби зависит не только от установления внутри Эго оплакиваемой личности (как мы это узнали из работ Фрейда и Абрахама), но и от переустановления первых любимых объектов, в раннем младенчестве считавшихся подверженными опасности или разрушенными деструктивными импульсами.

Несмотря на то, что основные шаги в противодействии депрессивной позиции осуществляются на первом году жизни, персекуторные и депрессивные переживания возникают вновь на протяжении всего периода детства. Эти тревоги прорабатываются и в значительной мере преодолеваются в ходе инфантильного невроза, и обычно к началу латентного периода формируются адекватные защиты и наступает некоторая мера стабилизации. Это подразумевает достижение примата генитальности и удовлетворительных объектных отношений, а также ослабление эдипова комплекса.

Из вышесказанного мне следует сделать вывод, что персекуторная тревога связана с опасностями, считающимися угрожающими Эго, а депрессивная тревога — с опасностями, считающимися угрожающими любимому объекту. Я хочу предположить, что эти две формы тревоги включают в себя все ситуации тревоги, через которые проходит ребенок. Таким образом, страх быть сожранным, отравленным, кастрированным, страх нападения на «внутреннюю часть» тела обусловлен персекуторной тревогой, тогда как тревоги, связанные с любимыми объектами, — депрессивны по своей природе. Тем не менее, персекуторная и депрессивная тревоги, хотя концептуально и отличаются друг от друга, клинически часто смешаны. К примеру, я определила кастрационный страх, ведущую тревогу мужчин, как страх преследования. Этот страх смешивается с депрессивной тревогой, поскольку дает начало переживанию того, что мужчина не может оплодотворить женщину, по сути, не может оплодотворить любимую мать, а потому не способен совершить reparацию за вред, причиненный своими садистическими импульсами. Мне едва ли нужно напоминать, что импотенция у мужчин нередко ведет к тяжелой депрессии. Теперь рассмотрим ведущую тревогу у женщин. Страх девочки, как бы устрашающая мать не атаковала ее тело и находящихся в нем детей, на мой взгляд, представляющий собой основную ситуацию тревоги у женщин, по определению является персекуторным. Все же, поскольку этот

страх подразумевает разрушение любимых объектов — детей, которые, как она считает, находятся внутри нее, — он содержит существенный элемент депрессивной тревоги.

Согласно моему тезису, предпосылкой нормального развития является то, что персекуторная и депрессивная тревоги должны быть в значительной мере ослаблены и модифицированы. Поэтому, надеюсь, из вышеизложенного стало понятно, что мой подход к проблеме завершения анализа и ребенка, и взрослого может быть определен следующим образом: персекуторная и депрессивная тревоги должны быть достаточно ослаблены, а это, на мой взгляд, предполагает анализ первых переживаний скорби.

Между прочим, нужно сказать, что даже если анализ возвращается к самым ранним стадиям развития, что представляет основу моего нового критерия, результаты все же будут варьироваться в зависимости от тяжести и особенностей случая. Другими словами, несмотря на прогресс, достигнутый в нашей теории и технике, мы должны помнить об ограничениях психоаналитической терапии.

Возникает вопрос, в какой степени предлагаемый мною подход соотносится с некоторыми хорошо известными критериями, такими как укрепившиеся потенция и гетеросексуальность, способность любить, объектные отношения и работа, а также определенные характеристики Эго, содействующие психической стабильности и связанные с адекватными защитами. Все эти аспекты развития взаимосвязаны с модификацией персекуторной и депрессивной тревоги. Что касается объектных отношений и способности любить, легко можно увидеть, что они развиваются свободно только в том случае, если персекуторная и депрессивная тревоги не чрезмерны. Этот вопрос представляется более сложным в отношении развития Эго. В этой связи обычно особо подчеркиваются две особенности: развитие стабильности и чувства реальности, но я считаю, что также существенно увеличение глубины Эго. Элементом, свойственным глубокой и цельной личности, является изобилие фантазийной жизни и способность свободно переживать эмоции. Считаю, эти особенности предполагают проработку инфантальной депрессивной позиции, т. е. подразумевают то, что вся полнота любви и ненависти, тревоги, горя и вины в отношении первичных объектов были пережиты неоднократно. Это эмоциональное развитие связано с характером защит.

Неудача в проработке депрессивной позиции неразрывно связана с преобладанием защит, влекущих за собой сдерживание эмоций и фантазийной жизни и препятствующих инсайту. Такие защиты, названные мною «маниакальными», хотя и сочетаются с определенной стабильностью и силой Эго, соответствуют поверхностности. Если во время анализа нам удается ослабить персекуторную и депрессивную тревоги, а соответственно, уменьшить маниакальные защиты, то одним из результатов анализа будет увеличение силы, а заодно и глубины Эго.

Даже если были достигнуты удовлетворительные результаты, завершение анализа связано с пробуждением болезненных переживаний и возрождением ранних тревог; это равнозначно состоянию скорби. Когда к концу анализа возникает переживание потери, пациенту все же приходится самому осуществить часть работы скорби. Думаю, это объясняет тот факт, что нередко после завершения анализа наблюдается дальнейший прогресс; вероятность этого легче определить, если обратиться к предложенному мной критерию. Только в случае, когда персекуторная и депрессивная тревоги значительно модифицированы, пациент сможет сам осуществить заключительную часть работы скорби, что опять же подразумевает тестирование реальности. Более того, считаю, что когда мы решаем, что анализ может быть завершен, весьма полезно известить пациента о дате завершения за несколько месяцев. Это поможет ему проработать и уменьшить неизбежную боль расставания еще во время анализа, а также подготовит для него способ успешного самостоятельного окончания работы скорби.

В данной статье я ясно выразила, что предложенный мной критерий предполагает возвращение анализа к ранним стадиям развития и глубинным слоям психики и включает проработку персекуторной и депрессивной тревог.

Это позволяет мне сделать вывод относительно техники. Во время анализа психоаналитик зачастую предстает в качестве идеализированной фигуры. Идеализация используется как защита от персекуторной тревоги и является ее результатом. Если аналитик допускает сохранение чрезмерной идеализации — т. е. если он, в основном, опирается на позитивный перенос, он может, что верно, вызвать некоторое улучшение. Однако то же самое можно

сказать о любой удачной психотерапии. Тревога ослабляется в корне только при анализе как негативного, так и позитивного переноса. В ходе лечения, в ситуации переноса психоаналитик препрезентирует ряд фигур, соответствующих фигурам, интровертированным в раннем развитии¹. Поэтому он иногда интровертируется как преследователь, а иногда как идеальная фигура, со всеми ее недостатками и достоинствами.

Поскольку на протяжении анализа персекуторная и депрессивная тревоги переживаются и в конечном итоге ослабляются, больший синтез между различными аспектами аналитика происходит одновременно с большим синтезом между различными аспектами Супер-Эго. Другими словами, самые ранние пугающие фигуры претерпевают значительные изменения в психике пациента — можно сказать, они улучшаются в своей основе. Хорошие объекты — в отличие от идеализированных — могут надежно установиться в психике при условии, что сильное расщепление между преследующими и идеальными фигурами уменьшилось, агрессивные и либидинозные импульсы сблизились, а ненависть смягчилась любовью. Такой успех в способности синтезировать является доказательством того, что процессы расщепления, которые, на мой взгляд, возникают в самом раннем младенчестве, уменьшились, и наступила глубинная интеграция Эго. Когда эти позитивные качества достаточно укреплены, мы вправе думать, что завершение анализа не преждевременно, несмотря на то, что оно может возродить даже острую тревогу.

---

¹ Кляйн, М. Персонификация в игре детей [(1929а). Наст. изд. Т. II. С. 3–18]; Strachey, 1934.

О КРИТЕРИЯХ ЗАВЕРШЕНИЯ АНАЛИЗА [3]

(1950b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1950: On the Criteria for the Termination of an Analysis. // International Journal of Psychoanalysis. — 1950. — Vol. 31. — P. 204.

Это сокращенная версия статьи «О критериях завершения психоанализа» (1950a). Работа была прочитана перед Британским психоаналитическим обществом 6 апреля 1949 года в рамках четырех коротких докладов о критериях завершения психоаналитического лечения.

Перевод с английского О.К. Ролиной.

На русском языке публикуется впервые.

Завершение анализа возобновляет тревоги и депрессивные чувства, пережитые в более ранних ситуациях расставания, в конечном счете, возвращая пациента к эмоциям, возникавшим в младенчестве в период отлучения от груди. На этой стадии, как показала моя работа, депрессивная тревога достигает кульминации. Потеря первичного хорошего объекта, груди, усиливает депрессивную тревогу, заключающуюся в том, как бы интровертированный хороший объект — материнская грудь или мать — не был разрушен агрессивными импульсами и жадностью. Эта тревога возникает из большей способности Это синтезировать любовь и ненависть по отношению к объекту, и потому младенец считает, что его любимый объект подвергается опасности. Это и есть сущность тревог (и последующих защит), описанных мною как инфантальная депрессивная позиция. Обычно младенец справляется с переживаниями скорби и вины различными способами, среди которых огромное значение имеет тестирование реальности. Он преодолевает персекуторную и депрессивную тревоги в отношении потери интернализированных и внешних хороших объектов в период, когда развиваются его отношения к внешней реальности и людям; поскольку эти процессы лежат в основе тестирования реальности, описанного Фрейдом как важная часть работы скорби. Когда анализ подходит к концу, возобновляются тревоги и защиты, переживаемые в младенчестве.

Поэтому мой критерий завершения анализа таков: достаточно ли в ходе анализа были ослаблены персекуторная и депрессивная тревоги и достаточно ли было усилено отношение пациента к внешнему миру, чтобы он сумел удовлетворительно справиться с ситуацией скорби, возникающей в этот момент? По мере, по возможности, полного анализа как негативного, так и позитивного переноса персекуторная и депрессивная тревоги уменьшаются, а пациент обретает все большую способность синтезировать противоположные аспекты первичных объектов и переживания по отношению к ним, укрепляя таким образом более реалистичную

и надежную установку к внутреннему и внешнему миру. Если эти процессы переживаются в ситуации переноса достаточным образом, идеализация аналитика и переживания преследования им уменьшаются; в этом случае пациент может успешнее справиться с переживаниями потери, вызванными завершением анализа и той частью работы скорби, которую ему придется выполнить после окончания анализа.

Существуют хорошо известные критерии завершения психоаналитического лечения, такие как гетеросексуальная потенция и способность к любви, объектным отношениям и работе. Все эти критерии взаимосвязаны с новым, только что предложенным мною критерием, поскольку каждый шаг в развитии и, соответственно, прогресс в ходе анализа связаны с уменьшением персекуторной и депрессивной тревог.

**Выступление
на Всемирном конгрессе по психиатрии
(1952а [1950])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: [The Contribution to Congress]. // Premier Congrès mondial de psychiatrie, Paris, 1950, 18–27 septembre. — T. V: Psychothérapie. Psychanalyse. Médecine Psychosomatique. Evolutions et tendances actuelles de la Psychanalyse. — Paris: Hermann & Cie, 1952. — P. 98–103.

Данный текст представляет собой вклад Мелани Кляйн в I Всемирный конгресс по психиатрии, проходивший в Париже 18–27 сентября 1950 года. Здесь Кляйн останавливается на разногласиях в позициях двух групп Британского психоаналитического общества — группы Анны Фрейд и группы Кляйн. Эти теоретические разногласия касаются, прежде всего, понимания природы ранних психических конфликтов и развития объектных отношений. Для Кляйн центральным пунктом является наличие в психической жизни ранних персекуторных тревог, динамика и преобразование которых создают основу для формирования первичных отношений с объектами.

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

На русском языке публикуется впервые.

Анна Фрейд¹ ссыпалась на то, что всякое продвижение в понимании инфантильных процессов влияет и на психоаналитическую теорию, и на технику, а также имеет важнейшие последствия для нашего понимания психических расстройств у взрослых. Это совершенно верно на тех основаниях, что я приписываю столь огромную значимость прогрессу в нашем знании психических процессов на первом году жизни. По той же самой причине я полагаю, что расхождение мнений по данному вопросу между рядом психоаналитиков, разделяющих взгляды Анны Фрейд о раннем младенчестве, и психоаналитиками, связанными с моей работой, подразумевает — вопреки большому количеству общих оснований — некоторые фундаментальные различия в концепциях эмоциональной жизни младенца, а значит, и инфантального развития психики взрослого.

Обращаясь к некоторым спорным аспектам моей концепции раннего развития, Анна Фрейд, кажется, имела в виду, что, по крайней мере, на первом году интеграция Эго еще недостаточна для возникновения психического конфликта. Тем не менее, она не указала приблизительный возраст, в котором, на ее взгляд, такая интеграция достигается, и не сообщила, по-прежнему ли она связывает стадию, в которой ребенок испытывает внутренний конфликт и переживания вины, с началом развития Супер-Эго. Поскольку она определила эту стадию только с позиции развития Эго, тогда как ранее в своих публикациях она выражала мнение — поддерживаемое и Фрейдом, — что внутренний конфликт и вина не возникают до того, пока в результате эдипова комплекса не разовьется Супер-Эго. Было бы весьма полезно для прояснения дискуссий по этим существенным вопросам услышать от Анны Фрейд, изменила ли она свои взгляды по поводу раннего младенчества, особенно по поводу начала развития Супер-Эго.

---

¹ [Freud, A. The psychoanalytic treatment of children. — London: Imago Publishing Co., Ltd., 1946. — 98 p.]

Мои взгляды на эмоциональную жизнь младенца исходят из моей психоаналитической работы с маленькими детьми и взрослыми. Мой подход осуществлялся с точки зрения тревоги и защиты от нее, и он привел меня к выводу, что агрессивный компонент, садистические импульсы и фантазии являются фундаментальной причиной тревоги. После нескольких лет работы в этом направлении я поняла и впервые заявила об этом в «Психоанализе детей»¹, что мои выводы согласуются с гипотезой Фрейда об инстинктах жизни и смерти. Впоследствии я пришла к дальнейшему выводу, что самая ранняя форма тревоги имеет характер преследования. С начала постнатальной жизни — я не касаюсь здесь пренатальных процессов — деструктивные импульсы и фантазии, направленные против первичного объекта, проецируются на него, а также пробуждают страх возмездия. Эти переживания преследования из внутренних источников усиливаются болезненным внешним опытом, прежде всего рождением, поскольку фрустрация и дискомфорт вызывают у младенца чувство того, что их причиняют враждебные силы, считающиеся плохими объектами. Комфорт и поддержка, предstawляемые при рождении, и первый опыт кормления, оказывается, пробуждают чувство, что существует хороший объект. Первым объектом, которому приписываются хорошесть и плохость, является грудь матери. Когда грудь переживается удовлетворяющей, а потому хорошей, ее любят; когда она переживается плохой, младенец ненавидит ее и атакует в своей фантазии. Любимая грудь считается защищающей, ненавидимая — преследующей.

С начала постнатальной жизни начинают действовать фундаментальные процессы интроекции и проекции. Они неразрывно связаны с фантазиями, эмоциями и самыми ранними объектными отношениями ребенка. Я не рассматриваю интроекцию и проекцию, хотя они и используются для защиты, подобно всем методам психики, только как механизмы защиты, что, кажется, имела в виду Анна Фрейд. Проекция дает возможность Это отклонить либидо и агрессию во внешний мир и таким образом установить объектные отношения. Интроекция ведет к интернализации хороших и плохих объектов, в первую очередь, груди, формирующих ядро Супер-Эго и связанных

¹ [Klein, M. (1932b). The Psycho-Analysis of Children. — London: Hogarth Press & the Institute of Psycho-Analysis, 1932. — 393 р. См. наст. изд. Т. III.]

с отношением к матери, а вскоре и к отцу. Переживания преследования сосредоточиваются на страхе внутренних и внешних плохих объектов, переживания безграничной безопасности — на проекции внутренних и внешних хороших объектов, которые идеализируются и считаются всемогущими.

Эти эмоции, механизмы, тревоги и защиты составляют суть объектных отношений, и я действительно считаю объектным отношением самую раннюю связь младенца с матерью, первоначально сфокусированную на ее грудях. Здесь я затрону еще один существенный спорный вопрос. Некоторые психоаналитики, включая Анну Фрейд, несколько лет назад, во время дискуссий в Британском психоаналитическом обществе¹, утверждали, что объектные отношения не устанавливаются примерно до возраста шести месяцев; этот взгляд не согласуется с моей концепцией раннего развития.

На протяжении первых 3—4 месяцев преобладает персекуторная тревога и шизоидные механизмы, такие как расщепление, всемогущество, отрицание и идеализация. Во время этой стадии, которую я назвала пааноидно-шизоидной позицией, младенец способен сохранять отдельно хорошую и плохую грудь, равно как и переживания по отношению к ней, хотя интеграция Эго и синтез объекта уже действуют и иногда ослабляют это разделение. Во второй четверти первого года, благодаря прогрессу в интеграции Эго, шизоидные механизмы значительно уменьшаются, а синтез переживаний в отношении объектов — прежде всего, матери — увеличивается. На этой стадии — описанной мною как депрессивная позиция (достигающей кульминации примерно в шесть месяцев) — доминирующей тревогой является депрессивная, которая дает начало чувству вины и тенденции совершать репарацию. Суть депрессивной тревоги — ожидаемая опасность в отношении любимых объектов со стороны деструктивных импульсов субъекта, и в период отлучения от груди депрессивная тревога интенсифицируется.

Разграничение, к которому я пришла, между персекуторной и депрессивной тревогой прояснило для меня теорию тревоги. Полагаю, все ситуации тревоги, через которые проходит ребенок, можно сгруппировать под этими двумя заголовками. Подход, лежащий в основе данной концепции, позволил мне анализировать самые глубокие

¹ [В период 1942—1944 гг.]

слои бессознательного, а заодно достигать более полного понимания личности в целом. Тревога оказалась пробным камнем для нашего понимания психических процессов и человеческих эмоций. Поэтому неудивительно, что исследование содержания самых ранних тревог и защит (что подразумевает анализ самых ранних стадий развития) должно пролить новый свет на нормальное развитие, а также на психические заболевания. Поскольку ранние ситуации тревоги, механизмы и защиты, обычно модифицирующиеся, при аномальном развитии, как выясняется, формируют основу позднейшего шизофренического заболевания и маниакально-депрессивных нарушений.

Мой подход, имеющий своим результатом игровую технику детского анализа, также сильно повлиял на технику взрослого анализа, практикуемую некоторыми психоаналитиками. Таким образом, диапазон случаев, поддающихся психоаналитическому лечению, значительно расширился и включил новые категории пациентов, таких как самые маленькие дети и пациенты с тяжелыми психическими расстройствами.

В заключение перечислю ряд особенностей, которые, как я считаю, присутствуют на самой ранней стадии младенчества и являются взаимозависимыми.

А. Это, имеющее некоторыеrudименты интеграции и сцепления и все больше прогрессирующее в этом направлении. С начала постнатальной жизни Эго также выполняет некоторые фундаментальные функции; так, оно использует процессы расщепления и торможения инстинктивных желаний в качестве некоторой защиты от персекуторной тревоги, которую испытывает, начиная с рождения.

Б. Объектные отношения, формируемые либидо и агрессией, любовью и ненавистью и пропитываемые, с одной стороны, персекуторной тревогой, а с другой — ее последствием, всемогущим заверением, исходящим от идеализации объекта.

В. Интроекция и проекция, связанные с фантазийной жизнью младенца и всеми его эмоциями, а впоследствии интернализированные объекты, хорошие и плохие по своей природе, дают начало развитию Супер-Эго.

Вот краткий — а потому по необходимости упрощенный — набросок эмоциональной жизни младенца, к которому я пришла благодаря своей работе.

RESUMEN

Melanie KLEIN

La autora considera que las siguientes características se encuentran presentes en el primer estadio del desarrollo infantil.

A. Existe un yo con elertos rudimentos de integración y cohesión que progresan continuamente en esas direcciones. Este yo también desarrolla ciertas funciones fundamentales al comienzo de la vida postnatal, empleando mecanismos de desdoblamiento y de inhibición de deseos instintivos como defensa frente a la angustia persecutoria (*persecutory anxiety*). Esta angustia es experimentada por el yo a partir del nacimiento.

B. Existen relaciones de objeto que son moldeadas por la libido y la agresión (amor y odio), siendo influenciadas de un lado por la angustia persecutoria y, del otro, por su corolario, es decir, por el apoyo omnipotente que recibe a partir de la idealización del objete.

C. La introyección y proyección se encuentran presentes, enlazadas a la vida de fantasías (*phantasies*) del niño y a todas sus emociones. Como consecuencia tenemos objetos internalizados, de una naturaleza buena y mala, que inician el desarrollo del superyó.

RÉSUMÉ

Melanie KLEIN

L'auteur pense que les facteurs suivants existent dans le premier stade de l'enfance.

A. Un moi qui a des rudiments d'intégration et de cohésion et progresse de plus en plus le sens de l'intégration et de la synthèse. Le moi assure aussi dès la naissance des fonctions fondamentales (vital functions); il emploie des processus de dissociation (splitting processes) et d'inhibition des désirs instinctuels comme défenses contre l'angoisse persécutrice, que le moi éprouve depuis les premiers jours de la vie.

B. Les relations objectales qui sont essentiellement influencées par la libido et l'agressivité, par l'amour et la haine, sont aussi pleines de l'angoisse persécutrice et de son corollaire, la confiance toute-puissante, résultant de l'idéalisation de l'objet aimé.

C. L'introduction et la projection, liées aux phantasmes de l'enfant et à toutes ses émotions, et par conséquent les objets interiorisés — bons ou mauvais — qui déclenchent le développement du sur-moi.

ИСТОЧНИКИ ПЕРЕНОСА

(1952b [1951])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: The origins of transference. // Bulletin of the International Psycho-Analytical Association. — 1952. — Vol. 33. — P. 267.

Данный текст кратко излагает ключевые вопросы доклада М. Кляйн, представленного на XVII Международном психоаналитическом конгрессе в Амстердаме 6 августа 1951 года. Следующая статья «Источники переноса» (1952с) содержит развернутое обсуждение обозначенных здесь проблем.

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

На русском языке публикуется впервые.

Источники переноса в объектных отношениях и эмоциональных переживаниях с начала постнатальной жизни. Изучение ранних стадий развития под этим углом. Персекуторная природа самой ранней тревоги и соответствующих защит. Проекция и интроверсия, лежащие в основе объектных отношений. Интроверсированный хороший и плохой объект (материнская грудь) как ядро Супер-Эго. Растущая интеграция и депрессивная тревога. Либидинозные желания, перенесенные с одного объекта и цели на другой. Флуктуации между любовью и ненавистью, между внутренними и внешними фигурами, между фантазией и реальностью. Давление самых ранних тревог, способствующее навязчивому повторению. Ранние объектные отношения и проблема аутоэротизма и нарциссизма. Позитивный и негативный перенос в свете раннего взаимодействия любви и ненависти. Аналитик в различных ролях, основанных на широком диапазоне внутренних и внешних фигур, идеализированных и преследующих. Интерпретация этих аспектов в свете ранних объектных отношений, приводящая к измененному отношению к аналитику в переносе. Особенности, отличающие перенос от самых ранних отношений. Уменьшенное навязчивое повторение как результат последовательной интерпретации переноса.

ИСТОЧНИКИ ПЕРЕНОСА

(1952c)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: The origins of transference. // International Journal of Psychoanalysis. — 1952. — Vol. 33. — P. 48—56.

Это единственная статья Кляйн, посвященная проблеме переноса, в которой она собирает воедино свои идеи, касающиеся данного феномена, уже высказанные и проиллюстрированные клиническим материалом в других работах. Ее концепция переноса включает «все ситуации», переносимые из прошлого в настоящее, поэтому интерпретации, как она считает, должны охватывать как ранние объектные отношения, оживающие и развивающиеся в переносе, так и бессознательные элементы текущей жизни пациента.

На протяжении многих лет Мелани Кляйн придерживалась мнения, что объектные отношения начинаются с рождения, что подразумевало, что нарциссизм и аутоэротизм не предшествуют объектным отношениям. Данная статья содержит единственное обсуждение первичного нарциссизма, включая описание связи ее идей со взглядами Фрейда. В этом обсуждении Кляйн описывает нарциссические состояния, которые представляют собой состояния ухода к внутренним объектам. В ее терминологии нарциссические состояния отличаются от нарциссических объектных отношений, которые являются результатом проективной идентификации, что было описано в работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» (1946а).

Перевод с английского О.К. Ролиной.

На русском языке публикуется впервые.

В работе «Фрагмент анализа случая истерии»¹ Фрейд определяет ситуацию переноса следующим образом:

«Что такое переносы? Это новые версии, новообразования порывов и фантазий, которые должны быть пробуждены и осознаны при продвижении анализа, с характерным для этого сплава замещением прежней персоны персоной врача. Другими словами: целый ряд более ранних психических переживаний оживает вновь не как прошедшее, а как актуальное отношение к персоне врача»².

В той или иной форме перенос имеет место на протяжении всей жизни и влияет на все человеческие отношения, однако здесь я рассматриваю лишь проявления переноса в психоанализе. Он — характерная черта психоаналитической процедуры, заключающаяся в том, что, когда он начинает открывать путь к бессознательному пациента, постепенно возрождается прошлое пациента (в сознательных и бессознательных аспектах). Вследствие этого усиливается побуждение пациента переносить свои ранние переживания, объектные отношения и эмоции, которые фокусируются на психоаналитике; это подразумевает, что пациент имеет дело с вновь активизировавшимися конфликтами и тревогами, используя те же самые механизмы и защиты, что и в ранних ситуациях.

Из этого следует, что чем глубже мы сумеем проникнуть в бессознательное и чем дальше мы сможем продвинуться в анализе, тем лучше будет наше понимание переноса. Поэтому здесь уместно привести краткое изложение моих выводов относительно самых ранних стадий развития.

Первая форма тревоги имеет характер преследования. Работа инстинкта смерти внутри — по Фрейду, направленная против организма, — дает начало страху уничтожения, и это — изначальная причина персекutorialной тревоги. Более того, с начала постнатальной

¹ Freud, S. Bruchstück einer Hysteria-Analyse (1905e). // G. W. — Bd. V. — S. 161—286.

² Ibid. S. 279.

жизни (здесь я не касаюсь пренатальных процессов) деструктивные импульсы против объекта пробуждают страх возмездия. Эти переживания преследования из внутренних источников интенсифицируются болезненным внешним опытом, поскольку с самых первых дней фruстрация и дискомфорт вызывают у младенца чувство того, что его атакуют враждебные силы. Поэтому ощущения, испытываемые младенцем при рождении и трудности его адаптации к совершенно новым условиям, дают начало персекуторной тревоге. Комфорт и забота, предоставляемые после рождения, особенно первый опыт кормления, переживаются как исходящие от хороших сил. Слово «силы», скорее применимое ко взрослым, здесь я использую для обозначения того, что младенец смутно воспринимает в качестве объектов, хороших или плохих. Младенец направляет свои переживания удовлетворения и любви к «хорошой» груди, а деструктивные импульсы и переживания преследования — к тому, что считает фruстрирующим, т. е. к «плохой» груди. На этой стадии процессы расщепления находятся на пике, а любовь и ненависть, равно как и хорошие и плохие аспекты груди, в значительной степени отдалены друг от друга. Относительная безопасность младенца основывается на превращении хорошего объекта в идеальный, что является собой защиту от опасного и преследующего объекта. Эти процессы — т. е. расщепление, отрицание, всемогущество и идеализация — преобладают на протяжении первых 3—4 месяцев жизни (названных мною «параноидно-шизоидной позицией»¹). В этом отношении на самой ранней стадии персекуторная тревога и ее следствие, идеализация, оказывают фундаментальное влияние на объектные отношения.

Первичные процессы проекции и интроекции, будучи неразделимо связанными с эмоциями и тревогами младенца, дают начало объектным отношениям: при проекции, т. е. при отклонении либido и агрессии на материнскую грудь, устанавливается базис объектных отношений, при интроекции объекта, прежде всего груди, возникают отношения к внутренним объектам. Использование мною термина «объектные отношения» основано на моем убеждении, что младенец с начала постнатальной жизни имеет отношение к матери (пусть и первоначально сосредоточенное на ее груди), наполненное

¹ «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946а). Наст. том. С. 69—101].

основными элементами объектных отношений, т. е. любовью, ненавистью, фантазиями, тревогами и защитами¹.

На мой взгляд — как я уже детально объяснила в других случаях — интроекция груди является началом формирования Супер-Эго, процесса, простирающегося на годы. У нас есть основания предположить, что, начиная с первого опыта кормления, младенец интроцирует грудь в ее различных аспектах. Таким образом, ядром Супер-Эго является материнская грудь, хорошая и плохая. Вследствие одновременного действия интроекции и проекции взаимодействуют отношения к внешним и внутренним объектам. Отец, который вскоре начинает играть определенную роль в жизни ребенка, также рано становится частью его внутреннего мира. Характерной чертой эмоциональной жизни младенца являются быстрые флуктуации между любовью и ненавистью; между внешними и внутренними ситуациями; между восприятием реальности и фантазиями, связанными с ней; и, соответственно, взаимодействие персекуторной тревоги и идеализации — касающихся как внутренних, так и внешних объектов; и потому идеализированный объект, будучи результатом преследования, — чрезвычайно плохой.

Растущая способность Эго к интеграции и синтезу все больше ведет, даже в эти первые несколько месяцев, к состояниям, в которых синтезируются любовь и ненависть, а соответственно, хорошие и плохие аспекты объектов. Это дает начало второй форме тревоги — депрессивной, — т. к. агрессивные импульсы и желания младенца по отношению к плохой груди (матери) теперь считаются опасными и для хорошей груди (матери). Во второй четверти первого года эти эмоции усиливаются, потому что на этой стадии младенец все больше воспринимает и интроцирует мать как личность.

¹ Существенная особенность этих самых ранних объектных отношений состоит в том, что они являются прототипом отношений между двумя людьми, в которые не вмешивается никакой другой объект. Это жизненно важно для дальнейших объектных отношений, хотя в данной исключительной форме они, вероятно, делятся лишь на протяжении нескольких месяцев, поскольку фантазии, связанные с отцом и его пенисом — фантазии, дающие начало ранним стадиям эдипова комплекса, — вводят отношения больше чем с одним объектом. Иногда в анализе взрослых и детей пациент достигает переживания блаженного счастья благодаря возрождению этого раннего исключительного отношения с матерью и ее грудью. Такие переживания нередко следуют за анализом ревности и ситуаций соперничества, в которые вовлечен третий объект, в конечном счете, отец.

Депрессивная тревога интенсифицируется, поскольку младенец считает, что он разрушил или разрушает целостный объект своей жадностью и неконтролируемой агрессией. Более того, вследствие растущего синтеза своих эмоций теперь он чувствует, что эти деструктивные импульсы направлены против любимой личности. Схожие процессы действуют в отношении к отцу и другим членам семьи. Эти тревоги и соответствующие им защиты конституируют «депрессивную позицию», которая достигает пика примерно к середине первого года, и чья сущность — тревога и вина, связанные с разрушением и потерей любимых внутренних и внешних объектов.

Именно на этой стадии и в связи с депрессивной позицией возникает эдипов комплекс. Тревога и вина дают мощный толчок началу эдипова комплекса, поскольку они увеличивают потребность экстернализировать (проецировать) плохие фигуры и интернализировать (интровертировать) хорошие; привязывать желания, любовь, переживания вины и репаративные тенденции к одним объектам, а ненависть и тревогу — к другим; находить представителей внутренних фигур во внешнем мире. Тем не менее, над потребностями младенца господствует не только поиск новых объектов, но и влечение к новым целям: от груди к пенису, т. е. от оральных желаний к генитальным. Много факторов способствует этому развитию: вышедшее вперед влечение либидо, растущая интеграция Эго, физические и психические способности и прогрессивная адаптация к внешнему миру. Эти тенденции связаны с процессом символообразования, дающим младенцу возможность переносить с одного объекта на другой не только интерес, но также эмоции и фантазии, тревогу и вину.

Описанные мною процессы связаны с другим существенным феноменом, управляющим психической жизнью. Полагаю, давление, оказываемое самыми ранними ситуациями тревоги, является одним из факторов, вызывающих навязчивое повторение. Я вернусь к этой гипотезе позднее.

Часть моих выводов относительно самых ранних стадий младенчества является продолжением открытий Фрейда: тем не менее, по некоторым пунктам возникли расхождения, одно из которых касается данной темы. Я имею в виду мое утверждение о том, что объектные отношения действуют с начала постнатальной жизни.

В течение многих лет я придерживалась мнения, что аутоэротизм и нарциссизм существуют у младенца одновременно с первым отношением к объектам — внешним и интернализированным. Кратко изложу свою гипотезу: аутоэротизм и нарциссизм включают в себя любовь к интернализированному хорошему объекту и отношения с ним, что в фантазии формирует часть любимого тела и Я. Именно к этому интернализированному объекту имеет место уход при аутоэротическом удовлетворении и нарциссических состояниях. Вместе с тем, начиная с рождения, существует отношение к объектам, первоначально к матери (ее груди). Эта гипотеза опровергает концепцию Фрейда об аутоэротических и нарциссических стадиях, препятствующих объектным отношениям. Тем не менее, различия между моей точкой зрения и взглядом Фрейда не столь значительны, как кажется на первый взгляд, поскольку его утверждения по этому поводу не лишены двусмысленности. В разных контекстах он ясно и безоговорочно выражал мнения, предполагающие отношения к объекту, материнской груди, *предшествующие* аутоэротизму и нарциссизму. Одной ссылки должно быть достаточно; в первой из двух статей для энциклопедии¹ Фрейд пишет:

«Сначала оральное парциальное влечение находит удовлетворение в примыкании к насыщению потребности в питании, а его объект — в материнской груди. Затем оно отделяется, становится самостоятельным и в то же время *аутоэротичным*, т. е. оно находит свой объект на собственном теле»².

Употребление Фрейдом термина «объект» немного отличается от моего употребления данного термина, поскольку он обращается к объекту инстинктивной цели, тогда как я, в дополнение к этому, имею в виду отношение к объекту, включающее эмоции, фантазии, тревоги и защиты младенца. Несмотря на это, в вышеуказанной цитате Фрейд ясно говорит о либидинозной привязанности к объекту, к материнской груди, которая предшествует аутоэротизму и нарциссизму.

В данном контексте я хочу напомнить и об открытиях Фрейда относительно ранних идентификаций. В работе «Я и Оно»³, говоря

¹ Freud, S. «Libidotheorie», «Psychoanalyse» (1923a [1922]). // G. W. — Bd. XIII. — S. 211—233.

² Ibid. S. 221.

³ Freud, S. Das Ich und das Es (1923b). // G. W. — Bd. XIII. — S. 237—289.

об оставленном объектном катексисе, он пишет: «...воздействия первой, осуществленной в самом раннем возрасте идентификации будут всеобщими и длительными. Это возвращает нас к возникновению Идеала-Я»¹. Затем Фрейд определяет первые и наиболее важные идентификации, скрытые за Это-идеалом, как идентификации с отцом или с родителями, после чего ставит их, как он выражается, «в личностную предысторию»². Эти формулировки близки моим описаниям первых интровертированных объектов, т. к., по определению, идентификации являются результатом интроверсии. Из утверждения, которое я только что обсудила, и из цитаты, взятой мною из статьи энциклопедии, можно сделать вывод, что, хотя Фрейд и не развивает далее свою мысль, он вполне допускает, что в самом раннем младенчестве и объект, и интровертивные процессы играют определенную роль.

Таким образом, мы встречаем непоследовательность во взглядах Фрейда относительно аутоэротизма и нарциссизма. Думаю, подобная непоследовательность, существующая в ряде положений теории, ясно показывает, что Фрейд все же не пришел к окончательному решению по этим конкретным вопросам. Что касается теории тревоги, он ясно изложил ее в работе «Торможение, симптом и страх»³. Высказывание Фрейда о первых годах жизни девочки как «...о серых и туманных»⁴ служит примером осознания им, что многое о ранних стадиях развития все еще неизвестно или неясно.

Я не знаю точки зрения Анны Фрейд относительно данного аспекта работы Фрейда. Но, что касается вопроса аутоэротизма и нарциссизма, кажется, А. Фрейд лишь приняла во внимание вывод Фрейда о том, что аутоэротическая и нарциссическая стадии предшествуют объектным отношениям, и не учла другие возможности, подразумевающиеся в некоторых утверждениях Фрейда, на которые я ссылалась выше. Это одна из причин, почему расхождение между

¹ Ibid. S. 259. На этой же самой странице Фрейд предполагает — все еще обращаясь к этим первым идентификациям, — что они являются прямой и непосредственной идентификацией, имеющей место раньше катексиса любого объекта. Представляется, что это предположение подразумевает то, что интроверсия даже предшествует объектным отношениям.

² Ibid. S. 259.

³ Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 111—205.

⁴ Freud, S. Über die weibliche Sexualität (1931b). // G. W. — Bd. XIV. — S. 519.

концепцией Анны Фрейд и моей концепцией раннего младенчества намного больше, чем между моими взглядами и взглядами Фрейда в целом. Я делаю это заявление, поскольку полагаю, что необходимо выяснить степень и сущность различий между двумя школами психоаналитической мысли, представляемыми Анной Фрейд и мною. Такое прояснение требуется в интересах психоаналитического обучения, а также потому, что оно могло бы положить начало плодотворным дискуссиям между психоаналитиками, а значит, способствовало бы большему общему пониманию фундаментальных проблем раннего младенчества.

Гипотеза о том, что стадия, простирающаяся на несколько месяцев, предшествует объектным отношениям, подразумевает, что — за исключением либидо, привязанного к собственному телу младенца, — импульсы, фантазии, тревоги и защиты младенца либо не присутствуют у него, либо не относятся к объекту, т. е. действуют *in vacuo*¹. Анализ самых маленьких детей научил меня, что нет такого инстинктивного побуждения, нет такой ситуации тревоги, нет такого психического процесса, который не включал бы в себя объекты, внешние или внутренние; другими словами, объектные отношения находятся в центре эмоциональной жизни. Кроме того, любовь и ненависть, фантазии, тревоги и защиты действуют с самого начала и *ab initio*² нераздельно связаны с объектными отношениями. Такое понимание показало мне многие феномены в новом свете.

Теперь я сделаю вывод, на который опирается данная статья. Я придерживаюсь мнения, что перенос берет начало в тех же процессах, что детерминируют объектные отношения на самых ранних стадиях. Поэтому в анализе нам приходится вновь и вновь возвращаться назад к доминирующему в раннем младенчестве флюктуациям между объектами, любимыми и ненавидимыми, внешними и внутренними. Мы сможем полностью признать взаимосвязь между позитивными и негативными переносами, только если исследуем раннее взаимодействие между любовью и ненавистью, а также порочный круг из агрессии, тревог и переживаний вины и вновь возрастающей агрессии, а заодно изучим различные аспекты объектов, на которые направлены эти

¹ [In vacuo (лат.) — в вакууме.]

² [Ab initio (лат.) — изначально.]

противоречивые эмоции и тревоги. С другой стороны, благодаря исследованию этих ранних процессов я пришла к убеждению, что анализ негативного переноса, которому в психоаналитической технике было уделено относительно мало внимания¹, является предпосылкой для анализа более глубоких слоев психики. По моим многолетним убеждениям, анализ как негативного, так и позитивного переноса и их взаимосвязи является обязательным принципом лечения всех типов пациентов, как детей, так и взрослых. Я привела достаточно доказательств этой точки зрения в большинстве своих работ, начиная с 1927 года.

Данный подход, в прошлом сделавший возможным психоанализ самых маленьких детей, в последние годы оказался чрезвычайно плодотворным для анализа шизофренических пациентов. Приблизительно до 1920 года предполагалось, что шизофренические пациенты не способны формировать перенос, а потому их нельзя проанализировать. С тех пор были предприняты попытки применить различные техники для психоанализа шизофреников. Тем не менее, самая радикальная перемена взглядов в этом отношении произошла сравнительно недавно, и она тесно связана с развитием знания механизмов, тревог и защит, действующих в самом раннем младенчестве. Поскольку были открыты некоторые из этих защит, развивающихся в первичных объектных отношениях как от любви, так и от ненависти, был полностью понят тот факт, что шизофренические пациенты способны развивать как позитивный, так и негативный перенос. Данное открытие подтверждается, если мы последовательно введем в лечение шизофренических пациентов² принцип, что

¹ Что во многом было обусловлено недооценкой значимости агрессии.

² Эта техника проиллюстрирована в статье Х. Сигал «Некоторые аспекты анализа шизофреника»^[a] и в статьях Г. Розенфельда «Заметки о психоанализе конфликта Супер-Эго у пациента с острой шизофренией»^[b] и «Феномены переноса и анализ переноса у пациента с острой кататонической шизофренией»^[c].

[^a] Segal, H. Some aspects of the analysis of a schizophrenic. // I. J. PA. — 1950. — Vol. 31. — P. 268—278.

[^b] Rosenfeld, H. Notes on the psycho-analysis of the super-ego conflict of an acute schizophrenic patient. // I. J. PA. — 1952. — Vol. 33. — P. 111—131.

[^c] Rosenfeld, H. Transference-phenomena and transference-analysis in an acute catatonic schizophrenic patient. // I. J. PA. — 1952. — Vol. 33. — P. 457—464.

негативный перенос необходимо анализировать так же, как и позитивный — фактически, один нельзя проанализировать без другого.

Ретроспективно можно увидеть, что эти значительные продвижения в технике подтверждены в психоаналитической теории открытием Фрейдом инстинктов жизни и смерти, существенно увеличившим понимание происхождения амбивалентности. Поскольку инстинкты жизни и смерти, а значит любовь и ненависть, по сути, находятся в теснейшем взаимодействии, негативный и позитивный переносы в своей основе взаимосвязаны.

Понимание самых ранних объектных отношений и процессов, которые они подразумевают, оказало на технику существенное влияние с различных позиций. Давно было известно, что в ситуации переноса психоаналитик может обозначать мать, отца или других людей, что иногда он играет в психике пациента роль Супер-Эго, а иногда — роль Ид или Эго. Наше сегодняшнее знание дает нам возможность проникнуть в специфические детали различных ролей, предписанных аналитику пациентом. Фактически в жизни младенца присутствует не так много людей, но он переживает их как множество объектов, потому что они предстают перед ним в различных аспектах. Соответственно, аналитик в определенный момент может представлять часть Я, часть Супер-Эго или любого человека из широкого круга интернализированных фигур. Подобным образом, осознание того, что аналитик обозначает фактического отца или мать, не поможет нам продвинуться достаточно далеко, пока мы не поймем, какой аспект родителей возродился. Вследствие инфантильных процессов проекции и идеализации представление о родителях в психике пациента подверглось искажению различной степени и зачастую сохранило многое из своей фантастической сущности. В целом, в психике младенца каждый внешний опыт переплетается с его фантазиями, с другой стороны, каждая фантазия содержит элементы фактического опыта, и только путем анализа ситуации переноса до ее глубины можно обнаружить прошлое как в его реалистических, так и фантастических аспектах. Именно этот источник флюктуаций в самом раннем младенчестве и объясняет в переносе их силу и быстрые изменения — иногда даже в течение одной сессии — между отцом и матерью, между всемогущественно добрыми объектами и опасными преследователями, между внутренними и внешними фигурами. Порой аналитик, как

выясняется, одновременно представляет обоих родителей — в этом случае чаще всего во враждебном союзе против пациента, вследствие чего негативный перенос приобретает большую интенсивность. То, что затем в переносе возрождается или становится очевидным, представляет собой смешение в фантазии пациента родителей в одну фигуру, «комбинированную родительскую фигуру», как я ее называла¹. Это одна из фантазийных формаций, характерная для самых ранних стадий эдипова комплекса, которая, если остается в силе, приносит вред как объектным отношениям, так и сексуальному развитию. Фантазия о комбинированных родителях черпает силу из другого элемента ранней эмоциональной жизни — из сильной зависти, связанной с фрустрированными оральными желаниями. Благодаря анализу таких ранних ситуаций мы узнаем, что в психике ребенка, когда он фрустрирован (или неудовлетворен по внутренним причинам), его фruстрация удваивается переживанием того, что другой объект (вскоре репрезентируемый отцом) получает от матери желаемое удовлетворение и любовь, в которых ему в данный момент отказали. Здесь коренится причина фантазии о том, что родители объединены в вечном обоюдном удовольствии орального, анального и генитального характера. И это, на мой взгляд, прототип ситуаций зависти и ревности.

Есть еще один аспект анализа переноса, о котором стоит упомянуть. Мы привыкли говорить о *ситуации* переноса. Но всегда ли мы помним главное значение этого понятия? Мой опыт показывает, что при разъяснении деталей переноса необходимо мыслить с позиции *всех ситуаций*, переносимых из прошлого в настоящее, равно как и с позиции эмоций, защит и объектных отношений.

На протяжении многих лет — и вплоть до сегодняшнего дня — перенос понимался с точки зрения прямых ссылок на аналитика в материале пациента. Моя концепция переноса как укорененного в самых ранних стадиях развития и глубоких слоях бессознательного намного шире и ведет к технике, посредством которой из всего представленного материала выводятся бессознательные элементы переноса. Например, сообщения пациентов об их повседневной жизни, отношениях и деятельности не только дают понимание функционирования *Эго*, но и выявляют — если мы исследуем их бессознательное

¹ См. «Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III], в особенности гл. VIII и XI.

содержание — защиты от возникших в ситуации переноса тревог. Это происходит потому, что пациент вынужден бороться с конфликтами и тревогами, вновь переживаемыми по отношению к аналитику, теми же самыми методами, которые он использовал в прошлом. То есть он отворачивается от аналитика так же, как он пытался отвернуться от своих первичных объектов; он пытается расщепить отношения к нему, удерживая его либо как хорошую, либо как плохую фигуру: он отклоняет некоторые из своих чувств и установок, испытываемых по отношению к аналитику, на других людей в своей текущей жизни, и это является частью «отыгрывания»¹.

Придерживаясь своей темы, здесь я преимущественно обсуждала самые ранние переживания, ситуации и эмоции, в которых берет начало перенос. Однако на этих основаниях выстраиваются дальнейшие объектные отношения, а также эмоциональное и интеллектуальное развитие, которые требуют внимания аналитика не меньше, чем ранние. То есть к сфере нашего исследования относится все, что находится между текущей ситуацией и самыми ранними переживаниями. Фактически невозможно найти доступ к самым ранним эмоциям и объектным отношениям, кроме как через исследование их судьбы в свете более позднего развития. Только лишь благодаря всем новым связываниям (что означает тяжелую и упорную работу) более поздних переживаний с ранними и *vice versa*², только благодаря последовательному исследованию их взаимодействия, настоящее и прошлое могут сблизиться в психике пациента. Это один аспект процесса интеграции, который, если анализ прогрессирует, включает в себя всю психическую жизнь пациента. Когда тревога и вина уменьшаются, и любовь и ненависть могут лучше синтезироваться, процессы расщепления — фундаментальная защита от тревоги — а заодно и вытеснения уменьшаются, тогда как Эго набирается силы и связности; раскол между идеализированными и преследующими объектами уменьшается, фантастические аспекты объектов теряют

¹ Временами пациент может, скорее, пытаться сбежать от настоящего в прошлое, нежели понять, что в этот момент его эмоции, тревоги и фантазии действуют в полную силу, и сфокусированы они на аналитике. В другое время, как мы знаем, защиты направляются, главным образом, против нового переживания прошлого в отношении к первоначальным объектам.

² [Vice versa (лат.) — наоборот.]

силу; все это означает, что бессознательная фантазийная жизнь — менее резко отделенная от бессознательной части психики — может быть лучше использована в деятельности Эго, с последующим общим обогащением личности. Здесь я затрагиваю вопрос о различиях — противопоставляемых сходствам — между переносом и первыми объектными отношениями. Эти различия являются мерилом целебного эффекта аналитической процедуры.

Выше я предположила, что одним из факторов, вызывающих навязчивое повторение, является давление, оказываемое самими ранними ситуациями тревоги. Когда персекуторная и депрессивная тревога и вина уменьшаются, меньшим становится и побуждение вновь и вновь повторять фундаментальный опыт, а потому с меньшим упорством поддерживаются ранние паттерны и формы переживаний. Эти фундаментальные изменения происходят благодаря последовательному анализу переноса; они связаны с глубинной ревизией самых ранних объектных отношений и отражаются в текущей жизни пациента, а также в измененных установках по отношению к аналитику.

Взаимные влияния в развитии Эго и Ид

(1952d)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: The mutual influences in the development of Ego and Id. // Psychoanalytic Study of the Child. — 1952. — Vol. 7. — P. 51—53.

Данный текст был представлен на симпозиуме по проблемам субъекта. Кляйн рассматривает вклад влечений Оно в формирование первичных функций Я, в частности, ранних защит. Она показывает, что фантазийная жизнь, являясь психическим следствием деятельности влечений, обеспечивает развитие Я в раннем возрасте, касаясь функций интеграции и интеллекта.

Перевод с английского И.П. Плеховой.

На русском языке публикуется впервые.

В работе «Конечный и бесконечный анализ»¹, содержащей самые последние выводы, касающиеся Эго, Фрейд предполагал «...существование и важность исходных, врожденных различий Я»². Я много лет придерживалась взгляда, который выразила в книге «Психоанализ детей»³, что Эго функционирует с самого начала и что одной из его первых деятельности является защита от тревоги и использование процессов интроекции и проекции. В той же книге я предположила, что начальная способность Эго выносить тревогу зависит от его врожденной силы, т. е. от конституциональных факторов. Я также неоднократно выражала мнение, что Эго устанавливает объектные отношения из первых контактов с внешним миром. Недавно я определила влечение к интеграции как еще одну первичную функцию Эго⁴.

Далее я рассмотрю роль, которую инстинкты — и в особенности борьба между инстинктами жизни и смерти — играют в данных функциях Эго. Неотъемлемым для концепции Фрейда об инстинктах жизни и смерти является то, что Ид как хранилище инстинктов действует *ab initio*⁵. Я полностью согласна с этой концепцией. Тем не менее, в отличие от Фрейда я выдвинула гипотезу о том, что первичная причина тревоги — страх уничтожения, страх смерти, возникающий из работы инстинкта смерти внутри. Борьба инстинктов жизни и смерти исходит из Ид и вовлекает Эго. Примордиальный страх быть уничтоженным приводит Эго в действие и порождает первые защиты. Конечный источник этой деятельности Эго — действие инстинкта жизни. Побуждение Эго

¹ [Freud, S. Die endliche und die unendliche Analyse (1937c). // G. W. — Bd. XVI. — S. 59—99.]

² Ibid. S. 86.

³ [(1932б). Наст. изд. Т. III.]

⁴ «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946а). Наст. том. С. 69—101].

⁵ [Ab initio (лат.) — изначально.]

к интеграции и организации явно свидетельствует о его происхождении из инстинкта жизни; как писал Фрейд: «...основное намерение Эроса — объединять и связывать...»¹. В противоположность влечению к интеграции и в то же время чередуясь с ним, существуют процессы расщепления, которые наряду с интроекцией и проекцией представляют наиболее фундаментальные ранние механизмы. Все это, под влиянием инстинкта жизни, с самого начала призвано служить защите.

Здесь же необходимо рассмотреть еще один огромный вклад инстинктивных влечений в первичные функции Эго. Он соответствует моей концепции раннего младенчества о том, что фантазийная деятельность, коренящаяся в инстинктах, является, по выражению Сьюзен Айзакс, их психическим следствием. Полагаю, фантазии действуют с самого начала, как и инстинкты, и являются психическим выражением деятельности как инстинкта жизни, так и инстинкта смерти. Фантазийная деятельность лежит в основе механизмов интроекции и проекции, которые позволяют Эго выполнять одну из вышеупомянутых базовых функций, а именно устанавливать объектные отношения. Путем проекции, путем обращения либido и агрессии вовне и наполнения ими объекта, возникают первые объектные отношения младенца. Именно этот процесс, на мой взгляд, лежит в основе катексиса объектов. Благодаря процессу интроекции, этот первый объект одновременно вбирается в Я. С самого начала отношения к внешним и внутренним объектам взаимодействуют между собой. Первый из этих «интернализированных объектов», как я их называю, это частичный объект, материнская грудь; по моему опыту, это применимо даже к случаям, когда ребенка вскармливают из бутылочки, однако я уйду слишком далеко, если буду обсуждать здесь процессы, с помощью которых происходит такое символическое приравнивание. Как интернализированный объект грудь, к которой вскоре добавляются другие черты матери, существенно влияет на развитие Эго. По мере развития отношения к целостному объекту мать, отец и другие члены семьи интровертируются как личности в плохих или хороших аспектах в соответствии с опытом младенца, а также в соответствии с его чередующимися

¹ Freud, S. Das Ich und das Es (1923b). // G. W. — Bd. XIII. — S. 274.

чувствами и фантазиями. Таким образом, внутри выстраивается мир хороших и плохих объектов, и он представляет собой источник внутреннего преследования, равно как и внутреннего богатства и стабильности. На протяжении первых 3–4 месяцев персекуторная тревога доминирует и оказывает давление на Эго, которое подвергает серьезной проверке свою способность выносить тревогу. Временами эта персекуторная тревога ослабляет Эго, временами же она действует стимулом к развитию интеграции и интеллекта. Во второй четверти первого года потребность младенца сохранять любимый внутренний объект, который, как считается, подвергается опасности со стороны его агрессивных импульсов, и возникающие в результате депрессивная тревога и вина вновь оказываются на Эго двойное влияние: они могут угрожать ему сокрушением, равно как и побуждать его к репарации и сублимациям. Этими разными способами, которые здесь я могу только обозначить, Эго одновременно и атакуется внутренними объектами и обогащается за счет своего отношения к ним¹.

Специфическая система фантазий, сосредоточивающихся на внутреннем мире младенца, имеет огромное значение для развития Эго. В соответствии со своими эмоциями и опытом младенец считает, что интернализированные объекты живут собственной жизнью, в гармонии или конфликтах друг с другом и с Эго. Когда ребенок чувствует, что он содержит хорошие объекты, он переживает доверие, уверенность и безопасность. Когда он чувствует, что содержит плохие объекты, он переживает преследование и подозрение. Плохое и хорошее отношение младенца к внутренним объектам развивается одновременно с отношением к внешним объектам и постоянно влияет на него. С другой стороны, отношение к внутренним объектам с самого начала находится под влиянием фruстраций и удовольствий, составляющих часть повседневной жизни младенца. Таким образом, существует постоянное взаимодействие между миром внутренних объектов, фантазийным образом отражающего полученные извне впечатления, и внешним миром, на который, без сомнения, влияет проекция.

¹ Самые современные описания этих ранних процессов содержатся в моих работах.

Как я часто писала, интернализированные объекты также формируют ядро Супер-Эго¹, которое развивается на протяжении первых лет детства, достигая кульминации на стадии, когда — согласно классической теории — Супер-Эго возникает как наследник эдипова комплекса.

Поскольку развитие Эго и Супер-Эго связано с процессами интроверсии и проекции, они неразрывно связаны с самого начала, и поскольку их развитие находится под существенным влиянием со стороны инстинктивных влечений, все три области психики с самого начала жизни находятся в теснейшем взаимодействии. Я понимаю, что, говоря здесь о трех областях психики, я отхожу от темы, предложенной для обсуждения; однако моя концепция раннего младенчества делает для меня невозможным рассмотрение взаимного влияния исключительно Эго и Ид.

Так как постоянное взаимодействие инстинктов жизни и смерти и конфликт, возникающий из их противопоставления (слияние и разъединение), управляют психической жизнью, в бессознательном присутствует все время меняющийся поток взаимодействующих событий, флюктуирующих эмоций и тревог. Я попыталась указать на множество процессов, фокусирующихся на отношениях внутренних и внешних объектов, существующих в бессознательном, начиная с самой ранней стадии, а теперь я подведу некоторые итоги.

1) Гипотеза, в общих чертах обрисованная здесь, представляет собой более широкий взгляд на ранние бессознательные процессы по сравнению с тем, что подразумевалось в концепции Фрейда о структуре психики.

2) Если мы допускаем, что Супер-Эго развивается из тех же ранних бессознательных процессов, что формируют Эго, детерминируют его функции и оформляют его отношение к внешнему миру,

---

¹ Возникает вопрос: насколько и при каких условиях интернализированный объект формирует часть Эго и насколько Супер-Эго? Этот вопрос, думаю, поднимает проблемы, которые все еще неясны и ждут дальнейших разъяснений. Паула Хайманн^[a] высказала некоторые предположения в этом направлении.

^[a] [Heimann, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psychoanalysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 321—337.]

необходимо будет пересмотреть основания развития Эго, а также формирования Супер-Эго.

3) Таким образом, моя гипотеза ведет к переоценке природы и границы Супер-Эго и Эго, а также к переоценке взаимоотношения между частями психики, составляющими Я.

В заключение еще раз повторю хорошо известный факт — факт, в котором мы, однако, убеждаемся тем больше, чем глубже проникаем в психику. Это признание того, что бессознательное находится в основании всех психических процессов, в целом детерминирует всю психическую жизнь, и поэтому только через глубинное и обширное изучение бессознательного мы можем проанализировать всю личность.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ МЛАДЕНЦА¹

(1952e)

---

¹ При подготовке моих работ к публикации в данном издании^[a] мой друг, Лола Брук, оказала мне неоценимую помощь, внимательно ознакомившись с рукописью и внеся ряд полезных предложений, как в отношении формулировок, так и в отношении организации материала. Я весьма признательна ей за неослабевающий интерес к моей работе.

[a] [Имеется в виду книга «Развития в психоанализе» — см. примечание к работе «О теории тревоги и вины» (1948a). Наст. том. С. 103—127.]

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: Some theoretical conclusions regarding the emotional live of the infant. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in Psycho-Analysis. — London: Hogarth Press, 1952. — P. 198—236.

Издания на немецком языке:

1960: Über das Seelenleben des Kleinkindes. Einige theoretische Betrachtungen. // Psyche. — 1960. — Bd. 14. — S. 284—316.

1962: Idem. // Klein, M. Das Seelenleben des Kleinkindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. — Stuttgart: Ernst Klett, 1962. — S. 146—176.

Издание на русском языке:

2001: Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца. // Кляйн, М., Айзекс, С., Райвери, Дж., Хайманн, П. Развитие в психоанализе / Пер. с англ. — М.: Академический проект, 2001. — С. 287—341.

Настоящая статья представляет наиболее полное исследование развития в период с рождения до латентного возраста в свете этой новой теории. Среди вопросов, представляющих наибольший интерес в данной статье, — разворачивающееся в двух направлениях описание расщепления. Во-первых, она проясняет связь расщепления и вытеснения, а во-вторых, описывает конкретную форму, в которой расщепление проявляется в депрессивной позиции. В этой работе также имеется первое ясное описание концепта отдельных внутренних родителей, счастливо связанных друг с другом, рассматриваемого как удовлетворительное развитие примитивной фигуры комбинированных враждебных родителей. Наконец, в данной работе Кляйн опровергает высказанное ею ранее предположение о том, что фаза максимального садизма имеет место в середине первого года жизни ребенка. Здесь она представляет пересмотренную хронологию инфантильной агрессии.

Перевод с английского А.Н. Нязовой.

Изучение психики младенца заставило меня полнее осознать запутывающую сложность процессов, действующих, по большей части одновременно, на ранних стадиях развития. Поэтому при написании данной работы я сделала попытку разъяснить лишь некоторые аспекты эмоциональной жизни младенца на первом году жизни и, выбирая их, уделила особое внимание тревогам, защитам и объектным отношениям.

ПЕРВЫЕ 3—4 МЕСЯЦА ЖИЗНИ (ПАРАНОИДНО-ШИЗОИДНАЯ ПОЗИЦИЯ)¹

I

В начале постнатальной жизни младенец испытывает тревогу из внутренних и внешних источников. На протяжении многих лет я придерживалась мнения, что работа инстинкта смерти внутри дает начало страху уничтожения, и что это — первичная причина персекutorialной тревоги. Первый внешний источник тревоги можно обнаружить в опыте рождения. Этот опыт, обеспечивающий, по Фрейду, паттерн всех дальнейших ситуаций тревоги, неминуемо влияет на первые отношения младенца с внешним миром². Выясняется, что боль и дискомфорт, которые он испытал, равно как и утрата внутри-

¹ В работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946а). Наст. том. С. 69—101], в которой данная тема рассматривается более подробно, я упоминаю о том, что позаимствовала термин Фэрбэрна «шизоидный» в дополнение к собственному термину «параноидная позиция».

² В работе «Торможение, симптом и страх»^[a] Фрейд утверждает, что «Внутри-утробная жизнь и первое детство составляют континuum в гораздо большей степени, чем нам позволяет думать очевидная сущность акта рождения».

^[a] Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 169.

утробного состояния, переживаются им как атака враждебных сил, т. е. как преследование¹. Таким образом, поскольку он подвержен лишениям, персекоторная тревога с самого начала входит в отношение к объектам.

Гипотеза о том, что первый опыт кормления и присутствия матери инициирует объектное отношение к ней, — одна из базовых концепций, выдвигаемых в данной книге². Это отношение — первоначально отношение к частичному объекту, поскольку и орально-либидинозные и орально-деструктивные импульсы с самого начала жизни в первую очередь направлены на грудь матери. Мы предполагаем, что всегда есть взаимодействие, хотя и в разных пропорциях, между либидинозными и агрессивными импульсами в соответствии со слиянием инстинктов жизни и смерти. Можно представить, что в периоды свободы от голода и напряжения существует оптимальный баланс между либидинозными и агрессивными импульсами. Это равновесие нарушается всякий раз, когда из-за лишений, идущих из внутренних или внешних источников, усиливаются агрессивные импульсы. Предполагаю, подобное изменение в балансе либидо и агрессии вызывает эмоцию, называемую жадностью, в первую очередь орального характера. Любое возрастание жадности усиливает переживания фрустрации и, в свою очередь, агрессивные импульсы. У детей, у которых силен врожденный агрессивный компонент, легко возникают персекоторная тревога, фрустрация и жадность, вследствие чего младенец с трудом переносит лишение и справляется с тревогой. Соответственно, сила деструктивных импульсов в их взаимодействии с либидинозными

¹ Я предположила, что борьба между инстинктами жизни и смерти уже входит в болезненный опыт рождения и вносит свою лепту в вызванную им персекоторную тревогу. Ср. «О теории тревоги и вины» [(1948a). Наст. том. С. 103—127].

² [Здесь Мелани Кляйн ссылается на работы Айзакс^[a], Хайманн^[b] и собственную статью «О наблюдении за поведением младенцев» [(1952f). Наст. том. С. 231—267], опубликованные в книге «Развития в психоанализе».]

^[a] Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — Р. 67—121.

^[b] Heimann, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — Р. 321—337.

импульсами должна была бы обеспечивать конституциональную основу интенсивности жадности. Тем не менее, тогда как в одних случаях персекуторная тревога может увеличивать жадность, в других (как я предположила в «Психоанализе детей»¹) она может стать причиной самых ранних торможений в кормлении.

Повторяющиеся переживания удовлетворения и фruстрации являются мощным стимулом для либидинозных и деструктивных импульсов, любви и ненависти. В результате грудь, поскольку она удовлетворяющая, любима и считается «хорошой»; а поскольку она источник фрустрации, ненавидима и считается «плохой». Это сильное противопоставление хорошей и плохой груди в основном обусловлено недостатком интеграции Эго, а также процессами расщепления внутри него и по отношению к объекту. Однако есть основания предполагать, что даже в первые 3–4 месяца жизни хороший и плохой объекты не полностью отделены друг от друга в психике младенца. Представляется, что для него грудь матери и в хороших, и в плохих аспектах сливается с ее телесным присутствием; и, таким образом, отношение к ней как к личности выстраивается, начиная с самой ранней стадии.

В дополнение к переживаниям удовлетворения и фruстрации, исходящим из внешних источников, целый ряд эндопсихических процессов — прежде всего интроекция и проекция — способствуют двойственному отношению к первому объекту. Младенец проецирует любовные импульсы и приписывает их удовлетворяющей (хорошой) груди точно так же, как он проецирует деструктивные импульсы вовне и приписывает их фрустрирующей (плохой) груди. Одновременно, путем интроекции, хорошая и плохая грудь устанавливаются внутри². Таким образом, представление об объекте, внешнем и интернализированном, искажается в психике младенца

¹ [(1932b). Наст. изд. Т. III.]

² Эти первые интровертированные объекты формируют ядро Супер-Эго. На мой взгляд, Супер-Эго появляется с самыми ранними процессами интроекции и выстраивается из хороших и плохих фигур, интернализированных в любви и ненависти на различных стадиях развития и постепенно ассимилируемых и интегрируемых Эго. Ср. Хайманн^[a].

[a] Heimann, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psychoanalysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 321—337.

его фантазиями, связанными с проекцией импульсов на объект. Хорошая грудь — внешняя и внутренняя — становится прототипом всех помогающих и удовлетворяющих объектов, плохая грудь — прототипом всех внешних и внутренних преследующих объектов. Различные факторы, составляющие переживания удовлетворения младенца, такие как насыщение, удовольствие от сосания, свобода от дискомфорта и напряжения, т. е. от лишений, и чувство, что его любят, — все они приписываются хорошей груди. И наоборот, каждая фрустрация и дискомфорт приписываются плохой (преследующей) груди.

Сначала я опишу вариации отношения младенца к плохой груди. Если мы рассмотрим картину, существующую в психике младенца — поскольку ее можно увидеть ретроспективно в анализе детей и взрослых, — мы обнаружим, что ненавидимая грудь приобрела орально-деструктивные качества собственных импульсов младенца, когда он находился в состоянии фрустрации и ненависти. В своих деструктивных фантазиях он кусает и разрывает грудь, пожирает ее, уничтожает; и он считает, что грудь будет атаковать его таким же образом. По мере того как уретрально- и анально-садистические импульсы набирают силу, младенец в своей психике атакует грудь отправленной мочой и взрывающимися фекалиями и потому ожидает, что она будет ядовита и взорвется в ответ. Детали садистических фантазий определяют содержание его страха внутренних и внешних преследователей, прежде всего мстящей (плохой) груди¹.

Поскольку на фантазийные атаки на объект во многом влияет жадность, страх жадности объекта, вследствие проекции, является существенным элементом персекуторной тревоги: плохая грудь сожрет его так же жадно, как он хотел сожрать ее.

Тем не менее, даже на самой ранней стадии персекуторная тревога в определенной степени нейтрализуется отношением младенца к хорошей груди. Выше я указала на то, что хотя его переживания фокусируются на отношениях кормления с матерью, репре-

---

¹ Тревога относительно атак интернализированных объектов — прежде всего частичных объектов — по моему мнению, является основой ипохондрии. Я выдвинула эту гипотезу в книге «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], р. 144, 264, 273, где также изложила свою точку зрения о том, что ранние инфантильные тревоги по своей природе психотичны и составляют основу позднейших психозов.

зентрируемой ее грудью, другие аспекты матери уже входят в самое раннее отношение к ней; поскольку даже самый маленький ребенок реагирует на улыбку матери, ее прикосновения, голос, объятия и внимание к своим потребностям. Удовлетворение и любовь, которые младенец испытывает в этих ситуациях, помогаютнейтрализовать персекуторную тревогу, даже переживания потери и преследования, вызванные опытом рождения. Физическая близость с матерью во время кормления — по сути, отношение к хорошей груди — постоянно помогает ему преодолевать тоску по былому утраченному состоянию, смягчает персекуторную тревогу и увеличивает доверие к хорошему объекту. (См. прим. 1, с. 225.)

II

Эмоции самого маленького ребенка характеризуются экстремальной и могущественной природой. Фruстрирующий (плохой) объект считается ужасающим преследователем, хорошая грудь имеет тенденцию превращаться в «идеальную», которая должна исполнять жадное желание безграничного, немедленного и вечного удовлетворения. Таким образом, возникают переживания о совершенной и неисчерпаемой груди, всегда доступной, всегда удовлетворяющей. Другим фактором, определяющим идеализацию хорошей груди, является сила страха преследования у младенца, что создает потребность быть защищенным от преследователей и поэтому ведет к увеличению моци всеудовлетворяющего объекта. Идеализированная грудь формирует результат преследующей груди; и поскольку идеализация исходит из потребности быть защищенным от преследующих объектов, она является методом защиты от тревоги.

Пример галлюцинаторного удовлетворения может помочь нам понять, как происходит процесс идеализации. В этом состоянии фрустрация и тревога, возникшие из различных источников, отменяются, потерянная внешняя грудь возвращается, и вновь активизируется переживание наличия идеальной груди внутри (обладания ею). Мы также можем предположить, что младенец галлюцинирует вожделенное пренатальное состояние. Поскольку галлюцинаторная грудь неисчерпаема, жадность удовлетворяется моментально. (Однако рано или

поздно чувство голода возвращает ребенка назад к внешнему миру, и тогда вновь испытывается фрустрация вместе со всеми вызываемыми ею эмоциями.) В галлюцинациях исполнения желания вступает в игру ряд фундаментальных механизмов и защит. Одним из них является всемогущий контроль над внутренним и внешним объектом, поскольку Это предполагает полное обладание как внешней, так и внутренней грудью. Более того, в галлюцинации преследующая грудь содержится далеко от идеальной груди, а переживание фрустрированности — от переживания удовлетворенности. Представляется, что такой раскол, равнозначный расщеплению объекта и переживаний по отношению к нему, связан с процессом отрицания. Отрицание в своей самой крайней форме — как мы обнаруживаем это в галлюцинаторном удовлетворении — равнозначно уничтожению любого фрустрирующего объекта или ситуации и, таким образом, связано с сильным переживанием всемогущества, достигаемым на ранних стадиях жизни. Ситуация фрустрированности, вызвавший ее объект, вызванные фрустрацией плохие переживания (равно как и отщепленные части Это) считаются переставшими существовать, уничтоженными, таким способом достигаются удовлетворение и облегчение от персекуторной тревоги. Уничтожение преследующего объекта и преследующей ситуации связано с всемогущим контролем над объектом в самой крайней форме. Я бы предположила, что в какой-то мере эти процессы действуют и при идеализации.

Может оказаться, что раннее Это также прибегает к механизму уничтожения одного отщепленного аспекта объекта и ситуации в состояниях, отличных от галлюцинаций исполнения желания. К примеру, представляется, что в галлюцинациях преследования пугающий аспект объекта и ситуации превалирует до такой степени, что хороший аспект считается полностью разрушенным — процесс, который я не могу здесь обсудить. Кажется, степень, в которой Это содержит два аспекта отдельно, значительно варьируется в различных состояниях, и от этого может зависеть, будет или нет отрицаемый аспект считаться переставшим существовать полностью.

Персекуторная тревога существенно влияет на эти процессы. Мы можем предположить, что когда персекуторная тревога не такая сильная, расщепление не заходит слишком далеко, и поэтому Это способно интегрировать себя и в какой-то мере синтезировать

переживания по отношению к объекту. Может быть и так, что любой подобный шаг в интеграции может быть сделан, только если в данный момент любовь по отношению к объекту доминирует над деструктивными импульсами (в конечном счете, инстинкт жизни над инстинктом смерти). Поэтому полагаю, тенденцию Эго интегрировать себя можно считать выражением инстинкта жизни.

Синтез переживаний любви и деструктивных импульсов по отношению к одному и тому же объекту — груди — дает начало депрессивной тревоге, вине и побуждению совершить репарацию поврежденному любимому объекту, хорошей груди. Это означает, что временами переживается амбивалентность по отношению к частичному объекту — материнской груди¹. В первые несколько месяцев жизни подобные состояния интеграции недолговечны. На этой стадии способность Эго достигать интеграции, естественно, все еще очень ограничена, и этому способствует сила персекуторной тревоги и процессов расщепления, находящихся на самом пике. Представляется, что по мере развития переживания синтеза и, как следствие, депрессивной тревоги учащаются и делятся дольше; все это составляет часть развития интеграции. С прогрессом интеграции и синтеза противоречивых эмоций по отношению к объекту становится возможным смягчение деструктивных импульсов либидо². Тем не менее, это ведет к фактическому уменьшению тревоги, что является важнейшим условием нормального развития.

Как я предполагала, существуют огромные вариации в силе, частоте и продолжительности процессов расщепления (не только между индивидами, но и у одного и того же младенца в разное время). Одной из сложностей ранней эмоциональной жизни является то, что множество процессов сменяет друг друга с невероятной быстротой или, как оказывается, происходит одновременно. К примеру, выяс-

¹ В своей работе «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний» [(1935а). Наст. изд. Т. II. С. 139—177] я предположила, что амбивалентность впервые переживается по отношению к целостному объекту во время депрессивной позиции. В соответствии с изменением моего взгляда относительно начала депрессивной тревоги (ср. «О теории тревоги и вины» [(1948а). Наст. том. С. 103—127]) теперь я считаю, что амбивалентность также переживается и по отношению к частичным объектам.

² Эту форму взаимодействия либидо и агрессии можно соотнести с определенным состоянием слияния двух инстинктов.

няется, что наряду с расщеплением груди на два аспекта, любимую и ненавидимую (хорошую и плохую), существует расщепление иной природы, дающее начало переживанию, что Эго, равно как и его объект, распалось на кусочки; эти процессы лежат в основе состояний дезинтеграции¹. Подобные состояния, как я указала выше, чередуются с другими состояниями, в которых все чаще происходит определенная интеграция Эго и синтез объекта.

Ранние методы расщепления существенно влияют на то, как на несколько более поздней стадии происходит вытеснение, что, в свою очередь, определяет степень взаимодействия сознательного и бессознательного. Другими словами, степень, до которой различные части психики остаются «пористыми» по отношению друг к другу, во многом детерминирована силой или слабостью ранних шизоидных механизмов². Внешние факторы с самого начала играют жизненно важную роль; поскольку у нас есть основание предполагать, что каждый стимул к страху преследования усиливает шизоидные механизмы, т. е. тенденцию Эго расщеплять себя и объект; тогда как каждый положительный опыт укрепляет доверие к хорошему объекту и способствует интеграции Эго и синтезу объекта.

III

Некоторые выводы Фрейда подразумевают, что Эго развивается путем интроекции объектов. Что касается самой ранней фазы, хорошая грудь, интроектированная в ситуациях удовлетворения и счастья, становится, на мой взгляд, жизненно важной частью Эго и укрепляет его способность к интеграции. Это проис-

¹ Ср. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946а). Наст. том. С. 69–101].

² Я обнаружила, что у пациентов шизоидного типа сила инфантильных шизоидных механизмов, в конечном счете, объясняет трудность доступа к бессознательному. У таких пациентов прогресс к синтезу затрудняется тем, что под давлением тревоги они вновь и вновь становятся неспособными поддерживать укрепленные в ходе анализа связи между различными частями Я. У пациентов депрессивного типа разделение бессознательного и сознательного менее очевидно, и поэтому такие пациенты гораздо способнее к инсайту. На мой взгляд, они успешнее преодолели шизоидные механизмы в раннем младенчестве.

ходит потому, что эта внутренняя хорошая грудь — также формирующая помогающий и благотворный аспект раннего Супер-Эго — укрепляет способность младенца любить и доверять своим объектам, усиливает стимул для интроекции хороших объектов и ситуаций и потому является необходимым источником заверения от тревоги; она становится внутренним репрезентантом инстинкта жизни. Тем не менее, хороший объект может выполнять эти функции, только если считается, что он находится в неповрежденном состоянии, подразумевающим, что он был интернализирован преимущественно с переживаниями удовлетворения и любви. Такие переживания предполагают, что удовлетворение от сосания было относительно не нарушенным внешними или внутренними факторами. Основной источник внутреннего нарушения лежит в чрезмерных агрессивных импульсах, увеличивающих жадность и снижающих способность переносить фрустрацию. Другими словами, когда при слиянии двух инстинктов инстинкт жизни преобладает над инстинктом смерти — и, соответственно, либидо над агрессией, — хорошая грудь может быть установлена в психике младенца более надежно.

Тем не менее, орально-садистические желания младенца, активные с самого начала жизни и легко пробуждаемые фрустрацией из внешних и внутренних источников, неизбежно вновь и вновь вызывают чувство, что грудь внутри него разрушена и распалась на кусочки в результате жадных пожирающих атак на нее. Эти два аспекта интроекции существуют бок о бок.

Несомненно, на то, преобладают ли в отношении младенца к груди переживания фрустрации или удовлетворения, во многом влияют внешние обстоятельства, но мало сомнений в том, что нужно учитывать конституциональные факторы, с самого начала оказывающие влияние на силу Эго. Прежде я предполагала, что способность Эго переносить напряжение и тревогу, а потому в какой-то мере переносить фрустрацию, является конституциональным фактором¹. Представляется, что эта великая врожденная способность переносить тревогу, в конечном счете, зависит от преобладания либидо над агрессивными импульсами, т. е. от той роли, которую инстинкт жизни с самого начала играет при слиянии двух инстинктов.

¹ Ср. «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], гл. III, р. 49 прим.

Моя гипотеза о том, что оральное либидо, выраженное в сосательной функции, дает младенцу возможность интровертировать грудь (и сосок) как относительно не разрушенный объект, не противоречит предположению, что деструктивные импульсы — наиболее могущественные на самых ранних стадиях. Факторы, влияющие на слияние и разъединение двух инстинктов, все еще неясны, но нет причин сомневаться, что по отношению к первому объекту — груди — Это временами способно с помощью расщепления держать либидо отдельно от агрессии¹.

Теперь я обращаюсь к роли, которую в превратностях персекуторной тревоги играет проекция. Я уже описывала², как орально-садистические импульсы сожрать и высосать грудь матери разрабатываются в фантазиях о пожирании и вычерпывании ее тела. Атаки, идущие из всех других источников садизма, вскоре связываются с этими оральными атаками, и развиваются две основные линии садистических фантазий. Первая форма — в основном орально-садистическая и связанная с жадностью — опустошить тело матери, взяв из него все хорошее и желанное. Вторая форма фантазийной атаки — преимущественно анальная — наполнить ее тело плохими веществами и частями Я, отщепленными и спроецированными в нее. Они, в основном, репрезентированы экскрементами, которые становятся средством повреждения, разрушения или контроля над атакуемым объектом. Или же все Я целиком — считающееся «плохим» Я — входит в материнское тело и берет над ним контроль. В этих различных фантазиях Это путем проекции вступает во владение внешним объектом — прежде всего матерью — и превращает его в продолжение Я. Объект в какой-то степени становится репрезентантом Это, и эти процессы, на мой взгляд, являются

¹ В моем доводе (представленном здесь и в ранних работах) подразумевается, что я не согласна с концепцией Абрахама о предамбивалентной стадии, поскольку это означает, что деструктивные (орально-садистические) импульсы впервые возникают с прорезыванием зубов. Хотя мы должны помнить, что Абрахам также указал на присущий «вампироподобному» сосанию садизм. Несомненно, прорезывание зубов и физиологические процессы, затрагивающие десны, являются сильным стимулом для каннибалистических импульсов и фантазий; однако агрессия формирует часть самого раннего отношения младенца к груди, хотя на этой стадии она обычно не выражается в кусании.

² Ср. «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], р. 128.

основой для идентификации посредством проекции или для «проективной идентификации»¹. Идентификация посредством интроекции и идентификация посредством проекции оказываются взаимодополняющими процессами. Представляется, что процессы, лежащие в основе проективной идентификации, действуют уже в самом раннем отношении к груди. «Вампироподобное» сосание, высасывание груди, в фантазии младенца развивается в прокладывание пути в грудь, а затем и в тело матери. Соответственно, проективная идентификация может начаться одновременно с жадной орально-садистической интроекцией груди. Эта гипотеза близка точке зрения, часто высказываемой автором, что интроекция и проекция взаимодействуют друг с другом с начала жизни. Интроекция преследующего объекта, как мы видели, в некоторой степени детерминируется проекцией деструктивных импульсов на объект. Влече́ние проецировать (изгонять) плохость увеличивается страхом внутренних преследователей. Когда над проекцией господствует страх преследования, объект, в который была спроецирована плохость (плохое Я), становится преследователем *par excellence*², потому что его наделили всеми плохими качествами субъекта. Реинтроекция этого объекта резко усиливает страх внутренних и внешних преследователей. (Инстинкт смерти или, скорее, связанные с ним опасности вновь были направлены вовнутрь.) Таким образом, существует постоянное взаимодействие между страхом преследования, касающимся внутреннего и внешнего миров, взаимодействие, при котором жизненно важную роль играют процессы, вовлеченные в проективную идентификацию.

Проекция переживаний любви — лежащая в основе процесса привязывания либидо к объекту — является, по моему предположению, предпосылкой для обнаружения хорошего объекта. Интроекция хорошего объекта стимулирует проекцию хороших переживаний вовне, что, в свою очередь, с помощью реинтроекции укрепляет переживание обладания хорошим внутренним объектом. Проекции плохого Я в объект и внешний мир соответствует проекция хороших частей Я или всего хорошего Я в целом. Реинтроекция хорошего объекта и хорошего Я ослабляет персекуторную тревогу.

¹ «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946а). Наст. том. С. 69—101].

² [Par excellence (лат.) — соответственно.]

Таким образом, отношение и к внутреннему, и к внешнему миру улучшается одновременно, а Эго набирается силы и интеграции.

Прогресс в интеграции, который, как я предполагала в предыдущем параграфе, зависит от импульсов любви, временно преобладающих над деструктивными импульсами, ведет к преходящим состояниям, в которых Эго синтезирует переживания любви и деструктивные импульсы по отношению к одному объекту (сначала к груди матери). Этот процесс синтеза инициирует дальнейшие важные шаги в развитии (которые вполне могут происходить одновременно): возникают болезненные эмоции депрессивной тревоги и вины; агрессия смягчается либидо; в результате, персекуторная тревога снижается; тревога, касающаяся судьбы подверженного опасности внешнего и внутреннего объекта, ведет к более сильной идентификации с ним; поэтому Эго прилагает усилия к совершению репарации, а также тормозит агрессивные импульсы, считающиеся опасными для любимого объекта¹.

С растущей интеграцией Эго переживания депрессивной тревоги увеличиваются в частоте и продолжительности. Одновременно с этим, по мере возрастания диапазона восприятия, в психике младенца из отношения к частям материнского тела и различным аспектам ее личности (таким как запах, прикосновение, голос, улыбка, звук шагов и т. д.) развивается концепт матери как целостной и уникальной личности. Депрессивная тревога и вина постепенно фокусируются на матери как на личности, и их интенсивность возрастает; на передний план выходит депрессивная позиция.

¹ Абрахам^[a] ссылается на инстинктивное торможение, впервые возникающее «...на стадии нарциссизма с каннибалистической сексуальной целью». Поскольку торможение агрессивных импульсов и жадности имеет тенденцию вовлекать и либидинозные желания, депрессивная тревога становится причиной тех трудностей в принятии пищи, которые имеют место у младенцев в возрасте нескольких месяцев и которые усиливаются в период отлучения от груди. Что касается самых ранних трудностей кормления, возникающих у некоторых младенцев с первых дней жизни, они, на мой взгляд, вызваны персекуторной тревогой. (Ср. «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III], р. 156—157.)

^[a] Abraham, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien. — Frankfurt am Main, 1969. — Bd. I. — S. 113—183.

IV

На данный момент я описала некоторые аспекты психической жизни в первые 3–4 месяца. (Хотя следует помнить, что можно дать лишь приблизительную оценку продолжительности стадий развития, т. к. существуют огромные индивидуальные различия.) Обрисовывая эту стадию, я отметила некоторые черты как характерные. Доминирующей является параноидно-шизоидная позиция. Взаимодействие процессов интроекции и проекции — реинтроекции и репроекции — детерминирует развитие Эго. Отношение к любимой и ненавидимой — хорошей и плохой — груди является первым объектным отношением младенца. Деструктивные импульсы и персекуторная тревога находятся на пике. Желание безграничного удовлетворения, а также персекуторная тревога способствуют переживанию младенца, что существует как идеальная, так и опасная пожирающая грудь, которые в психике младенца содержатся отдельно друг от друга. Эти два аспекта материнской груди интровертируются и формируют ядро Супер-Эго. Расщепление, всемогущество, идеализация, отрицание и контроль над внутренними и внешними объектами доминируют на этой стадии. Эти первые методы защиты носят экстремальный характер, соответствуя интенсивности ранних эмоций и ограниченной способности Эго переносить острую тревогу. Несмотря на то, что в некотором отношении эти защиты лежат на пути интеграции, они существенны для всего развития Эго в целом, поскольку вновь и вновь ослабляют тревоги младенца. Эта относительная и времененная безопасность достигается преимущественно тем, что преследующий объект содержится отдельно от хорошего. Присутствие в психике хорошего (идеального) объекта дает Эго возможность иногда поддерживать сильные переживания любви и удовлетворения. Хороший объект также предоставляет защиту от преследующего объекта, потому что считается, что он смещает его (как это было показано в примере с галлюцинацией исполнения желания). Полагаю, эти процессы лежат в основе наблюдаемого факта, что у младенцев состояния полного удовлетворения и сильного стресса сменяют друг друга очень быстро. На этой ранней стадии способность Эго справляться с тревогой, позволяя соединиться противоречивым эмоциям по отношению к матери, а соответственно к двум ее аспектам, все еще очень ограничена.

ченна. Это означает, что смягчение страха плохого объекта доверием хорошему и депрессивная тревога возникают лишь в мимолетных переживаниях. Из чередующихся процессов дезинтеграции и интеграции постепенно развивается более интегрированное Эго с возросшей способностью справляться с персекуторной тревогой. Отношение младенца к частям материнского тела, фокусирующееся на ее груди, постепенно изменяется в отношении к ней как к личности.

Эти процессы, имеющие место в самом раннем младенчестве, можно рассмотреть под несколькими заголовками.

А) Эго, имеющее некоторыеrudименты интеграции и сцепления и все больше прогрессирующее в этом направлении. С начала постнатальной жизни Эго также выполняет некоторые фундаментальные функции; так, оно использует процессы расщепления и торможения инстинктивных желаний в качестве некоторой защиты от персекуторной тревоги, которую испытывает, начиная с рождения.

Б) Объектные отношения, формируемые либидо и агрессией, любовью и ненавистью и пропитываемые, с одной стороны, персекуторной тревогой, а с другой — ее последствием, всемогущим заверением, исходящим от идеализации объекта.

В) Интроекция и проекция, связанные с фантазийной жизнью младенца и всеми его эмоциями, а впоследствии интернализированные объекты, хорошие и плохие по своей природе, дают начало развитию Супер-Эго.

По мере возрастающей способности Эго выдерживать тревогу меняются и методы защиты. Этому способствует растущее чувство реальности и расширяющийся диапазон удовольствия, интересов и объектных отношений. Мощь деструктивных импульсов и персекуторной тревоги снижается; депрессивная тревога набирает силу и достигает кульминации в период, который я опишу в следующем разделе.

ИНФАНТИЛЬНАЯ ДЕПРЕССИВНАЯ ПОЗИЦИЯ

I

Во второй четверти первого года жизни становятся заметны определенные изменения в интеллектуальном и эмоциональном развитии младенца. Его отношение к внешнему миру, людям и предметам

становится более дифференцированным. Расширяется диапазон его удовольствий и интересов, возрастает способность выражения эмоций и коммуникации с людьми. Эти очевидные изменения являются доказательством постепенного развития Эго. Стабильно развиваются интеграция, сознание, интеллектуальные способности, отношение к внешнему миру и другие функции Эго. В то же время прогрессирует сексуальная организация младенца; усиливаются уретральные, анальные и генитальные тенденции, хотя оральные импульсы и желания по-прежнему доминируют. Таким образом, происходит пересечение различных источников либидо и агрессии, окрашивающее эмоциональную жизнь младенца и привносящее различные новые ситуации тревоги; диапазон фантазий расширяется, они становятся более сложными и дифференцированными. Соответственно, происходят важные изменения в природе защите.

Все это развитие отражается в отношении младенца к матери (а в некоторой степени к отцу и другим людям). Отношение к матери как к личности, постепенно развивавшееся в то время, когда грудь еще фигурировала в качестве главного объекта, устанавливается полнее, и идентификация с ней набирает силу, когда младенец может воспринимать и интровертировать мать как личность (или, другими словами, как «целостный объект»).

Тогда как некоторая степень интеграции является предпосылкой для способности Эго интровертировать мать и отца как целостных личностей, дальнейшее развитие по линии интеграции и синтеза инициируется, когда на передний план выходит депрессивная позиция. Различные аспекты — любимые и ненавидимые, хорошие и плохие — объектов сближаются, и теперь эти объекты являются целостными личностями. Процессы синтеза действуют на целый ряд внешних и внутренних объектных отношений. Они охватывают противоположные аспекты, с одной стороны, интернализированных объектов (раннее Супер-Эго), с другой — внешних объектов; однако Эго также вынуждено уменьшать противоречие между внешним и внутренним миром или, скорее, между внешними и внутренними фигурами. Вместе с этими процессами синтеза предпринимаются дальнейшие шаги в интеграции Эго, в результате чего возникает большая связность отщепленных частей Эго. Все эти процессы интеграции и синтеза являются причиной конфликта между любовью

и ненавистью, разворачивающегося в полную силу. Вытекающая из него депрессивная тревога и переживание вины меняются не только в количестве, но и в качестве. Теперь амбивалентность испытывается, в основном, по отношению к целостному объекту. Любовь и ненависть сблизились сильнее, и «хорошая» и «плохая» грудь, «хорошая» и «плохая» мать, уже не могут содержаться так далеко друг от друга, как на ранней стадии. Хотя сила деструктивных импульсов уменьшается, эти импульсы считаются огромной опасностью для любимого объекта, теперь воспринимающегося как личность. Важную роль на этой стадии играют жадность и защиты от нее, поскольку тревога потерять навсегда любимый незаменимый объект имеет тенденцию увеличивать жадность. Жадность, тем не менее, считается неконтролируемой и деструктивной, подвергающей опасности любимые внешние и внутренние объекты. Поэтому Эго все больше тормозит инстинктивные желания, что может привести к серьезным трудностям в принятии пищи или получении наслаждения от нее¹, а в дальнейшем и к серьезным торможениям в установлении как романтических, так и эротических отношений.

Описанные выше шаги в интеграции и синтезе ведут к большей способности Эго признавать все более мучительную психическую реальность. Тревога, касающаяся интернализированной матери, которая считается поврежденной, страдающей, находящейся в опасности уничтожения или уже уничтоженная и потерявшая навсегда, ведет к более сильной идентификации с поврежденным объектом. Эта идентификация усиливает и влечения совершившиеся репарацию, и попытки Эго затормозить агрессивные импульсы. Эго также вновь и вновь прибегает к маниакальной защите. Как мы уже видели, отрицание, идеализация, расщепление и контроль над внутренними и внешними объектами используются Эго для нейтрализации персекутурной тревоги. Эти всемогущие методы в какой-то мере сохраняются, когда возникает депрессивная позиция, однако

¹ Подобные трудности, которые нередко можно наблюдать у младенцев, особенно при отлучении от груди (т. е. во время перехода от грудного вскармливания к кормлению из бутылочки или при добавлении к кормлению из бутылочки новых видов пищи и т. д.), можно рассматривать как депрессивный симптом, хорошо известный в симптоматологии депрессивных состояний. Этот вопрос подробнее рассматривается в работе «О наблюдении за поведением младенцев» [(1952f). Наст. том. С. 231—267]. См. также сноска на с. 200 выше.

теперь они используются преимущественно для нейтрализации депрессивной тревоги. Они также претерпевают изменения, идя в ногу с интеграцией и синтезом, они, так сказать, становятся менее экстремальными и больше соответствуют растущей способности Эго встречаться лицом к лицу с психической реальностью. С такой измененной формой и целью эти ранние методы теперь конституируют маниакальную защиту.

Столкнувшись с множеством ситуаций тревог, Эго склонно отрицать их, и когда тревога начинает преобладать, Эго даже отрицает тот факт, что оно вообще любит объект. Результатом может быть длительное сдерживание любви, отворачивание от первичных объектов и возрастание персекуторной тревоги, т. е. регрессия к параноидно-шизоидной позиции¹.

Попытки Эго контролировать внешние и внутренние объекты — метод, который во время параноидно-шизоидной позиции в основном направлен против персекуторной тревоги, — также претерпевают изменения. Когда доминирует депрессивная тревога, контроль над объектами и импульсами используется Эго в основном для предотвращения фрустрации, предупреждения агрессии и последующей опасности для любимых объектов — так сказать, чтобы загнать депрессивную тревогу в угол.

Также наблюдается различие в использовании расщепления объекта и Я. Хотя ранние методы расщепления в какой-то степени и продолжаются, Эго теперь разделяет целостный объект на неповрежденный живой объект и поврежденный, подверженный опасности объект (возможно, умирающий или умерший); таким образом, расщепление становится по большей части защитой от депрессивной тревоги.

В то же время происходят важные шаги в развитии Эго, которые не только дают возможность Эго развивать более адекватные защиты

¹ Эта ранняя регрессия может вызвать серьезные нарушения в раннем развитии, например, психическую неполноту («Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946a). Наст. том. С. 69—101]); она может стать основой для какой-нибудь формы шизофренического заболевания. Другим возможным следствием неудачной проработки инфантальной депрессивной позиции является маниакально-депрессивное заболевание; или же может возникнуть тяжелый невроз. Поэтому я придерживаюсь мнения, что инфантальная депрессивная позиция имеет первостепенное значение в развитии на первом году жизни.

от тревоги, но и в итоге ведут к фактическому уменьшению тревоги. Непрерывный опыт столкновения с психической реальностью, подразумеваемый в проработке депрессивной позиции, увеличивает понимание младенцем внешнего мира. Соответственно, и представление о родителях, вначале искаженное в идеализированные и ужасающие фигуры, постепенно приближается к реальности.

Как уже было сказано в данной работе, когда младенец интровертирует более заверяющую внешнюю реальность, его внутренний мир улучшается; и это, в свою очередь, вследствие проекции улучшает его представление о внешнем мире. Поэтому постепенно, по мере того как младенец вновь и вновь реинтровертирует более реалистичный и заверяющий внешний мир, а также в какой-то мере устанавливает внутри себя целостные и неповрежденные объекты, происходит существенное развитие в организации Супер-Эго. Тем не менее, когда хорошие и плохие внутренние объекты сближаются — плохие аспекты смягчаются хорошими, — отношение между Эго и Супер-Эго меняется, т. е. происходит прогрессивная ассоциация Супер-Эго со стороны Эго. (См. прим. 2, с. 227.)

На этой стадии влече^ние совершить репарацию поврежденному объекту начинает действовать в полную силу. Эта тенденция, как мы видели ранее, неразрывно связана с переживаниями вины. Когда младенец чувствует, что его деструктивные импульсы и фантазии направлены против всей личности любимого объекта, в полную силу возникает вина, а вместе с ней неизмеримое побуждение исправить, сохранить или оживить любимый поврежденный объект. На мой взгляд, эти эмоции равнозначны состояниям скорби и защитам, действующим при попытках Эго преодолеть скорбь.

Поскольку тенденция совершать репарацию, в конечном счете, исходит из инстинкта жизни, она распространяется на либидинозные фантазии и желания. Эта тенденция входит во все сублимации и, начиная с этой стадии, остается сильным средством, с помощью которого депрессия загоняется в угол и уменьшается.

Оказывается, нет такого аспекта психической жизни, который на ранних стадиях не использовался бы Эго в защите от тревоги. Репаративная тенденция, впервые примененная всемогущим образом, тоже становится важной защитой. Переживания (фантазию) младенца можно описать следующим образом: «Моя мама исчезает,

она может никогда не вернуться, она страдает, она умерла. Нет, этого не может быть, ведь я могу воскресить ее».

Всемогущество уменьшается по мере того, как младенец постепенно приобретает большую уверенность как в объектах, так и в своих репаративных способностях¹. Он чувствует, что все шаги в развитии, все новые достижения доставляют удовольствие окружающим его людям и что так он выражает любовь, уравновешивает или аннулирует вред, нанесенный его агрессивными импульсами, и совершает репарацию поврежденным любимым объектам.

Таким образом, закладываются основы для нормального развития: отношения к людям развиваются, персекуторная тревога, касающаяся внутренних и внешних объектов, уменьшается, хорошие внутренние объекты устанавливаются прочнее, отсюда следует чувство большей безопасности, и все это укрепляет и обогащает Эго. Более сильное и более связное Эго, хотя и часто прибегает к маниакальной защите, вновь и вновь соединяет и синтезирует отщепленные аспекты объекта и Я. Постепенно процессы расщепления и синтеза применяются к аспектам, менее отдаленным друг от друга; восприятие реальности возрастает, и объекты предстают в более реалистичном свете. Все это развитие ведет к возрастающей адаптации к внешней и внутренней реальности².

Соответствующее изменение происходит и в установке младенца на фрустрацию. Как мы видели, на самой ранней стадии плохой преследующий аспект матери (ее груди) начинает обозначать в психике ребенка все фрустрирующее и злое, внутреннее и внешнее. Когда чувство реальности младенца по отношению к объектам и доверие к ним возрастают, он становится более способным разграничивать навязанную извне фрустрацию и фантазийные внутренние опасности. Соответственно, ненависть и агрессия теснее связываются с фактической фрустрацией или вредом, исходящим от внешних факторов. Это шаг к более реалистичному и объективному методу

¹ В анализе взрослых и детей можно наблюдать, что наряду с полным переживанием депрессии возникают чувства надежды. На раннем этапе развития это — один из факторов, помогающих младенцу преодолеть депрессивную позицию.

² Как мы знаем, расщепление под давлением амбивалентности в некоторой степени сохраняется на протяжении всей жизни и играет важную роль в нормальной психической экономике.

борьбы с собственной агрессией, который вызывает меньше вины и, в конечном счете, дает ребенку возможность пережить, а заодно и сублимировать свою агрессию более Эго-синтоническим способом.

Кроме того, эта более реалистичная установка по отношению к фruстрации — подразумевающая, что страх преследования, касающийся внутренних и внешних объектов, уменьшился — ведет к большей способности младенца переустанавливать хорошее отношение к матери и другим людям, когда фрустрирующего опыта больше нет. Другими словами, растущая адаптация к реальности — связанная с изменениями в работе интроверсии и проекции — приводит к более надежному отношению к внешнему и внутреннему миру. Это ведет к ослаблению амбивалентности и агрессии, что дает возможность влечению к reparациии зазвучать в полный голос. Именно так постепенно прорабатывается возникающий из депрессивной позиции процесс скорби.

Когда младенец достигает критической стадии в возрасте примерно 3—6 месяцев и сталкивается с конфликтами, виной и печалью, присущими депрессивной позиции, его способность бороться с тревогой в какой-то мере детерминируется ранним развитием; т. е. той степенью, до которой он в первые 3—4 месяца жизни сумел вобрать и установить хороший объект, формирующий ядро Эго. Если этот процесс был успешен — а это подразумевает, что персекуторная тревога и процессы расщепления не чрезмерны и что произошла некоторая интеграция, — персекуторная тревога и шизоидные механизмы постепенно теряют силу, Эго способно интровертировать и установить целостный объект и пройти через депрессивную позицию. Однако если Эго не способно справиться со многими тяжелыми ситуациями тревоги, возникающими на этой стадии — неудача, детерминированная фундаментальными внутренними факторами, равно как и внешним опытом, — может произойти сильная регрессия с депрессивной позиции на раннюю параноидно-шизоидную позицию. Это также затруднит процессы интроверсии целостного объекта и сильно повлияет на развитие на протяжении первого года жизни и всего детства.

II

Моя гипотеза инфантильной депрессивной позиции основана на фундаментальных психоаналитических концептах, касающихся ранних стадий жизни; т. е. первичной интроекции и превосходства орального либидо и каннибалистических импульсов у младенцев. Эти открытия, сделанные Фрейдом и Абрахамом, внесли весомый вклад в понимание этиологии психических заболеваний. Развивая эти концепты и применяя их к пониманию младенцев, возникавшему в ходе анализа маленьких детей, я пришла к признанию сложности ранних процессов и переживаний и их влияния на эмоциональную жизнь младенцев; а это, в свою очередь, должно было пролить больше света на этиологию психических нарушений. Одним из моих выводов стало то, что существует особенно тесная связь между инфантильной депрессивной позицией и феноменами скорби и меланхолии¹.

Продолжая работу Фрейда о меланхолии, Абрахам указал на одно из фундаментальных различий между нормальной скорбью, с одной стороны, и аномальной — с другой. (См. прим. 3, с. 227.) При нормальной скорби индивиду удается установить потерянную любимую личность внутри своего Эго, тогда как при меланхолии и аномальной скорби этот процесс безуспешен. Абрахам также описал некоторые фундаментальные факторы, от которых зависит этот успех или неудача. Если каннибалистические импульсы чрезмерны, интроверсия потерянного любимого объекта терпит неудачу, и это приводит к болезни. При нормальной скорби субъект также стремится восстановить потерянную любимую личность внутри Эго; но этот процесс успешен. Во время этого процесса не только удаляется и заново инвестируется, по выражению Фрейда, катексис, привязанный к потерявшемуся любимому объекту, но и сам потерянный объект устанавливается внутри.

В работе «Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями» я выразила следующую точку зрения: «Мой опыт

¹ Вопрос о связи инфантильной депрессивной позиции с маниакально-депрессивными состояниями, с одной стороны, и нормальным горем — с другой, рассмотрен в моих работах «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний» [(1935а). Наст. изд. Т. II. С. 139—177] и «Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями» [(1940а). Наст. изд. Т. II. С. 257—292].

привел меня к заключению, что, хотя и верно, что характерной чертой нормальной скорби является установление индивидом потерянного любимого объекта внутри себя, делает это он не впервые. Благодаря работе скорби он водворяет на место этот объект, а также любимые *внутренние* объекты, которые, как он считал, потерял»¹. Когда бы ни возникало горе, оно подрывает чувство надежного обладания любимыми внутренними объектами, поскольку возобновляет ранние тревоги по поводу поврежденных и разрушенных объектов — тревоги о поверженном внутреннем мире. Переживания вины и персекуторной тревоги — инфантильная депрессивная позиция — вновь активизируется в полную силу. Успешное восстановление *внешнего* оплакиваемого любимого объекта, чья интроверсия интенсифицируется вследствие процесса скорби, подразумевает, что любимые *внутренние* объекты восстановлены и водворены на место. Поэтому тестирование реальности, характеризующее процесс скорби, это не только способ обновления связей с внешним миром, но и средство *переустановления разрушенного внутреннего мира*. Таким образом, скорбь включает в себя повторение эмоциональной ситуации, пережитой младенцем во время депрессивной позиции, поскольку под давлением страха потери любимой матери младенец пытается справиться с задачей установления и интеграции своего внутреннего мира и надежного выстраивания хороших объектов внутри себя.

Одним из фундаментальных факторов, определяющих, приведет ли потеря любимого объекта (из-за смерти или по другим причинам) к маниакально-депрессивному заболеванию или же она будет успешно преодолена, по моему опыту, является степень, в которой в первый год жизни была успешно проработана депрессивная позиция, а внутри надежно установлены любимые интроверсивные объекты.

Депрессивная позиция связана с фундаментальными изменениями в либидинозной организации младенца, поскольку в этот период — примерно в середине первого года — младенец вступает на ранние стадии прямого и инвертированного эдипова комплекса. Здесь я ограничусь лишь общим наброском, дав описание ранних

---

¹ Там же. С. 283.

стадий эдипова комплекса¹. Эти ранние стадии характеризуются важной ролью, которую в психике младенца все еще играют частичные объекты, в то время как отношение к целостным объектам только устанавливается. Также, несмотря на то, что генитальные желания все отчетливее выходят на передний план, по-прежнему лидирует оральное либидо. Могущественные оральные желания, усиленные фрустрацией, испытываемой в отношении к матери, переносятся с материнской груди на отцовский пенис². Генитальные желания у младенца любого пола объединяются с оральными желаниями, и потому возникает оральное, а также генитальное отношение к пенису отца. Генитальные желания направляются и на мать. Желания младенцем отцовского пениса связаны с ревностью к матери, поскольку он считает, что она получает этот желанный объект. У обоих полов эти многообразные эмоции и желания лежат в основе как инвертированного, так и прямого эдипова комплекса.

Другой аспект ранних эдиповых стадий связан с той существенной ролью, которую в психике младенца играют «внутренняя часть» матери и его собственная «внутренняя часть». В предшествующий период, когда преобладают деструктивные импульсы (параноидно-шизоидная позиция), побуждение младенца войти в тело матери и завладеть его содержимым носит преимущественно оральный и анальный характер. Это побуждение все еще активно на следующей стадии (депрессивная позиция), однако когда гени-

¹ См. Хайманн^[a], часть 2. Я привела детальное описание эдипова развития в своей работе «Психоанализ детей» [(1932b). Наст. изд. Т. III] (особенно гл. VIII); а также в работах «Ранние стадии эдипова конфликта» [(1928a). Наст. изд. Т. I. С. 289–308] и «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» [(1945a). Наст. том. С. 3–67].

^[a] Heimann, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psychoanalysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — Р. 321–337.

² В работе «Опыт истории развития либидо на основе психоанализа душевных расстройств»^[a] Абрахам пишет: «Необходимо сделать еще одно замечание относительно интровертированной части. Оно касается регулярного приравнивания пениса к женской груди. Во вторую очередь замещение этих органов берут на себя другие части тела, как, например, палец, ступня, волосы, кал, ягодицы».

^[a] Abraham, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien. — Frankfurt am Main, 1969. — Bd. I. — S. 113–183.

тальные желания возрастают, оно больше направляется на пенис отца (приравниваемый к детям и фекалиям), который, как он считает, содержится в теле матери. Одновременно оральные желания пениса отца ведут к его интернализации, и этот интернализированный пенис — и как хороший, и как плохой объект — начинает играть важную роль во внутреннем объектном мире младенца.

Ранние стадии эдипова развития представляют собой необычайную сложность: желания из различных источников сходятся в одну точку; эти желания направлены на частичные, а также на целостные объекты; пенис отца, желаемый и ненавидимый, существует не только как часть отцовского тела, младенец также считает его внутренней частью самого себя и внутренней частью материнского тела.

Зависть оказывается неотъемлемой от оральной жадности. Моя аналитическая работа показала, что зависть (чередуясь с переживаниями любви и удовлетворения) сначала направляется на кормящую грудь. Когда возникает эдипова ситуация, к этой первичной зависти добавляется ревность. Переживания младенца по отношению к обоим родителям предположительно таковы: когда он фрустрирован, отец или мать наслаждаются желаемым объектом, которого он лишен — материнская грудь, отцовский пенис, — и наслаждаются им постоянно. Для интенсивных эмоций и жадности младенца характерно то, что ему приходится приписывать родителям постоянное состояние взаимного удовлетворения орального, анального и генитального характера.

Эти сексуальные теории являются фундаментом для комбинированных родительских фигур, таких как: мать, содержащая отцовский пенис или всего отца; отец, содержащий материнскую грудь или всю мать; родители, нераздельно слившиеся в сексуальном акте¹. Фантазии такого плана также способствуют представлению о «женщине с пенисом». Более того, благодаря интернализации младенец устанавливает подобные комбинированные родительские фигуры внутри себя, что оказывается существенным для многих ситуаций тревог психотического характера.

---

¹ Ср. концепцию комбинированной родительской фигуры в «Психоанализе детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III], особенно гл. VIII.

По мере того, как постепенно развивается более реалистичное отношение к родителям, младенец начинает считать их отдельными индивидами, т. е. примитивные комбинированные родительские фигуры теряют силу¹.

Такое развитие взаимосвязано с депрессивной позицией. У обоих полов страх потери матери, первичного любимого объекта — т. е. депрессивная тревога — способствует потребности в субститутах; и, дабы удовлетворить эту потребность, младенец сначала обращается к отцу, который на этой стадии также интровертируется как целостная личность.

Именно так либидо и депрессивная тревога в некоторой степени отклоняются от матери, и этот процесс распределения стимулирует объектные отношения, а также уменьшает интенсивность депрессивных переживаний. Таким образом, ранние стадии прямого и инвертированного эдипова комплекса ослабляют тревоги ребенка и помогают ему преодолеть депрессивную позицию. Тем не менее, в то же время возникают новые конфликты и тревоги, поскольку эдиповы желания по отношению к родителям подразумевают, что зависть, соперничество и ревность — на этой стадии все еще можно пробуждаемые орально-садистическими импульсами — сейчас испытываются по отношению к двум людям, ненавидимым и любимым. Проработка этих конфликтов, впервые возникающих на ранних стадиях эдипова комплекса, является частью процесса модификации тревоги, выходящего за пределы младенчества и простирающегося на первые годы детства.

Резюмируем: депрессивная позиция играет жизненно важную роль в раннем развитии ребенка, и в норме, приблизительно в пятилетнем возрасте, когда инфантильный невроз подходит к концу, персекutorialная и депрессивная тревоги уже претерпевают модификацию.

¹ Способность младенца наслаждаться одновременно отношением к обоим родителям, что является важной особенностью его психической жизни и побуждаемых ревностью и тревогой конфликтов желаний, дабы отделиться от них, зависит от его чувства, что они — отдельные индивиды. Это более интегрированное отношение к родителям (отличное от компульсивной потребности содержать родителей отдельно друг от друга, препятствуя их сексуальному акту) подразумевает большое понимание их отношения друг к другу и является предпосылкой для возникновения у младенца надежды на то, что он может свести их вместе и счастливо соединить.

Тем не менее, основные шаги в проработке депрессивной позиции делаются, когда младенец устанавливает целостный объект — т. е. во второй половине первого года жизни, — и можно утверждать, что если эти процессы окажутся успешными, будет выполнено одно из условий нормального развития. В этот период персекоторная и депрессивная тревоги вновь и вновь активизируются, как, например, во время прорезывания зубов и отлучения от груди. Это взаимодействие тревоги и физических факторов — один из аспектов сложных процессов развития (включая все эмоции и фантазии младенца) на первом году жизни; на самом деле в некоторой степени это относится ко всей жизни.

На протяжении всей этой работы я подчеркивала, что изменения в эмоциональном развитии и объектных отношениях младенца носят постепенный характер. Тот факт, что депрессивная позиция развивается постепенно, объясняет, почему обычно ее влияние на младенца не проявляется внезапно¹. Также следует помнить, что, испытывая депрессивные переживания, Это одновременно развивает методы борьбы с ними. В этом, на мой взгляд, и заключается одно из фундаментальных различий между младенцем, испытывающим тревоги психотического характера, и психотичным взрослым; поскольку, когда младенец проходит через эти тревоги, процессы, ведущие к их модификации, уже действуют. (См. прим. 4, с. 228.)

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ И МОДИФИКАЦИЯ ТРЕВОГИ

I

Инфантильный невроз можно рассматривать как комбинацию процессов, посредством которых связываются, прорабатываются и модифицируются тревоги психотического характера. Основные шаги в модификации персекоторной и депрессивной тревоги

---

¹ Тем не менее, при пристальном наблюдении и у нормальных младенцев можно выявить признаки повторяющихся депрессивных переживаний. В определенных обстоятельствах, таких как болезнь, внезапная разлука с матерью или няней, изменение питания, у младенцев довольно отчетливо проявляются серьезные симптомы депрессии.

являются частью развития на первом году жизни. Следовательно, инфантильный невроз, как я его понимаю, начинается на первом году жизни и заканчивается, когда с началом латентного периода достигается модификация ранних тревог.

Все аспекты развития способствуют процессу модификации тревоги, и поэтому превратности тревоги можно понять лишь в их взаимодействии со всеми факторами развития. К примеру, приобретение физических навыков; игровая деятельность; развитие речи и интеллектуальный прогресс в целом; навыки опрятности; рост сублимаций; расширение диапазона объектных отношений; прогресс в либидинозной организации ребенка — все эти достижения неразрывно переплетены с аспектами инфантильного невроза, а в конечном итоге с превратностями тревоги и развивающимися от нее защитами. Здесь я могу выделить лишь несколько из этих взаимодействующих факторов и указать, каким образом они способствуют модификации тревоги.

Первые преследующие объекты, внешние и внутренние — как уже обсуждалось — плохая грудь матери и плохой пенис отца; и страхи преследования, касающиеся внутренних и внешних объектов, находятся во взаимодействии. Эти тревоги, вначале сфокусированные на родителях, находят выражение в ранних фобиях и значительно влияют на отношение ребенка к своим родителям. И персекьюторная и депрессивная тревоги во многом способствуют конфликтам, возникающим в эдиповой ситуации¹, и оказывают влияние на либидинозное развитие.

Генитальные желания по отношению к обоим родителям, инициирующие ранние стадии эдипова комплекса (приблизительно в середине первого года), вначале переплетаются с оральными, анальными и уретральными желаниями и фантазиями, как либидинозной, так и агрессивной природы. Тревоги психотического характера, которым дают толчок деструктивные импульсы из всех этих источников, имеют тенденцию усиливать эти импульсы, а если

¹ Взаимосвязь между персекьюторной и депрессивной тревогами, с одной стороны, и кастрационным страхом — с другой, детально обсуждается в моей работе «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» [(1945a). Наст. том. С. 3—67].

они чрезмерны, содействовать сильным фиксациям на прегенитальных стадиях¹.

Таким образом, либидинозное развитие на каждом шагу испытывает влияние тревоги, поскольку тревога ведет к фиксации на прегенитальных стадиях и к повторяющейся регрессии к ним. С другой стороны, тревога, вина и вытекающая отсюда репаративная тенденция дают толчок либидинозным желаниям и стимулируют прогрессивную тенденцию либидо, т. к. предоставление и переживание либидинозного удовольствия смягчают тревогу, а также удовлетворяют побуждение совершить репарацию. Поэтому тревога и вина иногда сдерживают, а иногда усиливают либидинозное развитие. Этот процесс варьируется не только у разных индивидов, он может варьироваться и у одного индивида в соответствии с замысловатым взаимодействием внутренних и внешних факторов в определенный промежуток времени.

В колеблющихся позициях прямого и инвертированного эдипова комплекса испытываются все ранние тревоги, поскольку ревность, соперничество и ненависть в этих позициях вновь и вновь пробуждают персекуторную и депрессивную тревогу. Тем не менее, тревоги, фокусирующиеся на родителях как внутренних объектах, постепенно прорабатываются и уменьшаются по мере того, как из отношения к внешним родителям младенец извлекает все возрастающее чувство безопасности.

Во взаимодействии прогресса и регрессии, испытывающем сильное влияние тревоги, постепенно начинают господствовать генитальные тенденции. В результате способность к репарации возрастает, ее диапазон расширяется, а сублимации обретают силу и стабильность; т. к. на генитальном уровне они связаны с самым креативным побуждением человека. Генитальные сублимации на феминной позиции связаны с фертильностью — способностью давать жизнь — и таким образом с воссозданием потерянных или поврежденных объектов. На мужской позиции элемент предостав-

¹ Heimann, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 321—337.

Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 67—121.

ления жизни усиливается фантазиями об оплодотворении, а значит, восстановлении или оживлении поврежденной или разрушенной матери. Следовательно, гениталии репрезентируют не только орган размножения, но и средство исправления и сотворения заново.

Господство генитальных тенденций подразумевает огромный прогресс в интеграции Эго, поскольку эти тенденции сменяют либидинозные и репаративные желания прегенитального характера, и, таким образом, происходит синтез прегенитальных и генитальных репаративных тенденций. К примеру, способность получать «хорошество», в первую очередь, желаемую пищу и любовь от матери, и побуждение накормить ее в ответ и таким образом восстановить ее — основа оральных сублимаций — являются предпосылкой успешного генитального развития.

Возрастающая сила генитального либидо, включающая прогресс в способности совершать репарацию, идет бок о бок с постепенным снижением тревоги и вины, вызванными деструктивными тенденциями, несмотря на то, что в эдиповой ситуации генитальные желания — причина конфликта и вины. Отсюда следует, что примат гениталий означает уменьшение оральных, уретральных и анальных тенденций и тревог. В процессе проработки эдиповых конфликтов и достижения примата гениталий ребенок становится способным надежно устанавливать хорошие объекты в своем внутреннем мире и развивать устойчивое отношение к родителям. Все это означает, что он постепенно прорабатывает и модифицирует персекуторную и депрессивную тревоги.

Есть основания предполагать, что как только младенец направляет свой интерес к объектам, отличным от материнской груди — таким как части ее тела, другие объекты вокруг него, части собственного тела и т. д., — начинается процесс, фундаментальный для развития сублимаций и объектных отношений. Любовь, желания (как агрессивные, так и либидинозные) и тревоги переносятся с первого уникального объекта, матери, на другие объекты; развиваются новые интересы, которые становятся субSTITутами отношения к первичному объекту. Тем не менее, этот первичный объект — не только внешняя, но и интернализированная хорошая грудь; и это отклонение эмоций и креативных переживаний, начинаящих относиться к внешнему миру, связано с проекцией. Во всех этих процессах огромное значение

имеет функция символообразования и фантазийной деятельности¹. Когда возникает депрессивная тревога, а именно с началом депрессивной позиции, Это чувствует себя вынужденным проецировать, отклонять и распределять желания и эмоции, а также вину и побуждение совершить репарацию, на новые объекты и интересы. На мой взгляд, эти процессы — главный источник сублимаций на протяжении всей жизни. Тем не менее, предпосылкой для успешного развития сублимаций (равно как и объектных отношений и либидинозной организации) является то, что любовь к первым объектам можно сохранить, несмотря на то, что желания и тревоги отклоняются и распределяются. Поскольку, когда доминируют обида и ненависть к первым объектам, они имеют тенденцию подвергать опасности сублимации и отношение к объектам-субститутам.

Другое нарушение способности к репарации, а следовательно, и к сублимациям возникает в случае, когда из-за неудачного преодоления депрессивной позиции тает надежда совершить репарацию или, другими словами, когда отчаяние по поводу деструкции распространяется на любимые объекты.

II

Как было сказано выше, все аспекты развития связаны с инфантильным неврозом. Характерной чертой инфантильного невроза являются ранние фобии, которые начинаются на первом году жизни и, изменяясь по форме и содержанию, снова и снова возникают на протяжении всего детства. В основе ранних фобий, включающих трудности в кормлении, *pavor nocturnus*², тревогу из-за отсут-

¹ Здесь я вынуждена удержаться от детального описания того, как символообразование с самого начала неразрывно связано с фантазийной жизнью ребенка и превратностями тревоги. Здесь я ссылаюсь на Айзакс^[a] и на свою работу «О наблюдении за поведением младенцев» [(1952f). Наст. том. С. 231—267]; а также на некоторые свои ранние работы: «Психологические принципы раннего анализа» [(1926a). Наст. изд. Т. I. С. 195—210] и «Значение символообразования в развитии Эго» [(1930a). Наст. изд. Т. II. С. 37—56].

^[a] Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — Р. 67—121.

² [Pavor nocturnus (*лат.*) —очные кошмары.]

ствия матери, боязнь незнакомых людей, нарушения в отношениях с родителями и объектных отношениях в целом, лежат как персекуторная, так и депрессивная тревоги. Потребность экстерниализировать преследующие объекты — неотъемлемый элемент механизма фобий¹. Эта потребность исходит от персекуторной тревоги (относящейся к Эго), а также от депрессивной тревоги (сосредоточивающейся на опасностях, угрожающих хорошим внутренним объектам от внутренних преследователей). Страхи внутреннего преследования также находят выражение в ипохондрических тревогах. Способствуют они и появлению разнообразных физических заболеваний, например, частым простудам маленьких детей².

Оральные, уретральные и анальные тревоги (присущие как приобретению, так и торможению навыков опрятности) являются базовыми чертами в симптоматологии инфантильного невроза. Характерной особенностью инфантильного невроза является и появление в первые годы жизни различного рода рецидивов. Как мы уже видели выше, когда тревога персекуторного и депрессивного характера усиливается, происходит регрессия к ранним стадиям и соответствующим ситуациям тревоги. Подобная регрессия проявляется, например, в нарушении уже установившихся навыков опрятности; или же в возвращении в несколько измененном виде явно преодоленных фобий.

На втором году на первый план выходят тенденции навязчивости; они и выражают, и связывают вместе оральные, уретральные и анальные тревоги. Черты навязчивости можно наблюдать в ритуалах отхода ко сну, в ритуалах, связанных с опрятностью или кормлением и т. д., а также в общей потребности в повторении (например, желание снова и снова слушать одни и те же истории, даже с теми же самыми выражениями, или снова и снова играть

¹ Ср. «Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III], р. 125, 156—161.

² Мой опыт показал, что тревоги, лежащие в основе ипохондрий, также являются причиной истерических конверсионных симптомов. Основным фактором, типичным для обоих явлений, является страх, связанный с преследованием внутри тела (атаки интернализированных преследующих объектов) или с вредом, нанесенным внутренним объектам садизмом субъекта (таким как атаки его опасными экскрементами), — все это считается физическим ущербом, наносимым Эго. Рассмотрение процессов, лежащих в основе трансформации этих персекуторных тревог в физические симптомы, может пролить свет на проблемы истерии.

в одни и те же игры). Эти феномены, хотя они и являются частью нормального развития ребенка, можно описать как невротические симптомы. Уменьшение или преодоление этих симптомов равнозначно модификации оральных, уретральных и анальных тревог; что, в свою очередь, подразумевает модификацию персекуторных и депрессивных тревог.

Способность Эго шаг за шагом развивать защиты, дающие ему возможность в какой-то мере прорабатывать тревоги, является существенной частью процесса модификации тревоги. На самой ранней стадии (параноидно-шизоидной) тревога нейтрализуется экстремальными и мощными защитами, такими как расщепление, всемогущество и отрицание¹. На следующей стадии (депрессивная позиция), защиты, как мы уже видели, претерпевают значительные изменения, характеризующиеся большей способностью Эго выдерживать тревогу. Так как на втором году происходит дальнейший прогресс в развитии Эго, младенец использует свою растущую адаптацию к внешней реальности и возрастающий контроль над телесными функциями при тестировании внутренних опасностей с помощью внешней реальности.

Все эти изменения характерны для навязчивых механизмов, которые также можно рассматривать как весьма важную защиту. Например, благодаря приобретению навыков опрятности тревоги младенца по поводу своих опасных фекалий (т. е. своей деструктивности), своих плохих интернализированных объектов и внутреннего хаоса вновь и вновь на время уменьшаются. Контроль над сфинктером доказывает ему, что он способен контролировать внутренние опасности и внутренние объекты. Более того, сами экскременты служат доказательством против фантастических страхов об их деструктивном качестве. Теперь они могут быть изгнаны, подчиняясь требованию матери или няни, которая, выражая одобрение условий, в которых появляются экскременты,

¹ Если эти защиты упорно сохраняются не только на ранней стадии, для которой они вполне естественны, развитие может быть нарушено в разных отношениях; интеграция задерживается, фантазийная жизнь и либидинозные желания затрудняются, как следствие, могут замедлиться reparatивная тенденция, сублимации, объектные отношения и отношение к реальности.

кажется, одобряет и природу фекалий, что делает их «хорошими»¹. В результате младенец может считать, что вред, который в его агрессивных фантазиях был нанесен внутренним и внешним объектам его экскрементами, может быть аннулирован. Поэтому приобретение навыков опрятности также уменьшает вину и удовлетворяет влечение совершить репарацию².

Механизмы навязчивости формируют важную часть развития Эго. Они дают Эго возможность на время загнать тревогу в угол. Это, в свою очередь, помогает Эго достичь большей интеграции и силы; таким образом, становится возможной постепенная проработка, уменьшение и модификация тревоги. Тем не менее, механизмы навязчивости — лишь одни из прочих защит на этой стадии. Если они чрезмерны и становятся основной защитой, это можно считать указанием на то, что Эго не может эффективно бороться с тревогой психотического характера и что у ребенка развивается тяжелый невроз навязчивости.

Другое фундаментальное изменение в защитах характеризует стадию, на которой набирает силу генитальное либидо. Когда это происходит, как мы видели, Эго уже более интегрировано; адаптация к внешней реальности улучшилась; функция сознания расширилась; Супер-Эго также более интегрировано; произошел более полный синтез бессознательных процессов, т. е. внутри бессознательных частей Эго и Супер-Эго; разграничение сознательного и бессознательного более отчетливо. Такое развитие позволяет вытеснению занять лидирующую позицию среди

¹ Признание того, что у ребенка есть потребность приобретать навыки опрятности, потребность, связанная с тревогой и виной и защитами от нее, приводит к следующему заключению. Приучение к опрятности, если оно проходит без давления и на той стадии, когда побуждение к нему становится очевидным (что обычно бывает на втором году), благотвально для развития ребенка. Если же оно навязывается ребенку на более ранней стадии, оно может принести вред. Более того, на любой стадии ребенка следует только поощрять, а не насилием приучать к опрятности. Это лишь небольшой штрих к одной важной проблеме воспитания.

² Мнение Фрейда о реактивных образованиях и «отмене» в процессе невроза навязчивости лежит в основе моей концепции репарации, которая, помимо этого, охватывает различные процессы, с помощью которых Эго, как оно считает, аннулирует нанесенный в фантазии вред, восстанавливает, охраняет и оживляет объект.

защит¹. Существенным фактором в вытеснении является порицающий и запрещающий аспект Супер-Эго, аспект, который в результате прогресса в организации Супер-Эго набирает силу. Требования Супер-Эго держать вне сознания определенные импульсы и фантазии, как агрессивного, так и либидинозного характера, Эго гораздо проще выполнить, поскольку оно прогрессировало как в интеграции, так и в ассимиляции Супер-Эго.

В предыдущем разделе я описала, что даже в первые месяцы жизни Эго тормозит инстинктивные желания, поначалу под давлением персекуторной, а несколько позже и депрессивной тревог. Дальнейший шаг в развитии инстинктивных торможений делается, когда Эго может использовать вытеснение.

Мы наблюдали способы, с помощью которых Эго использует расщепление во время параноидно-шизоидной фазы². Механизм расщепления лежит в основе вытеснения (как подразумевается в концепции Фрейда); но в отличие от самых ранних форм расщепления, ведущих к состояниям дезинтеграции, в результате вытеснения обычно не происходит дезинтеграция Я. Поскольку на этой стадии имеет место большая интеграция как сознательных, так и бессознательных частей психики и поскольку при вытеснении расщепление преимущественно влияет на разделение сознательного и бессознательного, ни одна часть Я не подвергается той степени дезинтеграции, которая могла возникнуть на предыдущих стадиях. Тем не менее, степень, до которой к процессам расщепления прибегают в первые месяцы жизни, коренным образом влияет на использование вытеснения на более поздней стадии. Поскольку если ранние шизоидные механизмы и тревоги не были преодолены достаточным образом, в результате вместо подвижной границы между сознательным и бессознательным может возникнуть жесткий барьер; это

¹ Ср. у Фрейда^[a]: «...оставляя в стороне, как материал для последующего размышления, возможность того, что вытеснение является процессом, имеющим особое отношение к генитальной организации либido, что Я прибегает к другим методам защиты, когда оно вынуждено защищаться от либido на других ступенях организации».

^[a] Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 155.

² Ср. «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» [(1946а). Наст. том. С. 69—101].

указывает на то, что вытеснение чрезмерно и, как следствие, развитие нарушено. С другой стороны, при умеренном вытеснении бессознательное и сознательное, вероятнее всего, останутся «пористыми» по отношению друг к другу, и поэтому импульсам и их производным в какой-то мере будет разрешено вновь и вновь появляться из бессознательного и подвергаться со стороны Эго процедуре отбора и отвержения. Выбор импульсов, фантазий и мыслей, которые должны быть вытеснены, зависит от возросшей способности Эго принимать стандарты внешних объектов. Эта способность связана с большим синтезом внутри Супер-Эго и растущей ассилиацией Супер-Эго со стороны Эго.

Изменения в структуре Супер-Эго, происходящие постепенно и во всех отношениях связанные с эдиповым развитием, способствуют спаду эдипова комплекса в начале латентного периода. Другими словами, прогресс в либидинозной организации и различные урегулирования, на которые становится способно Эго на этой стадии, связаны с модификацией персекуторной и депрессивной тревог, касающихся интернализированных родителей, что подразумевает большую безопасность внутреннего мира.

Рассматриваемые в свете превратностей тревоги, изменения, характеризующие начало латентного периода, можно суммировать следующим образом: отношения с родителями более надежные; интровертированные родители все больше приближаются к представлению о реальных родителях; их стандарты, предостережения и запреты принимаются и интернализируются, и потому вытеснение эдиповых желаний более эффективно. Все это представляет собой кульминацию развития Супер-Эго, являющуюся результатом процесса, простирающегося на первые годы жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я подробно обсудила первые шаги в преодолении депрессивной позиции, характеризующей второе полугодие первого года жизни. Мы увидели, что на самых ранних стадиях, когда доминирует персекуторная тревога, объекты младенца имеют примитивную преследующую природу; они пожирают, разрывают, отравляют, затапливают и т. д., т. е. разнообразие оральных, уретральных и анальных

желаний и фантазий проецируется на внешние, а также на интернализированные объекты. Представление об этих объектах изменяется в психике младенца постепенно, по мере развития либидинозной организации и модификации тревоги.

Одновременно улучшаются его отношения как к внутреннему, так и к внешнему миру; взаимозависимость между этими отношениями подразумевает изменения в процессах интроверсии и проекции, что является существенным фактором в уменьшении персекуторной и депрессивной тревог. Все это приводит к большей способности Эго ассимилировать Супер-Эго, и именно таким образом возрастает сила Эго.

Стабилизация достигается после того, как некоторые фундаментальные факторы претерпели изменение. Здесь я не касаюсь прогресса Эго — который, как я пыталась показать, на каждом этапе связан с эмоциональным развитием и модификацией тревоги — я хочу подчеркнуть изменения в бессознательных процессах. Полагаю, эти изменения становятся более понятными, если мы связываем их с происхождением тревоги. Здесь я вновь ссылаюсь на свое утверждение о том, что деструктивные импульсы (инстинкт смерти) являются первичным фактором, вызывающим тревогу¹. Жадность увеличивают обиды и ненависть, т. е. проявления деструктивного инстинкта; а эти проявления, в свою очередь, усиливаются персекуторной тревогой. Когда в ходе развития тревоги и уменьшается, и надежнее загоняется в угол, обиды и ненависть, равно как жадность, уменьшаются, и все это, в конечном итоге, ведет к снижению амбивалентности. Выражаясь языком инстинктов: когда инфантильный невроз завершил свой курс, т. е. когда персекуторная и депрессивная тревоги уменьшились и модифицировались, равновесие в слиянии инстинктов жизни и смерти (а значит, либидо и агрессии) в некотором отношении изменилось. Это означает важные изменения в бессознательных процессах, т. е. в структуре Супер-Эго, а также в структуре и сфере бессознательных (равно как и сознательных) частей Эго.

Мы увидели, что характерные для первых лет жизни флюктуации между либидинозными позициями и между прогрессией

---

¹ См. «О теории тревоги и вины» [(1948а). Наст. том. С. 103—127].

и регрессией неразрывно связаны с превратностями возникающих в раннем младенчестве персекуторных и депрессивных тревог. Таким образом, эти тревоги — не только существенный фактор в фиксации и регрессии, они также неизбежно влияют на ход развития.

Предпосылкой нормального развития является то, что при взаимодействии регрессии и прогрессии сохраняются фундаментальные аспекты уже достигнутого прогресса. Другими словами, процесс интеграции и синтеза не нарушается основательно и надолго. Когда тревога модифицируется постепенно, прогрессия неизменно доминирует над регрессией, и в ходе инфантального невроза устанавливается основа для психической стабильности.

Примечания

1 (С. 193)

Маргарет А. Рибл описала наблюдения за 500 младенцами¹ и выразила взгляды, часть из которых дополняют выводы, сделанные мною благодаря анализу маленьких детей.

Так, касательно отношения к матери с самого начала жизни она подчеркивает потребность младенца «получать материнскую заботу», что выходит за рамки удовлетворения от сосания; например, она пишет:

«Многие качества и цельность личности ребенка зависят от эмоциональной привязанности к матери. Эта привязанность или, используя психоаналитический термин, катексис матери вырастает постепенно из получаемого от нее удовлетворения. Мы очень подробно изучили природу этой развивающейся привязанности, столь неуловимой, но столь существенной. Ее формированию прежде всего способствуют три типа сенсорного опыта, а именно тактильный, кинестетический или ощущение расположения тела и звуковой. Почти все наблюдатели поведения младенцев упоминали о развитии этих сенсорных способностей... но их исключительная важность для личных отношений матери и ребенка не подчеркивалась»².

Она подчеркивает важность этого личного отношения для физического развития ребенка в нескольких местах, к примеру, она пишет:

«...самые тривиальные нарушения в заботе и уходе за ребенком, такие как слишком ограниченный контакт с матерью, или если ребенка слишком редко берут на руки или у него часто меняются няни или режим дня, зачастую приводят к таким нарушениям, как бледность кожных покровов, неправильное дыхание, нарушения в приеме пищи. У конституционально чувствительных или ослабленных младенцев

¹ Ribble, M.A. Infantile experience in relation to personality development. // Personality and the Behavior Disorders / Ed. J. McV. Hunt. — New York: Ronald Press, 1944. — Vol. 2. — P. 621—651.

² Ibid. P. 631.

эти нарушения, если они слишком частые, могут существенно изменить физическое и психическое развитие, а нередко даже угрожать жизни»¹.

В другом абзаце автор резюмирует эти нарушения:

«Младенец, из-за неразвитости мозга и нервной системы, постоянно находится в потенциальной опасности функциональной дезорганизации. Внешне опасность заключается во внезапной разлуке с матерью, которая интуитивно или осознанно должна поддерживать этот функциональный баланс. Действительное пренебрежение или нехватка любви могут быть одинаково губительны. Внутренне опасность предстает как усиление напряжения от биологических потребностей и неспособность организма сохранить свою внутреннюю энергию или метаболический баланс и возбудимость рефлексов. Острой может стать потребность в кислороде, поскольку дыхательные механизмы младенца еще недостаточно развиты для адекватной работы по возрастающему внутреннему требованию, вызванному быстрым развитием лобных долей»².

Эти функциональные нарушения, которые, по наблюдениям М. Риблл, могут быть равнозначными опасности для жизни, можно интерпретировать как выражение инстинкта смерти, который, по Фрейду, первоначально направлен против самого организма³. Я уже говорила о том, что опасность, пробуждающая страх уничтожения, страх смерти, является первичной причиной тревоги. То, что биологические, физиологические и психологические факторы связаны друг с другом с начала постнатальной жизни, проиллюстрировано наблюдениями М. Риблл. Я бы сделала следующий вывод, что последовательная и любящая забота матери о младенце, укрепляющая его либидинозное отношение к ней (что обязательно для сохранения жизни младенцев «конституционально чувствительных или ослабленных»), поддерживает инстинкт жизни в борьбе против инстинкта смерти. В данной статье, а также в работе «О теории тревоги и вины»⁴ я обсуждаю этот вопрос наиболее полно.

Другой пункт, по которому совпадают наши выводы, касается перемен, которые, по описанию М. Риблл, возникают приблизительно к третьему месяцу. Эти перемены можно рассматривать как физиологический дубликат тех особенностей эмоциональной жизни, которые я описываю как начало депрессивной позиции. Она пишет:

«К этому времени организм начал демонстрировать относительную стабильность таких процессов, как дыхание, пищеварение и кровообращение, указывая тем самым на то, что автономная нервная система приступила к своим специфическим функциям. Из исследований в области анатомии мы знаем, что эмбриональная система кровообращения к этому времени обычно перестает действовать. ... Примерно в это же время на электроэнцефалограмме начинают появляться типичные для мозга взрослого паттерны волн... и, возможно, они указывают на более зрелую форму церебральной активности. Вспышки эмоциональной реакции, не всегда хорошо дифференцированные, но явно выражющие позитивную или негативную направленность, понимаются как запускающие всю моторную

¹ Ibid. P. 630.

² Ibid.

³ Freud, S. Jenseits des Lustprinzips (1920g). // G. W. — Bd. XIII. — S. 1—69.

⁴ [(1948a). Наст. том. С. 103—127.]

систему. ...Глаза хорошо фокусируются и могут следить за матерью, уши хорошо слышат и могут дифференцировать издаваемые ею звуки. Ее голос или внешний вид продуцирует позитивные эмоциональные реакции, ранее получаемые лишь от непосредственного контакта, которые выражаются в улыбке и даже проявлениях искренней радости¹.

Полагаю, эти перемены связаны с уменьшением процессов расщепления и прогрессом в интеграции Эго и объектных отношениях, особенно в способности младенца воспринимать и интровертировать мать как целостную личность — как я описала, все эти процессы имеют место во второй четверти первого года с началом депрессивной позиции.

2 (С. 206)

Если эти фундаментальные урегулирования в отношении между Эго и Супер-Эго в раннем развитии были недостаточны, то одной из существенных задач психоаналитической процедуры будет создание для пациента возможности совершить их ретроспективно. Это возможно не только с помощью анализа самых ранних стадий развития (равно как и более поздних), но и с помощью тщательного анализа как негативного, так и позитивного переносов. В колеблющейся ситуации переноса внешние и внутренние фигуры — хорошие и плохие, — первоначально формирующие развитие Супер-Эго и объектных отношений, переносятся на психоаналитика. Поэтому иногда ему приходится олицетворять угрожающие фигуры, и только так инфантильные персекутурные тревоги могут быть полностью пережиты, проработаны и уменьшены. Если психоаналитик склонен усиливать позитивный перенос, он избегает играть в психике пациента роль плохих фигур и преимущественно интровертируется как хороший объект. Тогда в некоторых случаях может быть усиlena вера в хорошие объекты; но подобное достижение может быть весьма нестабильным, поскольку пациенту не была предоставлена возможность пережить ненависть, тревогу и подозрение, которые на ранних стадиях жизни относились к пугающим и опасным аспектам родителей. Лишь анализируя и негативный и позитивный перенос, психоаналитик поочередно предстает в роли хороших и плохих объектов, попутно любимых и ненавидимых, восхищающих и устрашающих. Таким образом, пациенту дается возможность проработать, а значит модифицировать ранние ситуации тревоги; расщепление между хорошими и плохими фигурами снижается; они становятся более синтезированными, т. е. агрессия смягчается либидо. Другими словами, персекутурная и депрессивная тревоги уменьшаются, можно сказать, на корню.

3 (С. 209)

Абрахам² ссылался на фиксацию либидо на оральном уровне как на один из фундаментальных этиологических факторов меланхолии. Он описал эту фиксацию

¹ Ribble, M.A. Infantile experience in relation to personality development. // Personality and the Behavior Disorders / Ed. J. McV. Hunt. — New York: Ronald Press, 1944. — Vol. 2. — P. 643.

² [Abraham, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen. — Wien, Leipzig, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.]

на конкретном примере следующим образом: «В состояниях депрессии у него выступает во всей силе и своеобразии трудноописуемая тоска по материнской груди. Если либидо останется в такой фиксации в зрелом возрасте, то тем самым создастся одно из самых важных предварительных условий для возникновения меланхолической депрессии»¹.

Абрахам подкрепил свои выводы, проливши новые свет на связь меланхолии и нормальной скорби, отрывками из двух историй болезни. Фактически это были первые два случая маниакальной депрессии, подвергшиеся тщательному анализу — новая веха в развитии психоанализа. До того времени было опубликовано немного клинического материала в поддержку открытия Фрейда относительно меланхолии. Как заявил Абрахам: «...Фрейд описал психосексуальный процесс у меланхоликов в его основных чертах так, как он интуитивно понял его в случаях лечения депрессивных больных. Подтверждение его теории достаточными казуистическими фактами до сих пор отсутствует в психоаналитической литературе»².

Но даже эти немногочисленные случаи привели Абрахама к пониманию того, что уже в детстве (в возрасте пяти лет) имело место настоящее состояние меланхолии. Он сказал, что склонен говорить о «первичной паратимии»³, происходящей из эдипова комплекса мальчика, и завершил это описание следующим образом: «Это состояние мы обозначаем как меланхолию»⁴.

Шандор Радо в статье «Проблема меланхолии»⁵ пошел дальше и предложил, что корень меланхолии можно найти в ситуации голода грудного ребенка. Он говорит: «Глубочайшую точку фиксации в депрессивной диспозиции следует искать в ситуации угрозы потери любви (Фрейд), особенно в ситуации голода у грудного ребенка»⁶. Ссылаясь на утверждение Фрейда о том, что при мании Эго вновь сливается с Супер-Эго в одно целое, Радо приходит к выводу, что «данний процесс является точным интрапсихическим повторением опыта слияния с матерью, имеющего место при сосании груди»⁷. Тем не менее, Радо не делал такого вывода в отношении эмоциональной жизни младенца; он обращался лишь к этиологии меланхолии.

4 (С. 214)

Обрисованная мною в этих двух разделах картина первых шести месяцев жизни подразумевает модификацию некоторых концептов, представленных

¹ [Abraham, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen. — Wien, Leipzig, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.]

² [Там же. С. 98—99.]

³ [Паратимия — дурное настроение.]

⁴ [Там же. С. 129.]

⁵ [Rado, S. The problem of melancholia. // I. J. PA. — 1928. — Vol. IX. — P. 420—438.]

⁶ [Ibid. P. 427.]

⁷ [Ibid. P. 428.]

в «Психоанализе детей»¹. Здесь я описала пересечение агрессивных импульсов из всех источников как «фазу максимального садизма». Я по-прежнему считаю, что агрессивные импульсы достигают своего пика во время стадии, на которой доминирует персекоторная тревога; или, другими словами, персекоторую тревогу пробуждает деструктивный инстинкт, и она постоянно подпитывается проекцией деструктивных импульсов на объекты. Поскольку неотъемлемой частью природы персекоторной тревоги является то, что она увеличивает ненависть и атаки на объект, считающийся преследующим, что, в свою очередь, усиливает переживание преследования.

Некоторое время спустя после публикации «Психоанализа детей» я разработала концепцию депрессивной позиции. Сейчас я вижу ее так: с продвижением объектных отношений в возрасте 3–6 месяцев уменьшаются деструктивные импульсы и персекоторная тревога, и возникает депрессивная позиция. Поэтому, несмотря на то, что мои взгляды относительно тесной связи персекоторной тревоги и доминирования садизма не изменились, я должна внести изменения относительно времени их появления. Прежде я предполагала, что фаза, на которой садизм достигает своего пика, наступает примерно в середине первого года; сейчас я бы сказала, что эта фаза охватывает первые три месяца жизни и соответствует параноидно-шизоидной позиции, описанной в первом разделе данной работы. Если бы мы допустили определенное индивидуально варьирующееся суммарное количество агрессии у младенца, думаю, в начале постнатальной жизни это количество было бы не меньше, чем на той стадии, когда каннибалистические, уретральные и анальные импульсы и фантазии действуют в полную силу. Рассматривая их лишь с позиции количества (точка зрения, которая, однако, не принимает во внимание различные другие факторы, детерминирующие действие двух инстинктов), можно сказать, что, по мере того как высвобождается больше источников агрессии и становятся возможными большие проявления агрессии, происходит процесс распределения. Развитию свойственно постепенное вступление в игру все возрастающего количества способностей, физических и психических; факт того, что импульсы и фантазии из различных источников перекрывают, взаимодействуют и усиливают друг друга, можно считать выражением прогресса в интеграции и синтезе. Более того, пересечение агрессивных импульсов и фантазий соответствует пересечению оральных, уретральных и анальных фантазий либидинозного характера. Это означает, что борьба между либидо и агрессией происходит на более широком поле. Как я говорила в «Психоанализе детей»:

«Возникновение стадий организации, с которыми мы знакомы, соответствует, я бы сказала, не только позициям, которые либидо отвоевало и заняло в своей борьбе с деструктивным инстинктом, но и, поскольку эти два компонента навсегда объединены, равно как и противопоставлены, все растущему урегулированию между ними»².

Способность младенца вступать в депрессивную позицию и устанавливать целостный объект внутри себя означает, что деструктивные импульсы и персекоторная тревога управляет им не так сильно, как на более ранней стадии.

¹ [(1932b). Наст. изд. Т. III.]

² Там же. Гл. IX. Р. 150.

Возрастающая интеграция вносит изменения в характер его тревоги, поскольку, когда любовь и ненависть становятся более синтезированными в отношении объекта, это, как мы видели, вызывает огромную психическую боль — депрессивные переживания и вину. Ненависть в некоторой степени смягчается любовью, тогда как на переживания любви в определенной мере влияет ненависть, в результате эмоции младенца по отношению к объектам меняются качественно. В то же время прогресс в интеграции и объектных отношениях дает Эго возможность развивать более эффективные способы борьбы с деструктивными импульсами и тревогой, которым они дают толчок. Тем не менее, не стоит упускать из вида тот факт, что садистические импульсы, особенно из-за того, что они действуют в различных зонах, являются самым мощным фактором в конфликтах младенца, возникающих на этой стадии; поскольку сущность депрессивной позиции заключается в тревоге младенца, как бы его любимый объект не был поврежден или разрушен его садизмом.

Эмоциональные и психические процессы на первом году жизни (вновь возникающие на протяжении первых 5–6 лет) можно определить с позиции успеха или неудачи в борьбе агрессии и либидо; проработка депрессивной позиции подразумевает, что в этой борьбе (возобновляемой при каждом психическом или физическом кризисе) Эго способно развивать адекватные методы борьбы с персекutorialной и депрессивной тревогами и способы их модификации — в конечном счете, уменьшая и загоняя в угол агрессию, направленную против любимых объектов.

Я выбрала термин «позиция» в отношении параноидной и депрессивной фаз, поскольку эти группировки тревог и защит, хотя и появляются впервые на самых ранних стадиях, не ограничиваются ими и возникают и повторяются на протяжении первых лет жизни, а при определенных обстоятельствах и в дальнейшей жизни.

**О НАБЛЮДЕНИИ
ЗА ПОВЕДЕНИЕМ МЛАДЕНЦЕВ
(1952г.)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: On observing the behaviour of young infants. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in Psycho-Analysis. — London: Hogarth Press, 1952. — Р. 237—270.

Издание на русском языке:

2001: О наблюдении за поведением младенцев. // Кляйн, М., Айзакс, С., Райвери, Дж., Хайманн, П. Развитие в психоанализе / Пер. с англ. — М.: Академический проект, 2001. — С. 342—393.

Данная статья, разработанная из вклада М. Кляйн в дискуссии 1943—1944 годов (см. предварительные замечания к статье «О теории тревоги и вины», наст. том, с. 103—127), составляет важную пару с предыдущей статьей («Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца»). В настоящей работе наблюдаемые у младенцев и маленьких детей переживания и детали поведения объясняются и освещаются с помощью сформулированной в предыдущей работе теории раннего эмоционального развития.

Теоретический интерес представляет четкая формулировка давно выдвигавшейся Кляйн гипотезы о том, что у младенца есть врожденное бессознательное знание уникального хорошего объекта, материнской груди.

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

I

Теоретические выводы, представленные в предыдущей работе¹, исходят из психоаналитической работы с маленькими детьми². Мы вправе ожидать, что эти выводы должны быть подкреплены наблюдениями за поведением младенцев в первый год их жизни. Тем не менее, такие доказательства имеют ограничения, поскольку, как мы знаем, бессознательные процессы в поведении как детей, так и взрослых обнаруживаются лишь отчасти. Помня об этом, мы можем найти некоторое подтверждение психоаналитических открытий в нашем изучении младенцев.

Многие детали поведения младенцев, прежде ускользавшие от нашего внимания или остававшиеся загадочными, стали более понятными и значимыми благодаря возросшему знанию ранних бессознательных процессов; другими словами, наша способность наблюдения в этой конкретной области обострилась. Несомненно, в изучении младенцев нам мешает их неспособность говорить, но существует множество деталей раннего эмоционального развития, которые можно получить другими средствами, без помощи языка. Однако, если мы желаем понять младенца, нам нужно не только достаточное количество знаний, но и полное взаимопонимание, основанное на тесном соприкосновении нашего бессознательного с его бессознательным.

А сейчас я предлагаю рассмотреть некоторые факты поведения младенцев в свете теоретических выводов, сделанных в ряде недавних публикаций. Поскольку здесь я не учитываю многочисленные вариации, существующие в сфере фундаментальных установок, мои описания будут довольно упрощенными. Также все

---

¹ [Речь идет о статье «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» (1952e). Наст. том. С. 187—230.]

² Анализ взрослых, если он достигает глубоких слоев психики, предоставляет похожий материал, убедительно свидетельствующий в пользу наших выводов о самых ранних, равно как и более поздних стадиях развития.

мои выводы о дальнейшем развитии необходимо квалифицировать, исходя из следующего соображения. С начала постнатальной жизни и на каждой стадии развития на результат влияют внешние факторы. Даже у взрослых, как мы знаем, окружающая среда и обстоятельства могут оказывать благоприятное или неблагоприятное влияние на установки и характер, а к детям это относится еще в большей степени. Поэтому в отношении выводов, взятых из моего психоаналитического опыта изучения младенцев, я лишь предполагаю возможные или, можно сказать, вероятные линии развития.

Новорожденный страдает от персекуторной тревоги, вызванной процессом рождения и потерей внутриутробной ситуации. Продолжительные или осложненные роды усиливают эту тревогу. Другой аспект этой ситуации тревоги в том, что младенцу обязательно необходимо приспособиться к совершенно новым условиям.

Эти переживания в некоторой степени ослабляются благодаря разнообразным мерам, предпринимаемым для того, чтобы согреть ребенка, поддержать его и успокоить, и в особенности удовлетворением, которое он испытывает при получении пищи и сосании груди. Эти переживания, достигающие кульминации в первом опыте сосания, инициируют, как мы предполагаем, отношение к «хорошей» матери. Оказывается, эти переживания удовлетворения некоторым образом направлены и на возмещение потери внутриутробного состояния. Начиная с первого опыта кормления, потеря и обретение любимого объекта (хорошей груди) становится неотъемлемой частью эмоциональной жизни младенца.

Отношение младенца к своему первому объекту, матери, и к пище с самого начала связаны друг с другом. Поэтому изучение фундаментальных паттернов установок к пище представляется лучшим подходом к пониманию младенцев¹.

Первоначальная установка к пище может варьироваться от явного отсутствия жадности до сильной алчности. Здесь я кратко повторю

¹ Что касается фундаментального значения оральных черт для формирования характера, ср. работу Абрахама «К вопросу об образовании характера на “генитальной” ступени развития»^[a].

^[a] Abraham, K. Zur Charakterbildung auf der «genitalen» Entwicklungsstufe (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1925. — S. 52—64.

некоторые из своих выводов относительно жадности: в предыдущей работе я предположила, что жадность возникает, когда при взаимодействии либидинозных и агрессивных импульсов последние усиливаются; жадность с самого начала может быть увеличена персекуторной тревогой. С другой стороны, как я указывала, самые ранние торможения в кормлении младенца также можно приписать персекуторной тревоге; это значит, что в одних случаях персекуторная тревога усиливает жадность, а в других тормозит ее. Поскольку жадность присуща первым желаниям, направленным на грудь, она существенно влияет на отношение к матери и объектные отношения в целом.

II

Значительные различия в установке к сосанию заметны у детей уже в первые дни жизни¹, а со временем они становятся еще более выражеными. Безусловно, необходимо принимать во внимание каждую деталь в том, как мать кормит ребенка и обращается с ним. Можно наблюдать, как первоначально многообещающая установка к пище может быть нарушена неблагоприятными условиями кормления; тогда как трудности при сосании порой могут быть смягчены материнской любовью и терпением². Некоторые дети, будучи хорошими едоками, не проявляют жадности и выказывают безошибочные признаки любви и развивающегося интереса к матери на самой ранней стадии развития — установка,

¹ Микаэль Балинт (в работе «Индивидуальные различия в раннем младенчестве»^[a]) в результате наблюдения за 100 младенцами в возрасте от пяти дней до восьми месяцев пришел к выводу, что ритм сосания у младенцев варьируется, каждый младенец обладает индивидуальным ритмом или ритмами.

^[a] Balint, M. Individual differences of behavior in early infancy and an objective way of recording them. // Journal of Genetic Psychology. — 1948. — Vol. 73. — P. 57—117, особенно p. 57—79 и p. 81—117.

² Хотя мы не должны забывать, что, несмотря на важность этих первых влияний, воздействие окружающей среды имеет огромное значение на каждой стадии развития ребенка. Даже благотворное влияние самого раннего воспитания может быть в некоторой степени перечеркнуто более поздним пагубным опытом точно так же, как трудности, возникшие в ранней жизни, могут быть уменьшены последующими благотворными влияниями. В то же время нам следует помнить, что некоторые дети, кажется, переносят неудовлетворительные внешние условия без серьезного вреда для своего характера и психической стабильности, в то время как у других детей, несмотря на благоприятное окружение, возникают и сохраняются серьезные трудности.

содержащая существенные элементы объектного отношения. Мне довелось видеть младенцев в возрасте трех недель, которые ненадолго прерывали сосание, чтобы поиграть с грудью матери или посмотреть ей в лицо. Я также наблюдала, как младенцы — даже уже на втором месяце — лежа в периоды бодрствования после кормления у матери на коленях, смотрели на нее, слушали ее голос и отвечали на него, меняя выражение лица; это было похоже на любовный разговор матери и ребенка. Такое поведение означает, что удовлетворение в равной степени относится и к объекту, дающему пищу, и к самой пище. Полагаю, явные признаки объектного отношения на ранней стадии развития вместе с удовольствием от пищи служат предзнаменованием хороших дальнейших отношений с людьми и эмоционального развития в целом. Можно сделать вывод, что у этих детей тревога не чрезмерна в соотношении с силой Эго, т. е. Эго уже в некоторой мере способно выдерживать Фрустрацию и тревогу иправляться с ними. В то же время мы должны признать, что врожденная способность к любви, проявляющаяся в раннем объектном отношении, может свободно развиваться лишь потому, что тревога не чрезмерна.

С этой позиции интересно рассмотреть поведение некоторых младенцев в первые дни жизни, описанное Миддлмор под заголовком «ленивые удовлетворенные груднички»¹. Вот как она описывает их поведение: «Поскольку их сосательный рефлекс проявился не сразу, они могли свободно подходить к груди разными способами». К четвертому дню эти младенцы кушали стабильно и очень нежно относились к груди. «...казалось, им нравилось лизать и брать в рот сосок не меньше, чем сосать. Интересным последствием такого раннего распределения приятных ощущений была привычка игры. Один такой ленивый ребенок каждое кормление начинал с игры с соском, предпочитая эту игру сосанию. На третьей неделе матери удалось перенести привычную игру на конец кормления, и, к восторгу матери и ребенка, это продолжалось на протяжении десяти месяцев грудного вскармливания»². Поскольку «ленивые удовлетворенные груднички» и становились хорошими едоками и продолжали играть у груди, смею предположить, что для них отношение к первому объекту (груди)

---

¹ Middlemore, M.P. The Nursing Couple. — London: Hamish Hamilton, 1941. — P. 49—50.

² Ibid.

с самого начала было столь же важным, как и удовлетворение, получаемое от сосания и пищи. Можно пойти еще дальше. Тот факт, что у некоторых детей сосательный рефлекс проявляется не сразу, может быть обусловлен соматическими факторами, но есть все основания полагать, что в этом задействованы и психические процессы. Я предполагаю, что нежный подход к груди, предшествующий удовольствию от сосания, в какой-то мере может быть и результатом тревоги.

В предыдущей работе я обращалась к своей гипотезе о том, что возникающие в начале жизни трудности в сосании связаны с персекуторной тревогой. Агрессивные импульсы младенца по отношению к груди имеют тенденцию превращать ее в своей психике в вампироподобный или пожирающий объект, и эта тревога может затормозить жадность и, как следствие, желание сосать. Поэтому я бы предположила, что «ленивый удовлетворенный грудничок» может бороться с этой тревогой, ограничивая желание сосать до тех пор, пока он не установит безопасное либидинозное отношение к груди, облизывая и беря ее в рот. Это значит, что с начала постнатальной жизни некоторые младенцы пытаются противодействовать персекуторной тревоге по поводу «плохой» груди, устанавливая «хорошее» отношение к груди. Младенцы, способные к явному обращению к объекту уже на столь ранней стадии, по-видимому, обладают, как предполагалось выше, сильной способностью к любви.

Давайте рассмотрим с этой точки зрения другую группу младенцев, описанную Миддлмор. Она наблюдала, что четверо из семи «активных удовлетворенных грудничков» кусали сосок, причем эти дети «кусали сосок не для того, чтобы лучше удержать его; двое младенцев, чаще всех кусавшие сосок, имели свободный доступ к груди». Более того, «казалось, активные дети, очень часто кусавшие сосок, наслаждались кусанием; их кусание было неторопливым, совсем не похожим на беспокойное жевание неудовлетворенных детей...»¹. Такое раннее

¹ Миддлмор предполагает, что импульсы кусать входят в агрессивное поведение младенца по отношению к соску задолго до того, как у него появляются первые зубы, даже несмотря на то, что он редко сжимает грудь своими деснами. В этой связи Миддлмор упоминает Уоллера^[a] (раздел «Грудное вскармливание» в книге «Энциклопедия практикующего врача. Акушерство и женские расстройства»), который «говорит о возбужденных младенцах, сердито кусающих грудь и атакующих ее с завидной силой» (*Ibid.* P. 58–59).

[a] *Waller. The Practitioner's Encyclopedia of Midwifery and the Diseases of Women. — London, 1921.*

выражение удовольствия от кусания может привести нас к выводу, что деструктивные импульсы у этих детей не сдерживались, поэтому жадность и либидинозное желание сосать не ослабевали. Однако даже эти младенцы не были так несдержаны, как может показаться, поскольку трое из семи «с криками протesta отбивались от нескольких первых кормлений. Иной раз они кричали при нежнейшем обращении с ними и контакте с соском и испражнялись при этом; однако в следующее кормление они были полностью поглощены сосанием»¹. Думаю, это указывает на то, что жадность может быть усиlena тревогой, в противовес «ленивым удовлетворенным грудничкам», у которых тревога вызывает ограничение жадности.

Миддлмор упоминает, что из наблюдаемых ею семи «ленивых удовлетворенных» младенцев с шестью матери обращались очень нежно, тогда как некоторые «неудовлетворенные груднички» вызывали у матери тревогу, и она теряла терпение. Такая установка, безусловно, увеличивает тревогу ребенка, и таким образом устанавливается порочный круг.

Что касается «ленивых удовлетворенных грудничков», если, как я предполагала, отношение к первому объекту используется в качестве основного способа противодействия тревоге, любое нарушение в отношении к матери неизменно пробудит тревогу и может привести к серьезным трудностям в принятии пищи. Кажется, что установка матери в случае «активных удовлетворенных грудничков» не играет большой роли, однако такой вывод может ввести нас в заблуждение. Насколько я понимаю, с такими младенцами опасность кроется не столько в нарушении кормления (хотя даже у очень жадных детей возникают торможения в кормлении), сколько в ухудшении объектного отношения.

Можно сделать вывод, что терпеливое и понимающее отношение матери имеет важнейшее значение для всех детей с первых дней рождения. Это становится более очевидным с накоплением наших знаний о ранней эмоциональной жизни. Как я уже указывала: «Тот факт, что хорошее отношение к матери и внешнему миру помогает младенцу преодолеть ранние параноидные тревоги, проливает новый свет на важность самого раннего опыта. С самого начала анализ

¹ Middlemore, M.P. The Nursing Couple. — London: Hamish Hamilton, 1941. — P. 47—48.

всегда подчеркивал значимость раннего опыта ребенка, однако мне кажется, что лишь поскольку мы знаем больше о природе и содержании его ранних тревог, а также о непрерывном взаимодействии между его фактическим опытом и фантазийной жизнью, мы можем полностью понять, почему внешний фактор столь важен¹.

На каждом этапе персекуторную и депрессивную тревоги можно ослабить или, наоборот, усилить соответствующей установкой матери; и на степень доминирования в бессознательном младенца помогающих или преследующих фигур во многом влияет фактический опыт, прежде всего с матерью, а вскоре и с отцом и другими членами семьи.

III

Тесная связь младенца с матерью сосредоточивается на отношении к ее груди. Несмотря на то, что с самых первых дней младенец реагирует и на другие признаки матери — ее голос, лицо, руки — фундаментальные переживания счастья и любви, фрустрации и ненависти, неразрывно связаны с материнской грудью. Эта ранняя связь с матерью, крепнувшая по мере того, как грудь надежно устанавливается во внутреннем мире ребенка, существенно влияет на все другие взаимоотношения, в первую очередь с отцом; она лежит в основе способности формировать глубокую и сильную привязанность к одному человеку.

Что касается детей, вскармливаемых из бутылочки, бутылочка может занять место груди, если ситуация кормления максимально приближена к грудному, т. е. если существует физическая близость с матерью, и с младенцем обращаются и кормят его с любовью. При таких условиях младенец способен установить внутри себя объект, считающийся основным источником хорошести. В этом смысле он вбирает в себя хорошую грудь, процесс, лежащий в основе надежного отношения к матери. Тем не менее, как выясняется, интроверсия хорошей груди (хорошей матери) некоторым образом различается у детей, вскармливаемых грудью и не имеющих такого опыта.

---

¹ Ср. «Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний» [(1935а). Наст. изд. Т. II. С. 172—173].

Обсуждение этих различий и их влияния на психическую жизнь выходит за пределы данной статьи. (См. прим. 1, с. 262.)

В своем описании самых ранних объектных отношений я упоминала о детях, которые, будучи хорошими едоками, не выказывают чрезмерной жадности. Среди очень жадных младенцев есть и такие, кто демонстрирует ранние признаки развивающегося интереса к людям, в котором, однако, можно обнаружить сходство с их жадной установкой к пище. К примеру, острые потребности в присутствии людей зачастую, кажется, относятся не к самому человеку, а к желаемому вниманию. Такие дети с трудом переносят, когда их оставляют одних, кажется, они постоянно требуют удовлетворения либо пищей, либо вниманием. Это указывает на то, что тревога усиливает жадность и что не удалось ни надежно установить хороший объект во внутреннем мире, ни выстроить доверие к матери как кющему внешнему объекту. Эта неудача может вызвать трудности в будущем: например, жадную и тревожную потребность в компании, нередко сочетающуюся со страхом одиночества, что может привести к нестабильным и мимолетным объектным отношениям, которые можно назвать «беспорядочными».

IV

Теперь обратимся к младенцам, которые едят плохо. Очень медленный прием пищи часто свидетельствует о недостатке наслаждения, т. е. либидинозного удовлетворения; если это сочетается с явным ранним интересом к матери и другим людям, предполагается, что объектные отношения отчасти используются как бегство от персекурторной тревоги, связанной с пищей. Хотя у таких детей могут развиваться хорошие отношения с людьми, чрезмерная тревога, проявляющаяся в этой установке к пище, сохраняет опасность для эмоциональной стабильности. Одной из разнообразных трудностей, которые могут возникнуть позднее, является торможение в принятии сублимированной пищи, т. е. нарушение в интеллектуальном развитии.

Явный отказ от пищи (в сравнении с ее медленным приемом) — ясный признак серьезного нарушения, хотя у некоторых детей эта

трудность уменьшается, когда вводится новая пища, например, бутылочка вместо груди или твердая пища вместо жидкой.

Недостаток наслаждения от пищи или полный отказ от нее в сочетании с дефицитом в развитии объектных отношений указывает на то, что параноидные и шизоидные механизмы, достигающие своего пика к 3–4 месяцам жизни, чрезмерны или что Эго неадекватно в борьбе с ними. Это, в свою очередь, предполагает, что деструктивные импульсы и персекуторная тревога доминируют, защиты Эго неадекватны, а модификация тревоги недостаточна.

Другой тип дефицитных объектных отношений — отличительная черта некоторых чрезмерно жадных детей. Для них пища становится практически единственным источником удовольствия, и люди им мало интересны. Я бы сделала вывод, что они тоже не проработали успешно параноидно-шизоидную позицию.

V

Можно наблюдать установку младенца к фruстрации. Некоторые младенцы — среди них хорошие едоки — могут отказываться от пищи, когда еда задерживается, или выказывать другие признаки нарушения в отношении к матери. Младенцы, демонстрирующие и удовольствие от пищи и любовь к матери, переносят связанную с пищей фрустрацию легче, вытекающее отсюда нарушение в отношении к матери менее серьезно, а его эффекты не столь продолжительны. Это показатель того, что доверие и любовь к матери установились относительно хорошо.

Такие фундаментальные установки влияют и на то, каким образом даже самые маленькие дети принимают кормление из бутылочки (дополняющее грудное вскармливание или заменяющее его). Некоторые дети испытывают сильное чувство обиды, когда вводится кормление из бутылочки; они расценивают это как потерю первичного хорошего объекта и как лишение, навязанное «плохой» матерью. Такие переживания неизбежно проявляются в отказе от новой пищи; однако персекуторная тревога и недоверие, вызванные этим опытом, могут нарушить отношение к матери, а потому увеличить фобические тревоги, такие как страх незнакомцев (на этой ранней стадии новая пища — в каком-то смысле

незнакомец); или связанные с пищею трудности могут появиться позднее, или может быть затруднено принятие пищи в сублимированных формах, например, в форме знаний.

Другие дети принимают новую пищу с меньшим негодованием. Это подразумевает большую действительную терпимость к лишению, что отличается от явного подчинения ему и исходит от относительно надежного отношения к матери, позволяющей младенцу обращаться к новой пище (и объекту), сохраняя при этом любовь к ней.

Следующий пример иллюстрирует то, как ребенок пришел к принятию кормления из бутылочки, дополняющего грудное вскармливание. Девочка *А* была хорошим едоком (но не чрезмерно жадной) и вскоре стала проявлять описанные мною выше признаки развивающегося объектного отношения. Эти хорошие отношения к пище и матери проявлялись в неторопливой манере принятия пищи в сочетании с очевидным наслаждением от нее; когда ей было только несколько недель, она время от времени прерывала кормление, чтобы посмотреть на лицо матери или на ее грудь; а чуть позднее даже дружелюбно посматривала на семью во время своего кормления. В возрасте шести недель к вечернему кормлению пришлось ввести бутылочку, т. к. грудного молока было недостаточно. *А* приняла бутылочку без всяких затруднений. Тем не менее, на десятой неделе она два вечера выказывала признаки нежелания, когда сосала из бутылочки, однако опустошала ее. На третий вечер она вовсе отказалась от бутылочки. Кажется, на тот момент у нее не было никаких физических или психических нарушений; сон и аппетит были в норме. Мать, не желая принуждать девочку, положила ее в кроватку после кормления грудью, надеясь, что та уснет. Ребенок плакал от голода, тогда мать, не боясь девочку на руки, дала ей бутылочку, которую та охотно опустошила. То же самое произошло в последующие вечера: на коленях у матери девочка отказывалась от бутылочки, но принимала ее сразу же, когда ее укладывали в кроватку. Несколько дней спустя ребенок принимал бутылочку лежа на руках матери и на этот раз охотно сосал; с введением бутылочек в другое время трудностей не возникало.

Я бы предположила, что в данном случае депрессивная тревога возрастила и приводила к отворачиванию ребенка от бутылочки, которую давали сразу же после кормления грудью. Данный факт

предполагает относительно раннее начало депрессивной тревоги¹, что, однако, соотносится с тем, что у данного ребенка отношение к матери развились весьма рано и отчетливо; изменения в этом отношении были вполне заметны на протяжении нескольких недель, предшествовавших отказу от бутылочки. Я бы сделала вывод, что из-за возрастания депрессивной тревоги близость к материнской груди и ее запах усиливали как желание младенца быть накормленным ею, так и фрустрацию, вызванную тем, что грудь пуста. Когда же *A* лежала в кроватке, она принимала бутылочку потому, что, как я бы предположила, в этой ситуации новая пища обособлялась от желаемой груди, которая в этот момент превращалась в фрустрирующую и поврежденную грудь. Таким образом, девочке было легче сохранить отношение к матери неиспорченным вызванной фрустрацией ненавистью, т. е. сохранить хорошую мать (хорошую грудь) нетронутой.

Нам еще предстоит объяснить, почему по прошествии нескольких дней ребенок принял бутылочку лежа на коленях у матери и впоследствии не имел никаких трудностей с бутылочками. Думаю, что за эти дни ей удалось преодолеть тревогу достаточным образом, чтобы с меньшим негодованием принять замещающий объект вместе с первичным; это подразумевает первый шаг к разделению пищи и матери, разделению, которое в целом имеет фундаментальное значение для развития.

Теперь приведу пример нарушения в отношении с матерью, не связанного напрямую с фрустрацией по поводу пищи. Одна мать рассказала мне, что когда ее дочке *B* было пять месяцев, ее оставили плачущей дольше, чем обычно. Когда мать, наконец, подошла и взяла ребенка на руки, она нашла его в «истерическом» состоянии; ребенок был в ужасе, он, очевидно, испугался ее и, казалось, не узнавал. Только по прошествии какого-то времени девочка вновь полностью восстановила контакт с матерью. Важно то, что это случилось днем, когда ребенок бодрствовал после кормления. Обычно этот ребенок спал хорошо, но время от времени просыпался, плача без всякой видимой на то причины. Есть все основания полагать, что тревога, лежащая в основе плача в дневное время, была и причиной

¹ На мой взгляд, как утверждалось в предыдущей работе, депрессивная тревога в какой-то мере уже действует в первые три месяца жизни ребенка, выходя на передний план во второй четверти первого года.

нарушенного сна. Я бы предположила, что в психике ребенка мать превратилась в плохую (преследующую), потому что она не пришла, когда ребенок так ждал ее, и именно поэтому он, кажется, не узнал ее и испугался.

Следующий пример также показателен. Девочку С в возрасте двенадцати недель оставили спящей в саду. Она проснулась иззаплакала, зовя мать, но ее плач не был слышен из-за сильного ветра. Когда мать, наконец, пришла, чтобы забрать ее, девочка плакала уже долгое время, ее лицо было в слезах, а привычный жалобный плач превратился в неконтролируемый рев. Ребенка занесли в дом, он не переставал кричать, и все попытки матери успокоить его были тщетны. В конце концов, хотя оставался час до очередного кормления, мать решила дать девочке грудь — средство, никогда не подводившее ее прежде, когда ребенок был расстроен (хотя раньше она никогда не кричала так неистово и настойчиво). Ребенок взял грудь и стал вожделенно сосать ее, но после нескольких сосаний отверг ее и снова начал кричать. Это продолжалось до тех пор, пока девочка не засунула пальцы в рот и не начала их сосать. Она часто сосала свои пальцы и во многих случаях засовывала их в рот, когда ей предлагали грудь. Как правило, матери нужно было только нежно убрать пальцы, заменив их соском, и ребенок начинал кушать. Однако на этот раз она отказалась от груди и снова стала громко кричать. Вскоре она вновь стала сосать пальцы; мать позволила ей сосать их несколько минут, укачивая и утешая ее при этом, пока ребенок не успокоился и не взял грудь и сосал ее, пока не уснул. Представляется, что у этого ребенка мать (и ее грудь) по тем же причинам, что и в предыдущем примере, стали плохими и преследующими, и поэтому грудь не могла быть принята. Попытавшись сосать, девочка поняла, что не может восстановить отношение к хорошей груди. Она прибегла к сосанию своих пальцев, так сказать, к аутоэротическому удовольствию (Фрейд). Тем не менее, я бы добавила, что в данном случае нарциссический уход был вызван нарушением в отношении к матери и что ребенок отказывался прекращать сосать пальцы, потому что они внушали больше доверия, чем грудь. Пососав их, девочка восстановила отношение к внутренней груди и таким образом вновь обрела достаточную безопасность, чтобы возобновить хорошее отношение к внешней

груди и матери¹. Полагаю, оба примера углубляют наше понимание механизма ранних фобий, например, страха, вызванного отсутствием матери (Фрейд)². Я бы предположила, что фобии, возникающие в первые месяцы жизни, вызываются персекуторной тревогой, нарушающей отношение к интернализированной и внешней матери³.

Следующий пример также иллюстрирует разделение между хорошей и плохой матерью и сильную (фобическую) тревогу, касающуюся плохой матери. Бабушка поднесла своего десятимесячного внука *D* к окну, и он смотрел на улицу с огромным интересом. Когда он оглянулся, то увидел прямо перед собой незнакомое лицо пожилой женщины, только что пришедшей к ним и стоявшей за его бабушкой. У него начался приступ тревоги, прекратившийся только когда бабушка унесла его из комнаты. Я прихожу к выводу, что в тот момент ребенок посчитал, что «хорошая» бабушка исчезла, а незнакомая женщина репрезентировала «плохую» бабушку (разделение, основанное на расщеплении матери на хороший и плохой объекты). Я вернусь к этому примеру позднее.

Такое объяснение ранних тревог также проливает новый свет на фобии незнакомцев (Фрейд). На мой взгляд, преследующий аспект матери (или отца), в основном, исходящий от деструктивных импульсов по отношению к ним, переносится на незнакомцев.

VI

Описанные мною нарушения в отношении младенца к матери можно наблюдать уже в первые 3–4 месяца жизни. Если эти нарушения случаются часто и делятся долго, их следует считать

¹ Ср. Хайманн^[a], часть 2, раздел b) «Автоэротизм, нарциссизм и самые ранние отношения к объектам».

^[a] Heimann, P. Certain functions of introjection and projection in early infancy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 122–168.

² Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 111–205.

³ См. «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» [(1952e). Наст. том. С. 187–230] и «О теории тревоги и вины» [(1948a). Наст. том. С. 103–127].

признаком того, что младенец не справляется эффективно с параноидно-шизоидной позицией.

Постоянное отсутствие интереса к матери даже на этой ранней стадии, а в дальнейшем безразличие к людям в целом, а также к игрушкам говорят о более серьезном нарушении того же рода. Такую установку можно наблюдать и у младенцев, не являющихся плохими едоками. Поверхностному наблюдателю эти дети, которые не плачут много, могут показаться довольными и «хорошими». Из анализа взрослых и детей, чьи серьезные трудности я смогла проследить до младенчества, я пришла к выводу, что в действительности многие из таких младенцев психически больны и ушли от внешнего мира из-за сильной персекуторной тревоги и чрезмерного использования шизоидных механизмов. Вследствие этого депрессивная тревога не может быть успешно преодолена; способность к любви и объектным отношениям, равно как и к фантазийной жизни, тормозится; процесс символообразования затрудняется, в результате приводя к торможению интересов и сублимаций.

Такая установка, которую можно назвать апатичной, отличается от поведения по-настоящему довольного младенца, который временами требует внимания, плачет, когда чувствует себя фрустрированным, выказывает различные признаки интереса к людям и удовольствия от их компаний и в то же время иногда чувствует себя вполне счастливым в одиночестве. Это указывает на чувство безопасности по поводу внутренних и внешних объектов; он может переносить временно отсутствие матери без тревоги, потому что хорошая мать относительно надежна в его психике.

VII

В других параграфах я описала депрессивную позицию с разных сторон. Здесь рассмотрим влияние депрессивной тревоги прежде всего в связи с фобиями: до сих пор я относила их только к персекуторной тревоге и проиллюстрировала эту точку зрения некоторыми примерами. Так, я предположила, что пятимесячная девочка *B* испугалась своей матери, в ее психике превратившейся из хорошей в плохую, и высказала мнение, что эта персекуторная тревога нарушила и ее сон. Сейчас я бы предположила, что нарушение в отношении к матери

было вызвано и депрессивной тревогой. Когда мать не вернулась, на передний план вышла тревога о том, как бы хорошая мать не была потеряна из-за того, что жадность и агрессивные импульсы разрушили ее; эта депрессивная тревога была связана со страхом преследования, что хорошая мать превратилась в плохую.

В следующем примере депрессивная тревога также была вызвана тем, что младенец скучал по матери. Начиная с возраста 6—7 недель, девочка С приучилась за час до вечернего кормления играть лежа на коленях у матери. Однажды, когда ребенку было пять месяцев и одна неделя, к матери пришли гости, и она оказалась слишком занятой, чтобы играть с девочкой, которая, однако, получила много внимания от семьи и гостей. Мать, как обычно, покормила С вечером, затем уложила ее в кроватку, и девочка быстро уснула. Через два часа она проснулась и начала настойчиво плакать; она отказывалась от молока (которое ей уже давали из ложки в качестве дополнительного кормления и которое обычно девочка принимала) и продолжала плакать. Мать оставила попытку накормить ребенка, и тогда девочка, довольная, устроилась у нее на коленях и играла с ее пальцами в течение часа, затем в привычное время мать покормила девочку, и та быстро уснула. Такое нарушение было крайне необычным; девочка могла просыпаться по другим причинам после вечернего кормления, но только однажды, когда она была больна (примерно за два месяца до этого), она проснулась и заплакала. За исключением пропущенной игры с матерью, не было никаких изменений в привычном режиме, которые могли бы объяснить ее пробуждение и плач. Не было признаков голода или физического дискомфорта; она была счастливой весь день и хорошо спала ночью после случившегося.

Я бы предположила, что плач ребенка был вызван пропущенной игрой с матерью. У С было очень сильное личное отношение к ней, она всегда наслаждалась этим часом игры. Тогда как в другие периоды бодрствования она была вполне довольна наедине с собой, в это время суток она становилась беспокойной и явно ожидала, что мать поиграет с ней до вечернего кормления. Если нарушение сна было вызвано пропуском этого удовольствия, можно сделать следующие выводы. Необходимо предположить, что у ребенка было воспоминание об опыте этого конкретного наслаждения в это конкретное время суток; эта игра была для ребенка не только сильным удовлет-

ворением либидинозных желаний, она также считалась доказательством любящего отношения с матерью — в конечном счете, доказательством надежного обладания хорошей матерью; и именно это давало девочке чувство безопасности перед засыпанием, связанным с воспоминанием об игре. Ее сон был нарушен не только потому, что она не получила это либидинозное удовольствие, но и потому, что эта фрустрация пробудила у нее обе формы тревоги: депрессивную тревогу о том, как бы она не потеряла хорошую мать из-за своих агрессивных импульсов, и, как следствие, переживания вины¹; а также персекуторную тревогу о том, как бы мать не превратилась в плохую и деструктивную. Мой общий вывод таков, что, начиная примерно с трех-четырех месяцев, обе формы тревоги лежат в основе фобий.

Депрессивная позиция связана с некоторыми важными изменениями, которые можно наблюдать у младенцев к середине первого года (хотя они начинаются раньше и постепенно развиваются). На этой стадии персекуторная и депрессивная тревоги выражаются различным образом, например, возросшая капризность, большая потребность во внимании или временное отворачивание от матери, внезапные приступы раздражительности и больший страх незнакомцев; также дети, которые обычно хорошо спят, иногда всхлипывают во сне или внезапно просыпаются, плача с явными признаками страха или печали. На этой стадии значительно меняется выражение лица; большая способность к восприятию, больший интерес к людям и вещам, готовая реакция на контакты с людьми — все это отражается во внешности ребенка. С другой стороны, появляются признаки печали и страдания, которые, будучи мимолетными, все же вносят свой вклад в то, что лицо ребенка все больше начинает выражать эмоции как более глубокой природы, так и более разнообразного спектра.

VIII

Депрессивная позиция выходит на передний план в период отлучения от груди. Как было сказано выше, в то время как прогресс

---

¹ У младенцев постарше можно наблюдать, что если они не получают перед сном ожидаемых знаков любви, их сон, вероятно, будет нарушен; и эта интенсификация потребности в любви в момент расставания связана с переживаниями вины и желанием быть прощенным и помирившимся с матерью.

в интеграции и соответствующие процессы синтеза в отношении к объекту дают начало депрессивным переживаниям, эти переживания далее интенсифицируются опытом отлучения от груди¹. На этой стадии младенец уже подвергся раннему опыту потери, например, когда страстно желаемая грудь (или бутылочка) не появлялась вновь немедленно, и ребенок считал, что она уже никогда не вернется. Однако потеря груди (или бутылочки), имеющая место при отлучении от груди, — другого порядка. Считается, что эта потеря первого любимого объекта подтверждает все имеющиеся у младенца тревоги преследующего и депрессивного характера. (См. прим. 2, с. 264.)

Следующий пример послужит нам иллюстрацией. Младенец Е, отлученный от последнего грудного кормления в девять месяцев, не выказывал особого нарушения в установке к пище. К этому времени он уже принимал другую пищу и прекрасно развивался физически. Однако он демонстрировал возросшую потребность в присутствии матери и во внимании и в компании в целом. Как-то неделю спустя после последнего кормления грудью он начал всхлипывать во сне, проснулся с признаками тревоги и несчастья и не мог успокоиться. Мать решила дать ему пососать грудь еще раз. Он сосал обе груди

¹ Бернфельд в своей работе «Психология младенца»^[1] пришел к важному выводу, что отлучение от груди связано с депрессивными переживаниями. Он описывает разнообразное поведение младенцев в период отлучения от груди, варьирующееся от едва заметной тоски и грусти до настоящей апатии и полного отказа от питания, и сравнивает состояния тревоги и беспокойства, раздражительности и некоторой апатии, которые могут овладевать взрослым, с похожим состоянием у младенца. Среди методов преодоления фruстрации отлучения от груди он упоминает удаление либido от разочаровывающего объекта путем проекции и вытеснения. Он квалифицирует использование термина «вытеснение» как «заимствованное у развитого состояния взрослого». Тем не менее, он делает вывод, что «...его существенные качества присутствуют в этих процессах» (у младенца). Бернфельд выдвигает предположение, что отлучение от груди — первая очевидная причина, от которой отходит патологическое психическое развитие, и пищевые неврозы младенцев являются факторами, содействующими предрасположенности к неврозу. Один из его выводов гласит, что поскольку некоторые из процессов, посредством которых младенец преодолевает грусть и переживание потери при отлучении от груди, работают бесшумно, вывод об «эффектах отлучения от груди будет исходить от глубокого знания реакции ребенка на свой мир и свою деятельность, которая является выражением фантазийной жизни или, по крайней мере, ее ядром» (*Ibid.* Р. 259, курсив мой).

^[1] Bernfeld, S. The Psychology of the Infant. — New York: Brentanos, 1929.

в течение привычного времени, и, хотя молока явно было мало, он, казалось, был полностью удовлетворен, заснул счастливым, и после этого опыта описанные выше симптомы намного ослабели. Это показывает, что депрессивная тревога, связанная с потерей хорошего объекта, груди, ослабла благодаря тому, что этот объект появился вновь.

В период отлучения от груди у некоторых младенцев ухудшается аппетит, у некоторых возрастает жадность, тогда как другие колеблются между двумя этими реакциями. При отлучении от груди такие изменения происходят на каждом этапе. Есть дети, которые гораздо большие наслаждения получают от бутылочки, чем от сосания груди, даже несмотря на то, что некоторые из них имели удовлетворительное грудное вскармливание; у других аппетит намного улучшается, когда вводится твердая пища, и опять же есть младенцы, у которых в данный момент возникают трудности с кормлением, в той или иной форме сохраняющиеся на протяжении всего раннего детства¹. Многие младенцы принимают пищу только определенного вкуса, определенной консистенции и отвергают другую. Анализируя детей, мы узнаем многое о мотивах подобных «прихотей» и обнаруживаем их глубочайшие корни в самых ранних тревогах в отношении к матери. Я проиллюстрирую данный вывод примером поведения пятимесячной девочки *F*, которую кормили грудью и в то же время с самого начала прикармливали из бутылочки. Она с неистовым гневом отказывалась принимать твердую пищу, такую как овощи, из рук матери, и совершенно спокойно принимала ее из рук отца. По прошествии двух недель она принимала новую пищу и от матери. Согласно достоверному сообщению, у девочки, которой сейчас шесть лет, хорошие отношения с обоими родителями, равно как и с братом, однако у нее плохой аппетит.

Здесь нам вспоминается девочка *A* и то, как она принимала бутылочки, дополняющие кормление грудью. Девочке *F* тоже понадо-

¹ Сьюзен Айзакс в своей работе «Социальное развитие у маленьких детей»^[a], особенно в гл. 3, раздел II, приводит примеры трудностей в кормлении и обсуждает их в связи с тревогами, возникающими из орального садизма. Интересные наблюдения приводятся и в работе Д.В. Винникотта «Детские расстройства»^[b], особенно на р. 16 и 17.

^[a] Isaacs, S. Social Development in Young Children. — London: Routledge, 1933.

^[b] Winnicott, D.W. Disorders of Childhood. — London: Heinemann, 1931.

билось определенное время прежде, чем она смогла достаточно адаптироваться и принимать новую пищу из рук матери.

На протяжении всей этой работы я пыталась показать, что установка к пище в основе своей связана с отношением к матери и затрагивает всю эмоциональную жизнь младенца. Опыт отлучения от груди пробуждает глубочайшие эмоции и тревоги младенца, и более интегрированное Это развивает сильные защиты от них; как тревоги, так и защиты являются частью установки к пище. Здесь я должна ограничиться несколькими обобщениями об изменениях в установках к пище в период отлучения от груди. В основе многих трудностей, касающихся новой пищи, лежит персекуторный страх быть сожранным и отправленным плохой грудью матери — страх, исходящий из фантазий младенца о пожирании и отравлении груди¹. На более поздней стадии к персекуторной тревоге добавляется (хотя и в разной степени)

¹ Ранее я выдвигала предположение, что фантазии младенца об атаке материнского тела ядовитыми (взрывающимися и обжигающими) экскрементами являются фундаментальной причиной страха быть отправленным ею и лежат в основе паранойи; подобным образом импульсы сожрать мать (и ее грудь) превращают ее в психике младенца в пожирающий и опасный объект. («Ранние стадии эдипова конфликта» [(1928а). Наст. изд. Т. I. С. 289—308]; «Значение символообразования в развитии Эго» [(1930а). Наст. изд. Т. II. С. 37—56]; а также «Психоанализ детей» [(1932б). Наст. изд. Т. III], особенно гл. VIII.) Фрейд также упоминает о страхе маленькой девочки быть убитой или отправленной матерью; страх, который, он говорит, «может позднее сформировать ядро параноидного заболевания» (*Freud, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse* (1933а). // G. W. — Bd. XV. — S. 128. [«Новые лекции по введению в психоанализ»]). И далее: «С отнятием груди, вероятно, связан и страх отравления. Яд есть питание, делающее больным» (*Ibid.* S. 130—131). В своей более ранней работе «О женской сексуальности»^[a] Фрейд также говорит об опасении девочки на доэдиповой стадии «быть убитой (сожранной?) матерью» (*Ibid.* S. 519). Он предполагает, что «этот страх соответствует враждебности, развивающейся в ребенке по отношению к матери в результате многочисленных ограничений, налагаемых воспитанием и уходом за телом, и что механизму проекции благоприятствует ранний возраст психической организации» (*Ibid.* S. 520). Он также делает вывод, «что в этой зависимости от матери мы находим зародыш более поздней паранойи женщины» (*Ibid.* S. 519). В данном контексте он ссылается на случай, описанный в 1928 году Рут Мак Брюнсвик^[b], где непосредственным источником расстройства была «доэдипова фиксация (на сестре)» (*Ibid.* S. 519).

^[a] Freud, S. Über die weibliche Sexualität (1931b). // G. W. — Bd. XIV. — S. 517—537.

^[b] Brunswick, R.M. Die Analyse eines Eifersuchtwahnes. // I. Z. P. — 1928. — Bd. XIV. — S. 459—507.

депрессивная тревога о том, как бы жадность и агрессивные импульсы не разрушили любимый объект. Во время и после процесса отлучения от груди эта тревога может увеличить или затормозить желание новой пищи¹. Как мы видели ранее, тревога может по-разному влиять на жадность: она может усилить ее или может привести к сильным торможениям жадности и удовольствия от принятия пищи.

Улучшение аппетита во время отлучения от груди в некоторых случаях свидетельствует о том, что в период грудного вскармливания плохой (преследующий) аспект груди доминировал над хорошим; кроме того, депрессивная тревога по поводу ожидаемой опасности для любимой груди могла способствовать торможению желания пищи (т. е. персекоторная и депрессивная тревоги задействованы в различных соотношениях). Поэтому бутылочка, в какой-то мере удлинившаяся в психике младенца от первого объекта, груди — и в то же время символизирующая ее, — может быть принята с меньшей тревогой и большим удовольствием, чем материнская грудь. Тем не менее, некоторым младенцам не удается символическое замещение груди бутылочкой, и если они и наслаждаются едой, то только когда им дают твердую пищу.

Ухудшение аппетита при первом отлучении от груди или бутылочки — частое явление, ясно указывающее на депрессивную тревогу, связанную с потерей первичного любимого объекта. Однако, думаю, неприятию новой пищи всегда содействует персекоторная тревога. Плохой (пожирающий и отравляющий) аспект груди, который во время кормления младенца грудью нейтрализуется отношением к хорошей груди, усиливается депривацией отлучения от груди и переносится на новую пищу.

Как я указывала выше, в процессе отлучения от груди персекоторная и депрессивная тревоги оказывают сильное влияние на отношение к матери и пище. Однако на этой стадии его детерминирует сложное взаимодействие различных факторов (внутренних и внешних); под которыми я имею в виду не только индивидуальные вариации в установках к объектам и пище, но, кроме того, и это

---

¹ Здесь можно провести сравнение с установкой маниакально-депрессивных пациентов к пище. Как мы знаем, одни пациенты отказываются от еды; у других наблюдается временное усиление жадности; третьи опять же колеблются между двумя этими реакциями.

важнее, успех или неудачу в проработке и в какой-то мере преодолении депрессивной позиции. Многое зависит от того, насколько надежно была установлена грудь внутри на ранней стадии и, следовательно, насколько долго может сохраняться любовь к матери вопреки депривациям — все это отчасти зависит от отношений матери и ребенка. Как я предполагала, даже самые маленькие дети могут принять новую пищу (бутылочку) практически без обиды (случай A). Эта лучшая внутренняя адаптация к фрустрации, развивающаяся с первых дней жизни, связана с шагами в разделении матери и пищи. Эти фундаментальные установки во многом детерминируют, особенно в процессе отлучения от груди, способность младенца принимать, в полном смысле этого слова, субSTITУты первичного объекта. Здесь опять же важнейшее значение имеют поведение и чувства матери по отношению к ребенку; любящее внимание и время, которое она посвящает ему, помогают ему справиться с депрессивными переживаниями. Хорошие отношения с матерью могут в какой-то мере нейтрализовать потерю первичного любимого объекта, груди, и таким образом оказать благотворное влияние на проработку депрессивной позиции.

Тревога по поводу потери хорошего объекта, выходящая на передний план во время отлучения от груди, пробуждается и другими переживаниями, такими как физический дискомфорт, болезнь и в особенности прорезывание зубов. Эти переживания усиливают персекуторную и депрессивную тревоги младенца. Иначе говоря, нельзя одним лишь физическим фактором объяснить эмоциональные нарушения, которым на данной стадии дают начало болезни или прорезывание зубов.

IX

Среди важных достижений развития, обнаруживаемых к середине первого года, можно отметить расширение диапазона объектных отношений и в особенности возрастающую для младенца значимость отца. В других контекстах я показывала, что депрессивные переживания и страх потери матери, в дополнение к другим факторам развития, дают толчок для обращения младенца к отцу. Ранние стадии эдипова комплекса и депрессивная позиция тесно

связаны и развиваются одновременно. Упомяну только один пример, маленькой девочки *B*, о которой речь шла выше.

Начиная с возраста примерно четырех месяцев отношения с братом, старше ее на несколько лет, стали играть значительную и заметную роль в ее жизни; легко было заметить, что они во многом отличались от отношений с матерью. Она восхищалась всем, что говорил и делал ее брат, и настойчиво докучала ему. Она использовала все свои маленькие уловки, чтобы снискать его расположение, завоевать его внимание и проявляла явно женскую установку по отношению к нему. В то время отец отсутствовал, за исключением коротких промежутков времени, она стала видеть его чаще, лишь когда ей было десять месяцев, и с тех пор она развила очень близкие, любящие отношения с ним, в которых прослеживались определенные параллели с отношениями с братом. В начале второго года жизни она часто называла своего брата «Папа»; к тому времени отец стал ее любимчиком. Удовольствие при виде его, восторг при звуке его шагов или голоса, то, как она снова и снова упоминала о нем в его отсутствие, и многие другие проявления ее чувств по отношению к нему могут быть описаны не иначе, как любовь. Мать ясно сознавала, что на этой стадии маленькая девочка в некотором отношении больше любила отца, чем ее. Перед нами пример ранней эдиповой ситуации, которая в данном случае сначала была пережита с братом, а затем перенесена на отца.

X

Депрессивная позиция, как я утверждала в различных работах, составляет важную часть нормального эмоционального развития, однако способы, которыми ребенок справляется с этими тревогами и эмоциями, и защиты, которые он использует, являются показателем того, удовлетворительно или нет протекает развитие. (См. прим. 3, с. 265.)

Страх потери матери делает расставание с ней, даже на короткое время, болезненным; и различные формы игры являются как выражением этой тревоги, так и средством ее преодоления. Наблюдение Фрейда за восемнадцатимесячным мальчиком с катушкой ниток

указало на это направление¹. Как я это понимаю, посредством этой игры ребенок преодолевал не только переживания потери, но и депрессивную тревогу². Существуют различные типичные формы игры, подобные игре с катушкой. Сьюзен Айзакс³ упоминала несколько примеров, и сейчас я добавлю некоторые наблюдения такого рода. Дети, иногда даже в первом полугодии, получают наслаждение, выбрасывая предметы из коляски снова и снова, и ожидают их возвращения. Я наблюдала дальнейшее развитие такой игры у G, младенца десяти месяцев, недавно начавшего ползать. Он без устали отбрасывал игрушку от себя, а затем, подползая к ней, пытался взять ее. Мне рассказали, что он начал эту игру около двух месяцев назад, когда сделал первые попытки продвинуться вперед. Младенец E в возрасте между шестью и семью месяцами как-то лежа в коляске заметил, что, когда он поднимает ноги, игрушка, которую он отбросил в сторону, подкатывается к нему, и он превратил это в игру.

Уже на 5–6-м месяце многие младенцы с удовольствием откликаются на игру в «прятки» (см. прим. 4, с. 266); и я видела, как дети уже в семь месяцев оживленно играли в эту игру, натягивая одеяло на голову и стаскивая его снова. Мать младенца B превратила эту игру в ритуал отхода ко сну, таким образом оставляя ребенка засыпать в счастливом настроении. Представляется, что повторение подобного опыта — важный фактор, помогающий младенцу преодолевать переживания потери и горя. Другая типичная игра, которая, как я обнаружила, оказывает огромную помощь маленьким детям и дает им утешение, — расставаться с ребенком перед сном, помахивая ему рукой и говоря «пока-пока», при этом медленно покидая комнату, как будто исчезая постепенно. Использование слов «пока-пока» и помахивания рукой, а позднее и выражений «снова

¹ Freud, S. Jenseits des Lustprinzips (1920g). // C. W. — Bd. XIII. — S. 1–69. Ср. гл. III, где дается описание этой игры.

² В своей работе «Наблюдение за младенцами в установленной ситуации»^[a] Д.В. Винникотт подробно обсудил игру с катушкой ниток.

^[a] [Winnicott, D. The observations of infants in a set situation. // I. J. PA. — 1941. — Vol. 22. — P. 229–249.]

³ [Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 67–121.]

вернусь», «скоро вернусь» или подобных им слов, когда мать уходит из комнаты, как правило, оказывается помогающим или успокаивающим. Я знаю младенцев, у которых слова «вернусь» или «снова» были одними из первых.

Обратимся вновь к девочке *B*, у которой выражение «пока-пока» было одним из первых; я часто замечала, что как только мать собиралась выйти из комнаты, в глазах ребенка появлялось мимолетное выражение печали или казалось, она вот-вот заплачет. Однако, когда мать махала ей рукой и говорила «пока-пока», девочка, кажется, успокаивалась и продолжала свои игры. Я видела ее в возрасте между десятью и одиннадцатью месяцами, когда она практиковала жест прощания, и у меня сложилось впечатление, что он стал источником не только интереса, но и успокоения.

Возрастающая способность младенца воспринимать и понимать окружающие его вещи увеличивает его уверенность в собственной способности обращаться с ними и даже контролировать их, а также увеличивает его доверие к внешнему миру. Его повторяющиеся переживания внешней реальности становятся важнейшим средством преодоления персекуторной и депрессивной тревог. На мой взгляд, это и есть тестирование реальности, лежащее в основе процесса у взрослых, описанного Фрейдом как часть работы скорби¹.

Когда младенец становится способным сидеть или стоять в своей кроватке, он может смотреть на людей и в некотором смысле становится ближе к ним; когда же он научается ползать и ходить, это справедливо в еще большей степени. Такие достижения подразумевают не только большую способность становиться ближе к своему объекту, но и большую независимость от него. К примеру, девочка *B* (примерно в одиннадцать месяцев) получала наслаждение, часами напролет ползая из одного конца коридора в другой, и была вполне довольна наедине с собой; однако время от времени она вползала в комнату, где находилась мать (дверь оставляли открытой), смотрела на нее или пыталась поговорить с ней и возвращалась в коридор.

Огромное психологическое значение стояния, ползания и ходьбы было описано рядом психоаналитических авторов. Моя точка зрения заключается в том, что все эти достижения используются младенцем

---

¹ Freud, S. Trauer und Melancholie (1916—1917g). // G. W. — Bd. X. — S. 442—443.

в качестве средств возвращения потерянных объектов, равно как и нахождения вместо них новых объектов; все это помогает младенцу преодолевать депрессивную позицию. Развитие речи, начинающееся с имитации звуков, — другое огромное достижение, позволяющее ребенку становиться ближе к людям, которых он любит, а также дающее ему возможность находить новые объекты. С получением удовольствий нового рода фрустрация и обида, связанные с ранними ситуациями, уменьшаются, что опять же способствует большей безопасности. Еще один элемент в достигнутом прогрессе исходит из попыток младенца контролировать свои объекты, свой внешний и внутренний мир. Каждый шаг в развитии используется Эго и как защита от тревоги, на этой стадии главным образом от депрессивной тревоги. Это содействует часто наблюдаемому факту, что наряду с продвижениями в развитии, такими как ходьба или говорение, дети становятся более счастливыми и оживленными. Посмотрим на это с другой стороны, стремление Эго преодолеть депрессивную позицию продвигает интересы и деятельность не только на первом году жизни, но и на протяжении всего раннего детства¹.

Следующий пример иллюстрирует некоторые из моих выводов, касающихся ранней эмоциональной жизни. Мальчик *D* уже в возрасте трех месяцев демонстрировал очень сильное и личное отношение к своим игрушкам, т. е. шарикам, деревянным кольцам и погремушке. Он пристально смотрел на них, снова и снова прикасался к ним, тянул их в рот и прислушивался к издаваемому ими шуму; он сердился на эти игрушки и кричал, если они находились не в том положении, в каком он хотел; он получал удовольствие от них и любил еще больше, когда они были зафиксированы в правильном положении. Его мать заметила, что, когда ему было четыре месяца, он часто вымещал свой гнев на игрушках; с другой стороны, они были для него утешением, когда он страдал. Иногда он прекращал плакать, когда ему показывали их, они также успокаивали его перед отходом ко сну.

¹ Как я уже указывала в предыдущей работе, несмотря на то, что решающий опыт депрессивных переживаний и защит от них возникает на первом году жизни, ребенку требуются годы, чтобы преодолеть персекуторную и депрессивную тревоги. Они вновь и вновь активизируются и преодолеваются в ходе инфантального невроза. Однако эти тревоги никогда не искореняются, а потому могут возобновляться, хотя и в меньшей степени, на протяжении всей жизни.

На пятом месяце он четко различал отца, мать и прислугу; он демонстрировал это безошибочно в своем взгляде, выражавшем узнавание, а также в ожидании от каждого из них определенных типов игры. Его личные отношения были уже весьма отчетливы на этой стадии; он также развел особую установку к своей бутылочке. К примеру, когда она стояла пустая на столе рядом с ним, он поворачивался к ней, издавал звуки, поглаживал ее и время от времени сосал соску. По выражению его лица можно было понять, что он ведет себя с бутылочкой так же, как с любимым человеком. В возрасте девяти месяцев можно было наблюдать, как он с любовью смотрел на бутылочку и разговаривал с ней, очевидно, ожидая от нее ответа. Такое отношение к бутылочке еще более интересно потому, что этот мальчик никогда не был хорошим едоком и не выказывал ни жадности, ни фактически особого удовольствия от принятия пищи. Трудности в кормлении грудью начались практически с самого начала, поскольку у матери пропало молоко, и в возрасте нескольких недель его полностью перевели на кормление из бутылочки. Его аппетит начал развиваться только на втором году жизни, но и в то время во многом зависел от удовольствия поделиться своей едой с родителями. Здесь нам вспоминается то, что в девять месяцев его главный интерес к бутылочке, кажется, носил личный характер и не был связан лишь с пищей, которую она содержала.

В возрасте десяти месяцев он очень полюбил гудящий волчок, сначала привлекший его красной ручкой, которую он тут же начал сосать; это привело к огромному интересу к тому, как волчок можно было заставить вращаться, и к издаваемому им шуму. Вскоре он оставил попытки сосать его, однако увлеченность волчком сохранилась. Когда ему было пятнадцать месяцев, случилось так, что другой гудящий волчок, который он тоже очень любил, во время игры упал на пол и раскололся на две половинки. Удивительной была реакция ребенка на это происшествие. Он плакал, был безутешен и не хотел возвращаться в комнату, где произошел инцидент. Когда же матери, наконец, удалось привести его туда, чтобы показать, что волчок снова цел, он отказался смотреть на него и выбежал из комнаты (даже на следующий день он не хотел проходить около шкафа с игрушками, где хранился гудящий волчок). Более того, спустя несколько часов после инцидента он отказался пить чай. Однако чуть позднее произошло следующее:

его мать взяла в руки игрушечную собаку и сказала: «Какая славная маленькая собачка». Мальчик засиял, схватил собаку и принялся ходить с ней от одного человека к другому, ожидая, что каждый будет говорить: «Славная маленькая собачка». Было ясно, что он идентифицировал себя с игрушечной собакой, и поэтому любовь, выказываемая ей, успокаивала его по поводу вреда, который, как он считал, он нанес гудящему волчку.

Важно то, что уже на ранней стадии ребенок демонстрировал выраженную тревогу по поводу сломанных вещей. К примеру, приблизительно в восемь месяцев он заплакал, когда уронил стакан — а в другой раз чашку — и тот разбрзлся. Вскоре его настолько стал удручать вид сломанных вещей, безотносительно к тому, кто их сломал, что мать сразу же прятала их от него.

Его страдание по таким поводам было признаком как персекьюторной, так и депрессивной тревоги. Данный факт становится очевидным, если связать его поведение в возрасте примерно восьми месяцев с более поздним инцидентом с гудящим волчком. Мой вывод заключается в том, что и бутылочка, и гудящий волчок символически репрезентировали материнскую грудь (напомним, что в десять месяцев он вел себя с гудящим волчком так же, как и в девять месяцев с бутылочкой), и когда гудящий волчок раскололся, для него это означало деструкцию груди и тела матери. Это объясняет его эмоции тревоги, вины и горя по отношению к сломанному гудящему волчку.

Я уже связывала сломанный волчок с разбитой чашкой и бутылочкой, но необходимо установить более раннюю связь. Как мы уже видели, временами ребенок демонстрировал сильный гнев по отношению к своим игрушкам, с которыми обращался очень по-личному. Я бы предположила, что тревогу и вину, наблюдавшиеся на более поздней стадии, можно проследить до агрессии, выражавшейся в отношении игрушек, особенно когда они были недоступны. Существует еще более ранняя связь с отношением к материнской груди, не удовлетворившей его и удаленной от него. Соответственно, тревога о разбитой чашке или стакане была выражением вины по поводу своего гнева и деструктивных импульсов, первоначально направленных на грудь матери. Поэтому путем символообразования ребенок сместил свой интерес на ряд объектов, с груди — на игрушки: бутылочка — стакан — чашка — гудящий

волчок, и перенес на эти объекты личные отношения и эмоции, такие как гнев, ненависть, персекуторная и депрессивная тревоги и вина¹.

Ранее в данной работе я описала тревогу этого ребенка в отношении незнакомого человека и проиллюстрировала примером расщепление материнской фигуры (в данном случае фигуры бабушки) на хорошую и плохую мать. Страх перед плохой матерью, равно как и любовь к хорошей матери, определенно проявлявшие себя в его личных отношениях, были очевидны. Предполагаю, оба эти аспекта личных отношений были частью его установки к сломанным вещам.

Смесь персекуторной и депрессивной тревог, которую он проявил в инциденте со сломанным гудящим волчком, отказалвшись входить в комнату, а позднее даже проходить около шкафа с игрушками, обнаруживает страх объекта, превратившегося в опасный объект (персекуторная тревога) из-за того, что он был поврежден. Однако нет сомнений в сильных депрессивных переживаниях, также задействованных в данном случае. Все эти тревоги были ослаблены, когда его заверили, что маленькая собака (обозначавшая его самого) — «славная», т. е. хорошая, и по-прежнему любима родителями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше знание конституциональных факторов и их взаимодействия все еще неполное. В главах, написанных мною для этой книги²,

¹ Что касается значимости символообразования для психической жизни, ср. работы Айзакс^[a], а также мои статьи «Ранний анализ» [(1923а). Наст. изд. Т. I. С. 95–133] и «Значение символообразования в развитии Эго» [(1930а). Наст. изд. Т. II. С. 37–56].

^[a] Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — Р. 67–121.

² [Имеется в виду книга «Развития в психоанализе»^[a], где представлены четыре работы М. Кляйн: «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» (1946а), наст. том, с. 69–101; «О теории тревоги и вины» (1948а), наст. том, с. 103–127; «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» (1952е), наст. том, с. 187–230; «О наблюдении за поведением младенцев» (1952f), наст. том, с. 231–267.]

^[a] Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952.

я коснулась некоторых из этих факторов и теперь резюмирую их. Врожденная способность Эго выносить тревогу может зависеть от большей или меньшей связанности Эго при рождении; это, в свою очередь, способствует большей или меньшей активности шизоидных механизмов, а соответственно, и большей или меньшей способности к интеграции. Другими факторами, присутствующими с начала постнатальной жизни, являются способность к любви, сила жадности и защиты от жадности.

Предполагаю, эти взаимосвязанные факторы являются выражением определенных состояний слияния инстинктов жизни и смерти. Эти состояния оказывают существенное влияние на динамические процессы, с помощью которых деструктивные импульсы нейтрализуются и смягчаются либидо, процессы, имеющие важнейшее значение в формировании бессознательной жизни младенца. С начала постнатальной жизни конституциональные факторы связаны с внешними факторами, начиная с опыта рождения и самых ранних ситуаций ухода и кормления¹. Более того, у нас есть все основания предполагать, что, начиная с первых дней, бессознательная установка матери оказывает сильное влияние на бессознательные процессы младенца.

Следовательно, нам приходится сделать вывод, что конституциональные факторы нельзя рассматривать отдельно от факторов окружающей среды и *vice versa*². Они все вместе формируют самые ранние фантазии, тревоги и защиты, которые, хотя и разделяются на некоторые типичные паттерны, бесконечно разнообразны. Вот почва, из которой прорастает индивидуальная психика и личность.

Я попыталась показать, что, внимательно наблюдая за младенцами, можно достичь некоторого понимания их эмоциональной жизни, а также получить указания на их будущее психическое развитие. Такие наблюдения, в пределах вышеупомянутых ограни-

¹ Недавние исследования пренатальных форм поведения, в частности, описанные и обобщенные А. Гиззел^[a], дают пищу для размышлений оrudиментарном Эго и степени, в которой конституциональные факторы действуют уже у плода. Что касается вышеупомянутых конституциональных факторов, остается открытым вопрос о том, влияет или нет на плод психическое и физическое состояние матери.

^[a] Gesell, A. The Embryology of Behaviour. — New York: Harper, 1945.

² [Vice versa (лат.) — наоборот.]

чений, в какой-то степени подкрепляют мои открытия о самых ранних стадиях развития. Эти открытия были сделаны в ходе психоанализа детей и взрослых, когда я сумела проследить их тревоги и защиты до младенчества. Можно вспомнить, что открытие Фрейдом эдипова комплекса в бессознательном взрослых пациентов привело к более осведомленному наблюдению за детьми, которое, в свою очередь, подтвердило его теоретические выводы. В последние несколько десятилетий конфликты, присущие эдипову комплексу, были более широко признаны, и в результате возросло понимание эмоциональных трудностей ребенка; однако это относится главным образом к детям, находящимся на более продвинутой стадии развития. Психическая жизнь самого маленького ребенка — по-прежнему тайна для большинства взрослых. Рискну предположить, что более тщательное наблюдение за младенцами, стимулируемое возрастающим знанием ранних психических процессов, полученных из психоанализа маленьких детей, со временем должно привести к лучшему пониманию эмоциональной жизни младенца.

Мое утверждение — выдвигаемое в некоторых главах этой книги¹ и в предыдущих работах — заключается в том, что чрезмерные персекьюторная и депрессивная тревоги у младенцев имеют решающее значение в психогенезе психических расстройств. В данной работе я неоднократно указывала, что понимающая мать с помощью своей установки может уменьшить конфликты ребенка и, таким образом, в какой-то мере помочь ему эффективнее справляться со своими тревогами. Поэтому более полное и более общее понимание тревог и эмоциональных потребностей младенца уменьшит страдание в младенчестве и таким образом подготовит почву для большего счастья и стабильности в дальнейшей жизни.

Примечания

1 (С. 240)

Существует один фундаментальный аспект данной проблемы, о котором я хочу упомянуть. Психоаналитическая работа привела меня к выводу, что новорожденный младенец бессознательно чувствует, что существует объект

---

¹ [См. сноску 2 на с. 260.]

уникальной добродетели, от которого можно получить максимальное удовлетворение, и что этот объект — материнская грудь. Более того, думаю, это бессознательное знание подразумевает, что отношение к материнской груди и чувство обладания ею развиваются даже у детей, которые не вскармливаются грудью. Это объясняет упомянутый выше факт, что дети, вскармливаемые из бутылочки, тоже интровертируют материнскую грудь в ее хороших и плохих аспектах. То, насколько сильна способность вскармливаемого из бутылочки младенца надежно устанавливать хорошую грудь в своем внутреннем мире, зависит от множества внутренних и внешних факторов, среди которых жизненно важную роль играет врожденная способность к любви.

Факт того, что с начала постнатальной жизни существует бессознательное знание о груди, и что по отношению к ней испытываются чувства, может быть понят только как филогенетическое наследие.

Теперь рассмотрим, какую роль в этих процессах играют онтогенетические факторы. У нас есть все основания предполагать, что импульсы младенца, связанные с ощущениями в ротовой полости, направляются на материнскую грудь, т. к. объектом его первых инстинктивных желаний является сосок, и их цель — сосать сосок. Это означает, что соска бутылочки не может полностью заменить желаемый сосок, а бутылочка — желаемый запах, тепло и мягкость материнской груди. Поэтому, несмотря на то, что младенец может охотно принимать кормление из бутылочки и наслаждаться им (особенно, если ситуация приближена к принятой при кормлении грудью), он все же может считать, что не получает максимального удовлетворения, а значит, и переживаний глубокого страстного желания уникального объекта, способного его обеспечить.

Желание недостижимых, идеальных объектов — общая особенность в психической жизни, поскольку она исходит из разнообразных фрустраций, претерпеваемых ребенком в ходе развития, достигая своей кульминации в необходимости отказаться от эдипова объекта. Переживания фрустрации и обиды ведут к фантазированию в обратном направлении и часто ретроспективно фокусируются на лишениях, испытанных в отношении материнской груди, даже у людей, имевших удовлетворительное грудное вскармливание. Тем не менее, в ряде анализов я обнаружила, что у людей, не имевших грудного вскармливания, характер страстного желания недостижимого объекта имеет особую интенсивность и качество, нечто столь глубоко укорененное, что становится очевидным его источник в первом опыте кормления и первом объектном отношении младенца. Такие эмоции варьируются по силе среди индивидов и оказывают различное влияние на психическое развитие. Например, у одних людей переживание лишенности груди может способствовать сильному чувству обиды и небезопасности, с разнообразными последствиями для объектных отношений и развития личности. У других людей страстное желание уникального объекта, хотя и ускользнувшего от них, но все же считающегося существующим где-то, может значительно стимулировать определенные линии сублимаций, такие как поиск идеала или высоких стандартов для собственных достижений.

Теперь я хочу сравнить эти наблюдения с утверждением Фрейда. Говоря о фундаментальном значении отношения младенца к материнской груди и к матери, Фрейд заявляет: «Филогенетический фундамент настолько господствует во всем этом случайном личном опыте, что нет разницы, сосал ли на самом деле ребенок

грудь или же он вскармливался из бутылочки и никогда не наслаждался нежностью материнской заботы. В обоих случаях его развитие идет по одному и тому же пути; возможно, что в последнем случае его позднейшее страстное желание будет сильнее»¹ (курсив мой).

Здесь Фрейд придает филогенетическому фактору такое основополагающее значение, что фактический опыт кормления младенца становится относительно незначимым. Это выходит за пределы выводов, к которым меня привел мой опыт. Тем не менее, в отрывке, выделенном мною курсивом, Фрейд, кажется, рассматривает возможность того, что отсутствие опыта грудного вскармливания переживается как лишение, поскольку иначе нельзя было бы считать, что страстное желание материнской груди «будет сильнее».

2 (C. 249)

Я ясно заявила, что процессы интеграции, выражающиеся в синтезе младенцем своих противоречивых эмоций по отношению к матери — а следовательно, и в сведении воедино хороших и плохих аспектов объекта, — лежат в основе депрессивной тревоги и депрессивной позиции. Это означает, что эти процессы с самого начала связаны с объектом. При переживании отлучения от груди именно первичный любимый объект считается потерянным, и потому связанные с ним персекуторная и депрессивная тревоги усиливаются. Таким образом, начало отлучения от груди способствует главному кризису в жизни младенца, и его конфликты достигают еще одной кульминации на заключительной стадии отлучения от груди. Каждая деталь способа, которым осуществляется отлучение от груди, имеет отношение к интенсивности депрессивной тревоги младенца и может увеличить или уменьшить его способность проработать депрессивную позицию. Так, осторожное и медленное отлучение от груди благоприятно, тогда как резкое отлучение от груди, вследствие внезапно усилившейся тревоги, может нарушить эмоциональное развитие. Здесь возникает ряд вопросов. К примеру, каково влияние замещения кормления грудью кормлением из бутылочки в первые недели или даже месяцы жизни? У нас есть основания предполагать, что эта ситуация отличается от нормального отлучения от груди, начинающегося примерно в пять месяцев. Будет ли это означать, что, поскольку в первые три месяца доминирует персекуторная тревога, эта форма тревоги усилятся ранним отлучением от груди или что этот опыт вызовет у младенца ранее начальное депрессивное тревоги? Какое из этих двух последствий будет превалировать, может зависеть от части от внешних факторов, таких как фактический момент начала отлучения от груди и то, как мать справляется с этой ситуацией; отчасти от внутренних факторов, которые можно обобщенно обозначить как сила врожденной способности к любви и интеграции — что, в свою очередь, подразумевает и врожденную силу Эго в начале жизни. Эти факторы, как я неоднократно заявляла, лежат в основе способности младенца надежно устанавливать свой хороший объект, в некоторой степени даже если он никогда не имел опыта кормления грудью.

---

¹ Freud, S. Abriß der Psychoanalyse (1940a [1938]). // G. W. — Bd. XVII. — S. 63—138.

Другой вопрос касается влияния позднего отлучения от груди, столь распространенного в примитивных сообществах, а также в некоторых частях цивилизованного мира. У меня нет достаточного количества данных, чтобы обосновать ответ на этот вопрос. Тем не менее, могу сказать, что насколько я могу судить из наблюдения, равно как и из психоаналитического опыта, существует оптимальный период для начала отлучения от груди примерно в середине первого года, поскольку на этой стадии младенец проходит через депрессивную позицию, и отлучение от груди некоторым образом помогает ему проработать неизбежные депрессивные переживания. В этом процессе его поддерживает возрастающий диапазон объектных отношений, интересов, сублимаций и защит, развиваемых им на этой стадии.

В отношении завершения отлучения от груди — т. е. окончательного перехода от сосания к питию из чашки — труднее выдвинуть общее предположение касательно оптимального срока. Здесь в качестве решающего критерия следует взять потребности конкретного ребенка, которые на этой стадии легко можно установить путем наблюдения.

У некоторых младенцев необходимо принимать во внимание еще одну стадию в процессе отлучения от груди — это отучение от сосания большого пальца или пальцев вообще. Некоторые младенцы отучаются от этого под давлением матери или няни. Однако, согласно моим наблюдениям, даже если младенцы, кажется, добровольно отказались от сосания пальца (и здесь тоже нельзя совсем недооценивать внешние влияния), это влечет за собой конфликт, тревогу и депрессивные переживания, характерные для отлучения от груди, в некоторых случаях с потерей аппетита.

Вопрос отлучения от груди связан с более общей проблемой фрустрации. Фрустрация, если она не чрезмерна (и здесь напомним, что до какого-то момента фрустрации неминуемы), может даже помочь ребенку справиться с депрессивными переживаниями. Поскольку само переживание того, что фрустрация может быть преодолена, имеет тенденцию усиливать Эго и является частью работы скорби, что поддерживает младенца в борьбе с депрессией. В частности, то, что мать появляется вновь, снова и снова доказывает, что она не была разрушена и не превратилась в плохую мать, что означает, что агрессия младенца не имела устрашающих последствий. Таким образом, существует тонкий и индивидуально варьирующийся баланс пагубных и полезных эффектов фрустрации, баланс, детерминируемый множеством внутренних и внешних факторов.

3 (С. 254)

Я утверждаю, что и параноидно-шизоидная и депрессивная позиции являются частью нормального развития. Мой опыт привел меня к выводу, что, если персекуторная и депрессивная тревоги в раннем младенчестве чрезмерны в соотношении со способностью Эго шаг за шагом бороться с тревогой, результатом может стать патологическое развитие ребенка. В предыдущей работе я описала разделение в отношении к матери («хорошая» и «плохая» мать), характерное для еще недостаточно интегрированного Эго, а также механизмов расщепления, достигающих своего пика в первые 3–4 месяца жизни. Обычно флюктуации в отношении к матери и временные состояния ухода — под влиянием процессов расщепления — нельзя легко оценить, поскольку на этой стадии они

тесно связаны с незрелым состоянием Эго. Тем не менее, когда развитие протекает неудовлетворительно, мы можем найти определенные признаки этой неудачи. В данной работе я обратилась к некоторым типичным трудностям, указывающим на то, что параноидно-шизоидная позиция прорабатывается неудовлетворительно. Несмотря на различия в деталях, все эти примеры имели одну важную общую особенность: нарушение в развитии объектных отношений, которое можно было наблюдать уже в первые 3–4 месяца жизни.

Опять же, определенные трудности, такие как капризность, раздражительность, нарушенный сон, большая потребность во внимании и изменения в установке к матери и пище, являются частью нормального процесса прохождения депрессивной позиции. Если такие нарушения чрезмерны и продолжительны, они могут указывать на неудачу в проработке депрессивной позиции и могут стать основой маниакально-депрессивного заболевания в дальнейшей жизни. Однако неудача в проработке депрессивной позиции может привести и к другому исходу: некоторые симптомы, такие как удаление от матери и других людей, могут стать устойчивыми вместо того, чтобы быть временными и частичными. Если вместе с этим младенец становится более апатичным, перестает расширять свои интересы и принимать субSTITУты, что обычно происходит одновременно с депрессивными симптомами и отчасти является способом их преодоления, можно высказать предположение, что депрессивная позиция прорабатывается неуспешно; что имеет место регрессия к прежней позиции, параноидно-шизоидной позиции — регрессия, которой мы обязаны придавать огромное значение.

Повторю свой вывод, сформулированный в более ранних работах: персекуторная и депрессивная тревоги, если они чрезмерны, могут привести к серьезным психическим заболеваниям и психической неполноценности в детстве. Эти две формы тревоги также обеспечивают точки фиксации для паранояльных, шизофренических и маниакально-депрессивных заболеваний во взрослой жизни.

4 (С. 255)

Фрейд упоминает об удовольствии младенца от игры с матерью, когда она прячет свое лицо, а затем появляется вновь. (Фрейд не говорит, к какой стадии младенчества он обращается; однако из характера игры можно предположить, что он говорит о младенцах в возрасте от шести месяцев до года, а возможно и старше.) В этой связи он заявляет, что младенец «еще не умеет различать временного отсутствия и длительной потери; если он вдруг не увидит мать, он ведет себя так, словно уже никогда ее не увидит, и необходим неоднократный утешительный опыт, пока он не поймет, что за таким исчезновением матери обыкновенно снова следует ее появление»¹.

Что касается дальнейших выводов, то здесь, как и в интерпретации упомянутой выше игры с катушкой ниток, существует то же самое различие во взглядах. Согласно Фрейду, тревога, которую младенец испытывает, скучая по матери, вызывает «...травматическую [ситуацию], или, правильней, она является травматической, если в этот момент он испытывает потребность, которую мать должна

---

¹ Freud, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 203.

удовлетворить; ситуация преобразуется в ситуацию опасности, если эта потребность не актуальна. Первое условие страха, которое вводит само Я, таким образом, является условием утраты восприятия, приравниваемым к условию утраты объекта. Об утрате любви речь еще не идет. Позже опыт показывает, что объект может остаться, но рассердиться на ребенка, и тогда утрата любви со стороны объекта становится новой, гораздо более устойчивой опасностью и условием страха»¹. На мой взгляд, который я уже высказывала в различных работах и кратко повторяю здесь, младенец испытывает по отношению к матери как любовь, так и ненависть, и когда он скучает по ней, и его потребности не удовлетворяются, ее отсутствие считается результатом его деструктивных импульсов; отсюда появляется персекуторная тревога (как бы хорошая мать не превратилась в разгневанную преследующую мать), а также скорбь, вина и тревога (как бы любимая мать не была разрушена его агрессией). Эти тревоги, конституирующие депрессивную позицию, вновь и вновь преодолеваются, например, посредством игры утешительного характера.

Рассмотрев некоторые различия во мнениях относительно эмоциональной жизни и тревог младенца, я бы хотела привлечь внимание к отрывку из уже цитированного контекста, где Фрейд, кажется, определяется с выводами на предмет скорби. Он говорит: «...когда разлука с объектом создает страх, когда скорбь, а когда, возможно, только боль? Скажем сразу, у нас нет никакой надежды дать ответы на эти вопросы. Мы должны будем довольствоваться обнаружением некоторых разграничений и некоторых намеков»².

---

¹ Ibid. S. 203.

² Ibid. S. 202.

**ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ
«О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ»
(1952г)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: Preface to The second edition [«On the bringing up of children»]. // On the bringing up of children / Ed. John Rickman. — N.Y.: Robert Brunner Publishers, 1952. — P. XVII.

Первое издание книги «О воспитании детей» вышло в 1936 году. Сборник, который редактировал Джон Рикман, составили статьи Э. Шарп, М. Миддлмор, Х. Сигал, С. Айзакс, М. Кляйн. Кроме настоящего предисловия, Кляйн опубликовала здесь статью «Отлучение от груди» (1936а) (см. наст. изд. Т. 2) и Постскриптум (наст. том, с. 273).

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.

На русском языке публикуется впервые.

Включенные в данный том эссе основаны на психоаналитическом опыте и теории. В связи с этим представляется уместным рассмотреть прогресс психоаналитического знания за годы, прошедшие с 1936 года. Стали более широко принятыми некоторые открытия, включенные в данную книгу, прежде всего, фундаментальная важность агрессивных импульсов и фантазий и их роль в возникновении тревоги и вины. Это также означает растущее признание того, что депрессивные переживания и тенденция совершать репарацию берут начало в раннем младенчестве. Есть и второе направление развития, которое, как мне представляется, заслуживает особого внимания, а именно дальнейшее исследование самой ранней стадии развития младенца.

За исключением нескольких добавлений в библиографию и короткого постскриптума, эта книга переиздается без изменения. На мой взгляд, прошедшие годы никоим образом не лишили ее первоначального достоинства.

Мелани Кляйн

Лондон.
Январь, 1952 год.

**ПОСТСКРИПТУМ
к «О воспитании детей»**

(1952г)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на английском языке:

1952: Postscript [«On the bringing up of children】. // On the bringing up of children / Ed. John Rickman. — N.Y.: Robert Brunner Publishers, 1952. — P. 233–235.

Текст является послесловием ко второму изданию книги «О воспитании детей», вышедшей под редакцией Джона Рикмана. М. Кляйн обобщает подходы к психологии младенчества, которые она представила в своих статьях для данного сборника.

Перевод с английского А.Н. Ниязовой.

На русском языке публикуется впервые.

Недавнее исследование внесло значительный вклад в наше знание о самой ранней стадии младенчества¹ — грубо говоря, о первых трех-четырех месяцах жизни — и именно в связи с этим я пишу этот постскрипту.

Как было подробно описано в моей работе «Отлучение от груди»², самые ранние эмоции младенца особенно сильны и управляются крайностями. Это энергичные процессы разделения между двумя аспектами (хорошим и плохим) первого и самого важного объекта ребенка, матери, и между его эмоциями (любовью и ненавистью) по отношению к ней. Эти разделения дают ему возможность справиться со страхами. Самые ранние страхи исходят от его агрессивных импульсов (которые легко возбуждаются любой фruстрацией и дискомфортом) и принимают форму переживания того, что его остали, повредили или на него напали — т. е. переживания постоянного преследования. Подобные страхи преследования, которые фокусируются на матери, превалируют у младенца до тех пор, пока он не разовьет более интегрированное отношение к ней (а таким образом, и к другим людям), что также означает интеграцию его Эго.

В частности, недавние исследования были связаны с изучением самой ранней стадии младенчества. Было признано, что раскол между любовью и ненавистью, обычно описываемый как расщепление эмоций, варьируется по своей интенсивности и принимает многие формы. У младенца эти вариации связаны с силой персекutorialных страхов. Если расщепление чрезмерно, фундаментально важное отношение к матери не может быть прочно достигнуто, и нарушается нормальный прогресс в интеграции Эго. В дальнейшем

¹ [Вероятно, имеются в виду работы М. Кляйн: «Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца» (1952e), наст. том, с. 187–230; «О наблюдении за поведением младенцев» (1952f), наст. том с. 231–267.]

² [(1936a). Наст. изд. Т. 2. С. 179–199.]

результатом этого может стать психическое заболевание. В качестве другого возможного последствия может быть торможение в интеллектуальном развитии, что может способствовать психической задержке и — в крайних случаях — психическому слабоумию. Даже при нормальном развитии существуют временные нарушения в отношении к матери, обусловленные состояниями удаления, как от нее, так и от переживания эмоций. Если эти состояния имеют место слишком часто или долго, их нужно считать признаками ненормального развития.

Если сложности normally преодолеваются в первой фазе, младенец, вероятно, сумеет справиться с депрессивными переживаниями, возникающими в критической стадии, идущей вслед за возрастом приблизительно от четырех до шести месяцев.

Теоретические данные о первом году жизни, полученные из анализа маленьких детей (в целом в возрасте от двух лет) были подтверждены в анализе детей старшего возраста, а также в анализе взрослых. Эти данные все больше и больше применялись по отношению к наблюдению за младенческим поведением, и поле деятельности было расширено для включения наблюдения даже за очень маленькими детьми. С момента первого издания этой книги¹ депрессивные переживания у маленьких детей наблюдались и распознавались более широко. Некоторые явления, что, как стало теперь понятно, являются характерными для первых трех-четырех месяцев жизни, также в некоторой степени поддаются наблюдению. Например, состояния ухода, которыми младенец отрезает себя от эмоций, означает отсутствие реакции на людей, окружающих его. При таких состояниях младенец может казаться равнодушным и не проявлять интереса к своему окружению. Это состояние легче не заметить по сравнению с другими нарушениями, такими как чрезмерный плач, беспокойство и отказ от еды.

Увеличивающееся понимание тех тревог, которые испытывают младенцы, также должно облегчить тем, кто заботится о маленьких детях, задачу обнаружения способов, с помощью которых эти трудности могут быть смягчены. Фрустраций в какой-то степени нельзя избежать, и описанные мною фундаментальные тревоги

¹ [Первое издание книги «О воспитании детей» в 1936 году.]

в любом случае не могут быть искоренены полностью. Лучшее понимание эмоциональных потребностей младенца, тем не менее, неизменно благотворно повлияет на нашу установку по отношению к его проблемам и таким образом поможет ему на пути к стабильности. Выражая эту надежду, я подвожу итог главной цели настоящего исследования.

APPENDIX

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABRAHAM, K. Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox. // Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. — N. F. — Bd. XIX. — Juli. — S. 521—533. — 101.
- ABRAHAM, K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse seelischer Störungen (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien. — Frankfurt am Main, 1969. — Bd. I. — S. 113—183. — 107; 108; 116; 201; 211; 227.
- ABRAHAM, K. Zur Charakterbildung auf der "genitalen" Entwicklungsstufe (1924). // Abraham, K. Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung. — Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1925. — Internationale Psychoanalytische Bibliothek, No. XVI. — 234.
- BALINT, M. Individual differences of behavior in early infancy and an objective way of recording them. // Journal of Genetic Psychology. — 1948. — Vol. 73. — P. 57—117. — 235.
- BERNFELD, S. The Psychology of the Infant. — New York: Brentano's, 1929. — XI, 309 p. — 249.
- BRUNSWICK, R.M. Die Analyse eines Eifersuchtswahnes. // I. Z. P. — 1928. — Bd. XIV. — S. 459—507. — 251.
- FAIRBAIRN, W.R.D. A Revised Psychopathology of Psychoses and Psychoneuroses. // I. J. PA. — 1941. — Vol. 22. — P. 250—279. — 73; 74.
- FAIRBAIRN, W.R.D. Endopsychic Structure Considered in Terms of Object Relationships. // I. J. PA. — 1944. — Vol. 25. — P. 70—92. — 73.
- FAIRBAIRN, W.R.D. Object-Relationships and Dynamic Structure. // I. J. PA. — 1946. — Vol. 27. — P. 30—37. — 73.
- FERENCZI, S. Notes and Fragments (1930). // Ferenczi, S. Final Contributions to the Problems and Methods of Psycho-Analysis. — London: Hogarth, 1955. — 76.
- FERENCZI, S. Psychoanalysis of sexual habits (with contributions about therapeutic technique) (1925). // Ferenczi, S. Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-Analysis. — London: Hogarth Press, 1926. — {P. 259—297.} P. 267. — 116.
- FREUD, A. The psychoanalytic treatment of children. — London: Imago Publishing Co., Ltd., 1946. — 98 p. — 155.

- FREUD, S. «Libidotheorie», «Psychoanalyse» (1923a [1922]). // G. W. — Bd. XIII. — S. 211—233. — 171.
- FREUD, S. Abriß der Psychoanalyse (1940a [1938]). // G. W. — Bd. XVII. — S. 63—138. — 264.
- FREUD, S. Analyse der Phobie eines Funfjährigen Knaben (1909b). // G. W. — Bd. VII. — S. 241—337. — 65.
- FREUD, S. Bruchstück einer Hysteria-Analyse (1905e). // G. W. — Bd. V. — S. 161—286. — 167.
- FREUD, S. Das Ich und das Es (1923b). // G. W. — Bd. XIII. — 61; 109; 171; 182.
- FREUD, S. Das ökonomische Problem des Masochismus (1924c). // G. W. — Bd. XIII. — 109; 111.
- FREUD, S. Das Unbehagen in der Kultur (1930a [1929]). // G. W. — Bd. XIV. — 106; 116.
- FREUD, S. Der Untergang des Ödipuskomplexes (1924d). // G. W. — Bd. XIII. — S. 395—402. — 61; 62.
- FREUD, S. Die endliche und die unendliche Analyse (1937c). // G. W. — Bd. XVI. — S. 59—99. — 181.
- FREUD, S. Die infantile Genitalorganisation (Eine Einschaltung in die Sexualtheorie) (1923e). // G. W. — Bd. XIII. — S. 293—298. — 16; 61; 62.
- FREUD, S. Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925j). // G. W. — Bd. XIV. — S. 19—30. — 61.
- FREUD, S. Hemmung, Symptom und Angst (1926d). // G. W. — Bd. XIV. — S. 111—205. — 105; 110; 112; 123; 172; 189; 222; 245; 266; 267.
- FREUD, S. Jenseits des Lustprinzips (1920g). // G. W. — Bd. XIII. — S. 1—69. — 100; 226; 255.
- FREUD, S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]). // G. W. — Bd. XV. — 5; 61; 63; 106; 123; 251.
- FREUD, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]). // G. W. — Bd. VIII. — S. 239—316. — 98.
- FREUD, S. Trauer und Melancholie (1916—1917g). // G. W. — Bd. X. — S. 442—443. — 256.
- FREUD, S. Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens (1912d). // G. W. — Bd. VIII. — S. 78—91. — 36.

- FREUD, S. Über die weibliche Sexualität (1931b). // G. W. — Bd. XIV. — S. 517—537. — 61; 62; 172; 251.
- GESELL, A. The Embryology of Behaviour. — New York: Harper, 1945. — XIX, 289 p. — 261.
- HEIMANN, P. A Contribution to the Problem of Sublimation and its Relation to Processes of Internalization. // I. J. PA. — 1942. — Vol. 23. — P. 8—17. — 82.
- HEIMANN, P. Certain functions of introjection and projection in early infancy. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 122—168. — 245.
- HEIMANN, P. Notes on the theory of the life and death instincts. // Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — P. 321—337. — 126; 184; 190; 191; 211; 216.
- ISAACS, S. Social Development in Young Children. — London: Routledge, 1933. — XII, 480 p. — 250.
- ISAACS, S. The nature and function of phantasy. // I. J. PA. — 1948. — Vol. 29. — P. 73—97. — 111; 190; 216; 218; 255; 260.
- JONES, E. Fear, Guilt and Hate. // I. J. PA. — 1929. — Vol. 10. — P. 383—397. — 116.
- KLEIN, M., HEIMANN, P., ISAACS, S., RIVIERE, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — VIII, 368 p. — 111; 260.
- KLEIN, M., RIVIERE, J. Love, Hate and Reparation; two lectures. — London, 1937. — VII, 119 p. — 131.
- MIDDLEMORE, M.P. The Nursing Couple. — London: Hamish Hamilton, 1941. — XVII, 195 p. — 236; 238.
- MONEY-KYRLE, R.E. Psycho-Analysis and Politics, a contribution to the psychology of politics and morals. — London: Duckworth & Co., 1949. — 182 p. — 122.
- MONEY-KYRLE, R.E. Towards a common aim — a psycho-analytical contribution to ethics. // British Journal of Medical Psychology. — 1944. — Vol. 20. — P. 105—117. — 122.
- On the bringing up of children / Ed. John Rickman. — London: Kegan Paul, 1936. — XVI, 237 p. — 131.
- RADO, S. The problem of melancholia. // I. J. PA. — 1928. — Vol. IX. — P. 420—438. — 228.
- RIBBLE, M.A. Infantile experience in relation to personality development. // Personality and the Behavior Disorders / Ed. J. McV. Hunt. — New York: Ronald Press, 1944. — Vol. 2. — P. 621—651. — 225; 227.

- RIVIERE, J. On the genesis of psychical conflict in earliest infancy. // I. J. PA. — 1936. — Vol. 17. — P. 395—422. — 127.
- ROSENFELD, H. Analysis of a Schizophrenic State with Depersonalization (1947). // Psychotic States. — London, 1965. — 83; 85.
- ROSENFELD, H. Notes on the psycho-analysis of the super-ego conflict of an acute schizophrenic patient. // I. J. PA. — 1952. — Vol. 33. — P. 111—131. — 174.
- ROSENFELD, H. Notes on the Psychopathology of Confusional States in Chronic Schizophrenias (1950). // Rosenfeld, H. Psychotic States: a psycho-analytical approach. — London, 1965. — 83.
- ROSENFELD, H. Remarks on the Relation of Male Homosexuality to Paranoia, Paranoid Anxiety, and Narcissism. // Rosenfeld, H. Psychotic States. — London, 1965. — 85.
- ROSENFELD, H. Transference-phenomena and transference-analysis in an acute catatonic schizophrenic patient. // I. J. PA. — 1952. — Vol. 33. — P. 457—464. — 174.
- SEGAL, H. Some aspects of the analysis of a schizophrenic. // I. J. PA. — 1950. — Vol. 31. — P. 268—278. — 174.
- WALLER. The Practitioner's Encyclopedia of Midwifery and the Diseases of Women. — London, 1921. — 237.
- WINNICOTT, D.W. The observations of infants in a set situation. // I. J. PA. — 1941. — Vol. 22. — P. 229—249. — 255.
- WINNICOTT, D.W. Clinical Notes on the Disorders of Childhood. — London: Heinemann, 1931. — 216 p. — 250.
- WINNICOTT, D.W. Primitive Emotional Development. // Winnicott, D.W. Collected Papers. — London: Hogarth, 1945. — 350 p. — 75; 77.

ЛИСТ СОКРАЩЕНИЙ

G. W. = *Freud, S. Gesammelte Werke.* — Bd. I—XVIII.

I. J. PA. = International Journal of Psycho-Analysis.

I. Z. P. = Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse.

ЛИСТ ПАЦИЕНТОВ

Девочка А — 242—243; 250; 253.

Девочка В — 243—244; 254; 255; 256.

Девочка С — 244; 247—248.

Девочка F — 250—251.

Мальчик D — 245; 257—260.

Мальчик, 5 лет — 111.

Младенец E — 249—250; 255.

Младенец G — 255.

Пациент, с шизоидными чертами — 94—95.

Пациентка, маниакально-депрессивные состояния — 91—93.

Рита, девочка — 39—50.

Ричард, мальчик 10 лет — 5—39.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В именном указателе представлены сведения об упоминаемых в текстах М. Кляйн деятелях науки, культуры и исторических персонажах. Страницы относятся к тем местам, где упоминается только соответствующая фамилия, а не дается ссылка на труды данного автора. Отсылки на труды даны в разделе Библиография (с. 281). Описываемые клинические случаи отражены в специальном Листе пациентов (с. 286).

Абрахам, Карл [Abraham, Karl] (1877–1925) — немецкий психоаналитик. Обучающий аналитик Мелани Кляйн. — 64; 77; 101; 107; 108; 115; 116; 126; 145; 198 прим.; 200 прим.; 209; 211 прим.; 227; 228; 234 прим.

Айзакс, Сьюзен [Isaacs, Susan] (1885–1949) — британский психоаналитик. — 111 прим.; 182; 190 прим.; 218 прим.; 250 прим.; 255; 260 прим.

Балинт, Михаэл [Balint, Michael] (1896–1970) — венгерский психоаналитик. — 235 прим.

Бернфельд, Эигфрид [Bernfeld, Siegfried] (1892–1953) — австрийский педагог и психоаналитик. — 249 прим.

Брук, Лола [Bruk, Lola] — 131; 187 прим.

Винникотт, Дональд Вудс [Winnicott, Donald Woods] (1896–1971) — британский психоаналитик. — 75 и прим.; 77 прим.; 250 прим.; 255 прим.

Гарбо, Грета [Garbo, Greta] (1905–1990) — шведская и американская актриса. — 81 прим.

Гиззел, А. — 261 прим.

Гитлер, Адольф [Hitler, Adolf] (1889–1945) — лидер немецкого фашизма. — 8; 12; 13; 21; 28; 38.

Гловер Эдвард [Glover, Edward] (1888–1972) — британский психоаналитик. — 75.

Джонс, Эрнест [Jones, Ernest] (1879–1958) — британский психоаналитик. — 116.

Кляйн, Мелани [Klein, Melanie] (1882–1960) — 131 прим.; 190 прим.; 260 прим.; 271; 275 прим.

Труды:

- Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний (1935а) — 71 прим.; 117; 119 прим.; 143 прим.; 195 прим.; 209 прим.; 239 прим.
- Заметки о некоторых шизоидных механизмах — 110 прим.; 117 прим.; 143 прим.; 168 прим.; 180 прим.; 189 прим.; 196 прим.; 199 прим.; 205 прим.; 222 прим.; 260 прим.

- Значение символообразования в развитии Эго (1930а) — 218 прим.; 251 прим.; 260 прим.
- Некоторые теоретические выводы относительно эмоциональной жизни младенца (1952е) — 113 прим.; 233 прим.; 245 прим.; 260 прим.; 275 прим.
- О наблюдении за поведением младенцев (1952f) — 131 прим.; 190 прим.; 204 прим.; 218 прим.; 260 прим.; 275 прим.
- О теории тревоги и вины (1948а) — 143 прим.; 187 прим.; 190 прим.; 195 прим.; 224 прим.; 226; 245 прим.; 260 прим.
- Психоанализ детей (1932b) — 51 прим.; 71 прим.; 75 прим.; 85 прим.; 109 прим.; 111 и прим.; 113 прим.; 156; 176 прим.; 181; 191; 192 прим.; 197 прим.; 198 прим.; 200 прим.; 211 прим.; 212 прим.; 219 прим.; 229; 251 прим.
- Психологические принципы раннего анализа (1926а) — 218 прим.
- Ранние стадии эдипова конфликта (1928а) — 107 прим.; 108 прим.; 126; 211 прим.; 251 прим.
- Ранний анализ (1923а) — 260 прим.
- Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями (1940а) — 119 прим.; 143 прим.; 209 и прим.
- Эдипов комплекс в свете ранних тревог (1945а) — 112 прим.; 211 прим.; 215 прим.

Мак Брюнсвик, Рут [Mack Brunswick, Ruth] (1897–1946) — 251 прим.

Мани-Кёрл, Р. Э. [Money-Kyrle, Roger Ernle] (1898–1980) — британский психоаналитик. — 122 прим.

Миддлмор, Меррелл [Middlemore, Mertell] (????–1938) — британский психоаналитик. — 236; 237 и прим.; 238.

Радо, Шандор [Radó, Sándor] (1890–1972) — венгерский и американский психоаналитик. — 228.

Рибл, Маргарет А. [Ribble, Margaret A.] — 225; 226.

Ривьер, Джоан [Riviere, Joan] (1883–1962) — британский психоаналитик. — 85 прим.; 127 прим.; 131 прим.

Розенфельд, Герберт [Rosenfeld, Herbert Alexander] (1910–1986) — британский психоаналитик. — 83 прим.; 85 прим.; 174 прим.

Сигал, Ханна [Segal, Hanna] (род. 1918) — британский психоаналитик. — 174 прим.

Скотт, В. Клиффорд М. [Scott, W. C. M.] (1903–1997) — британский психоаналитик. — 78 прим.; 81 прим.

Уоллер [Waller] — 237 прим.

Ференци, Шандор [Ferenczi, Sandor] (1873–1933) — венгерский психоаналитик. — 76 прим.; 116.

Флехсиг [Flechsig] — 98; 99; 100; 101.

Фрейд, Анна [Freud, Anna] (1895–1982) — австрийский и британский психоаналитик. — 155; 156; 157; 172; 173.

Фрейд, Зигмунд [Freud, Sigmund] (1856–1939) — создатель психоанализа. — 5; 16 прим.; 36; 37; 51 прим.; 56; 61 и прим.; 62; 63; 64; 65; 66; 74; 76; 78; 98; 99; 100; 101; 105; 106; 107 и прим.; 109 и прим.; 110; 111; 112; 115; 116 и прим.; 122; 123 и прим.; 125; 126; 143; 144; 145; 151; 155; 156; 167; 170; 171; 172 и прим.; 173; 175; 181; 182; 184; 189 и прим.; 196; 209; 221 прим.; 222 и прим.; 226; 228; 244; 245; 251 прим.; 254; 256; 262; 263; 264; 266; 267.

Труды:

- Гибель эдипова комплекса (1924d) — 61 прим.
- Инфантильная генитальная организация (1923e) — 16 прим.; 61 прим.
- Конечный и бесконечный анализ (1937c) — 181.
- Некоторые психические следствия анатомического различия полов (1925j) — 61 прим.
- Новый цикл лекций по введению в психоанализ (1933a [1932]) — 61 прим.; 106; 107; 251 прим.
- О женской сексуальности (1931b) — 61 прим.; 251 прим.
- Теория либидо, Психоанализ (1923a [1922]) — 171.
- Торможение, симптом и страх (1926d [1925]) — 105; 110; 172; 189 прим.
- Фрагмент анализа случая истерии (1905e [1901]) — 167.
- Экономическая проблема мазохизма (1924c) — 109 прим.; 111.
- Я и Оно (1923b) — 61 прим.; 171.

Фэрбэрн, Уильям Рональд Доддс [Fairbairn, William Ronald Dodds] (1889–1964) — британский психоаналитик. — 72 прим.; 73; 74; 75; 189 прим.

Хайманн, Паула [Heimann, Paula] (1899–1982) — британский психоаналитик. — 71 прим.; 82 прим.; 126 прим.; 131 прим.; 184 прим.; 190 прим.; 191 прим.; 211 прим.; 245 прим.

Шребер, Даниэль Пауль [Daniel Paul Schreber] (1842–1911) — немецкий судья, страдавший параноидной шизофренией. — 98; 99; 101.

Эванс, М.Дж. — 80 прим.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агрессивные желания/импульсы / тенденции/фантазии — 11; 34; 46; 47; 48; 53; 55; 57; 58; 65; 79; 80; 83 прим.; 87; 88; 108; 109; 115; 116; 119; 120; 148; 151; 169; 183; 190; 197; 200 и прим.; 204; 207; 215; 217; 221; 222; 229; 235; 237 и прим.; 247; 248; 252; 271; 275.

Агрессия/агрессивность — 12; 13; 14; 17; 18; 34; 42; 43; 55; 74; 89; 95 прим.; 107; 109; 115; 125; 126; 127; 144; 158; 170; 173; 174 прим.; 198 прим.; 205; 207; 208; 229; 259; 265; 267.

— вытеснение — 34.

— и либидо — 52; 127; 135; 156; 190; 195 прим.; 197; 198; 200; 202; 203; 224; 227; 229; 230.

— оральная — 76.

— проекция ее — 108; 168; 182.

— и Супер-Эго — 107 и прим.

— и тревога — 12; 42; 52; 115; 126.

— и фрустрация — 53.

Алчность — 234.

Амбивалентность — 13; 14; 41; 50; 54; 94; 106; 107; 175; 195 и прим.; 204; 207 прим.; 208; 224.

Анализ/психоанализ

— взрослых — 158; 233 прим.; 276.

— депрессивных пациентов — 121.

— завершение — 92; 135; 139; 143–148; 151–152.

— игровая техника — 126; 158.

— маленьких детей — 58 прим.; 108; 109; 110; 126; 173; 174; 209; 225; 262; 276.

— ограничения — 146.

— переноса — 135; 139; 148; 151; 174; 175; 176; 178; 227.

— перерыв в — 10; 13; 92 прим.

— и скорбь — 135; 146; 147; 151; 152.

— сотрудничество в — 91; 92; 96.

— шизофреничных пациентов — 97; 174.

Аналитик — 39; 93; 94; 96; 163; 167; 176; 177 и прим.; 178; 227.

— внутренняя часть его — 10.

— враждебность к — 93.

— идеализация его — 135; 147; 152; 163.

— идентификация его с домом, ребенком — 8.

— как мать-плохие гениталии — 13.

— как плохой объект — 227.

— как поврежденный объект — 13.

— как преследователь — 148; 152; 163.

— как хороший объект — 95 прим.; 227.

— и ранние интровертированные фигуры — 148.

— и расщепление — 94; 95.

— роли при переносе — 175.

— фантазия давать ему младенцев, у мальчика — 33.

— и Фрустрация — 121.

— и шизофреник — 85 прим.

Анальная стадия — 116.

Анально-садистическая стадия/ступень — 108; 116.

Анально-садистические импульсы — 34; 38; 72; 192.

Анальные желания/импульсы / тенденции/фантазии — 31; 56; 57; 63; 79; 80; 198; 203; 211; 215; 217; 223–224; 229.

Анус — 64 прим.

Апатия — 90; 249 прим.; 266.

Автоэротизм — 101; 163; 171; 172.

Бегство

— к идеализированному объекту — 81; 82; 84.

— к матери-груди — 13; 15.

— от персекуторной тревоги — 240.

Безопасности, чувство — 32; 53; 125; 157; 168; 183; 201; 207; 216; 223; 244; 246; 248; 257.

Бессознательное — 44; 53 прим.; 58 прим.; 59; 79; 97; 110; 158; 167; 176; 178; 184; 185; 196 и прим.; 221; 222; 223; 233; 239; 262.

Бисексуальность — 60.

Боль — 79; 147; 189; 230; 267.

Британское психоаналитическое общество — 69 прим.; 80 прим.; 81 прим.; 85 прим.; 127; 157.

Бутылочка — 40; 41; 48; 182; 204 прим.; 239; 241; 242; 243; 249; 250; 252; 253; 258; 259; 263; 264.

Вагина — 54; 62.

— бессознательное знание о — 44; 54; 58 прим.; 64.

Вина — 12; 15; 21; 31; 35; 38; 42; 43; 46; 47 прим.; 49; 50; 51; 52; 54; 55; 60; 62; 67; 86; 87; 94; 95 и прим.; 135; 146; 151; 155; 157; 170; 177; 178; 183; 195; 200; 208; 216; 217; 218; 221 и прим.; 230; 259; 260; 267; 271.

— борьба с — 14.

— отклонение — 86.

— переживание — 11; 31; 36; 38; 40; 42; 43; 45; 46; 47; 55; 64; 65; 66; 73; 88; 89; 94; 120; 121; 151; 155; 170; 173; 204; 206; 210; 248 и прим.

— и репарация — 55; 120; 144; 206; 216.

— и тревога — 105—127; 144; 170.

— и эдипов комплекс — 63; 64; 65; 106; 107.

Возмещение вреда/ущерба — 14; 50; 55; 121.

Враждебность — 93; 251.

Всемогущество, чувство — 55; 79; 157; 168; 194; 201; 207; 220.

Вытеснение — 11; 35; 79; 96; 105; 177; 196; 221; 222 и прим.; 223; 249 прим.

— агрессивных тенденций — 34.

— генитальных желаний — 11; 16; 17; 34; 35; 37; 55; 58; 65.

— гнева — 12.

— желания пениса отца, у мальчика — 21 прим.

— любви к отцу — 21.

— ненависти — 43.

— эдиповых желаний — 14; 16—28; 65; 223.

Гениталии — 8; 10; 11; 12; 13; 15; 16 прим.; 18; 20; 29; 34; 37; 45; 56; 58; 60; 62; 66; 112; 217.

— креативный и продуктивный аспект — 39; 57—58.

— плохие — 12; 15; 37; страх их — 44.

— хорошесть их — 56.

Генитальная организация — 15; 16 прим.; 35; 51; 63; 222 прим.

Генитальная позиция — 19; 21; 33; 35; 39; 58.

Генитальная фаза — 16 прим.; 64.

Генитальное развитие — 217.

— девочки — 59.

— препятствия к — 35.

— и тревоги — 7; 9; 28; 37; 39.

Генитальность — 9; 37; 145.

Генитальные желания/тенденции — 17; 18; 19; 20; 21; 33; 34; 35; 37; 39; 42; 54; 56; 57; 62; 63; 66; 170; 203; 211; 215; 216; 217.

— вытеснение — 11; 16; 17; 34; 35; 37; 58; 65.

— сублимированные — 35.

Гетеросексуальные тенденции/гетеросексуальность — 35; 36; 146.

- Гнев* — 12; 250; 257; 259; 260.
 — вытеснение его — 12.
- Голод* — 95 и прим.; 190; 194; 228; 242; 247.
- Гомосексуальная позиция* — 44; 56.
- Гомосексуальность* — 85 прим.
- Горе* — 65; 89; 95 прим.; 121; 144; 146; 209 прим.; 210; 255; 259.
- Грудное вскармливание* — 6; 40; 113 прим.; 204 прим.; 236; 237 прим.; 239; 241; 242; 249; 250; 252; 258; 263; 264.
- Грудь матери* — см. *Материнская грудь*
- Грусть* — 249 прим.
- Девочка*
- воображаемый пенис — 45; 49; 60.
  - генитальное развитие — 59.
  - генитальные восприятия/
ощущения — 54; 58; 63.
  - желание пениса — 60; 62; 63.
  - желание ребенка — 50; 60.
  - зависть к пенису — 43; 44; 49; 60; 66.
  - кастрационный комплекс — 44; 62–63; 66.
  - клитор как репрезентация
пениса — 62.
  - материнские чувства — 63.
  - рецептивная природа гениталий — 58; 60.
  - смешение маскулинной
идентификации с отцом с феминной
установкой — 60.
  - сомнения в способности рожать — 59.
  - страх потери любви — 66.
  - Супер-Эго — 47 прим.; 60; 63.
  - тревоги у — 61; 139; основная
ситуация — 49; 59; 63; 66; 106; 145.
  - эдипово развитие/эдипов
комплекс — 39–50; 51 прим.; 54;
58–61; 62; 63; 66.
- Девочка: внутренняя часть ее тела*
- атаки матери на — 45; 49; 59.
  - потенциальные дети в — 49; 59.
  - страх атак на — 66.
- Девочка: отношения с матерью*
- амбивалентность в их
отношениях — 41; 50.
  - атаки на тело матери — 46.
  - желание выкрасить младенца
у матери — 46; 59.
  - желание выкрасить пенис отца
у матери — 59.
  - желание дать детей матери — 50.
  - желание занять место отца возле
матери — 45; 49.
  - желание получить от матери
пенис — 62.
  - желание разрушить тело
матери — 46.
  - зависть к матери — 60.
  - идентификация с матерью — 43;
44; 50; 60; 61; 63.
  - интернализация хорошей
матери — 61.
  - любовь к матери — 41; 47.
  - мать как ужасная и мстящая
фигура — 43.
  - ненависть к ней — 41; 43; 44; 47;
48; 62.
  - отворачивание от матери к отцу —
52; 63.
  - пожелание смерти матери — 48.
  - преследующая мать — 61.
  - привязанность к матери — 62; 66.
  - и ранние Фрустрации — 42.
  - ревность к матери — 41; 42.
  - репарация повреждений — 45; 50.
  - садистические желания
к матери — 43; 44; 47.
  - соперничество с матерью — 42;
43; 48; 59.
  - страх атак матери на ее тело — 46;
49; 145.
  - страх потерять мать — 43.

- страх смерти матери — 63; 66.
- тревога разрушить мать — 139.
- тревога, что мать выкрадет младенцев — 46.
- ужас от внутренней матери — 46.
- Девочка: отношения с отцом**
- генитальное отношение к отцу — 43; 54; 66.
- желание занять место матери рядом с отцом — 42; 60.
- желание интернализировать пенис отца — 60; 66.
- желание кастрировать отца — 43; 45; 46; 49.
- желание пениса отца — 49; 50; 58; 59; 66.
- желание получить ребенка от отца — 42; 50; 60; 63; 66.
- желание украсть пенис отца — 45; 50.
- идентификация с отцом — 60.
- любовь к отцу — 43; 50.
- ненависть/неприязнь к отцу — 41; 43; 49; 50.
- оральное отношение к отцу — 43.
- и отношения с матерью — 49.
- предпочтение отца — 41; 42.
- соперничество с отцом — 45; 49.
- страх быть кастрированной отцом — 46; 49.
- страх пениса отца — 43; 49.
- улучшение отношения благодаря анализу — 47 прим.
- Девочка: отношения с родителями**
- атаки на родителей — 46.
- атаки родителей на ее тело — 46.
- идентификация с грубыми родителями — 47.
- ненависть к родителям — 40.
- тревога и вина к родителям — 50.
- Дезинтеграция** — 75; 76; 82 и прим.; 83; 86 прим.; 89; 97; 99; 196; 202; 222.
- Деперсонализация** — 83 и прим.
- Депрессивная позиция** — 5; 33; 48; 50; 55; 71; 73; 98; 117; 118; 119; 121; 135; 143; 144; 145; 151; 157; 170; 195 прим.; 200; 203; 204; 205 прим.; 208; 209 и прим.; 210; 211; 213; 214; 218; 220; 227; 229; 230; 246; 248; 253; 254; 264; 265; 266; 267.
- и параноидно-шизоидная позиция — 88—90; 93; 98.
- проработка/преодоление — 48; 73; 89; 90; 146; 147; 205 прим.; 206; 207 прим.; 210; 213; 214; 218; 223; 230; 253; 257; 264; 266.
- связь с либидиноznым развитием — 5.
- Депрессивное настроение/переживания/состояния** — 6; 47; 52; 54; 55; 67; 71; 87; 88; 91; 93; 119; 144; 145; 151; 204 прим.; 213; 214 и прим.; 230; 249 и прим.; 253; 257 прим.; 260; 265; 271; 276.
- Депрессивный индивид/депрессивная личность** — 6; 33; 74; 121; 196 прим.; 228.
- депрессивные черты — 89; 91.
- Депрессивные механизмы** — 92.
- Депрессия** — 6; 10; 29; 30; 33; 39; 48; 92; 94; 96; 121; 139; 145; 206; 207 прим.; 228; 265.
- симптомы — 214 прим.; 266.
- и тревога — 30; 48; 49 прим.
- Деструктивные импульсы/деструктивность** — 72; 76; 79; 95 и прим.; 109; 110; 111; 113; 117; 121; 126; 127; 145; 156; 157; 168; 170; 190; 191; 198 и прим.; 199; 201; 202; 204; 206; 211; 215; 217; 220; 224; 229; 230; 238; 241; 245; 259; 261; 267.
- и либидо — 100; 127; 195.
- и любовь — 118; 120; 195; 200.
- страх — 75; 76; собственных — 38; 114.
- Дети**
- внутри матери — 11.
- См. также *Младенцы, внутри тела*

- Доверие** — 29; 34; 39; 56; 58; 183; 193; 196; 202; 207; 240; 241; 244; 256.
- Жадность** — 39; 90; 144; 151; 170; 190; 191; 192; 193; 197; 198; 200 прим.; 204; 212; 224; 234; 235; 237; 238; 240; 247; 250; 252 и прим.; 258; 261.
- Жизни, инстинкт** — 100; 109; 110; 112; 113; 114; 115; 118; 120; 126; 127; 156; 175; 181; 182; 184; 190 и прим.; 195; 197; 206; 224; 226; 261.
- Зависть** — 45; 59; 60; 94; 176; 212; 213.
- Зависть к пенису** — 43; 44; 49; 60; 66.
- Защита(ы)** — 5; 13; 15; 16; 17; 28; 29; 30; 35; 43; 45; 51; 52 и прим.; 98; 121; 122; 126; 145; 146; 147; 151; 156; 157; 158; 163; 167; 168; 169; 170; 171; 173; 176; 177 и прим.; 181; 182; 189; 193; 194; 201; 202; 203; 204; 205; 206; 215; 220 и прим.; 221 и прим.; 222 и прим.; 230; 241; 251; 254; 257 и прим.; 261; 262; 265.
- маниакальные — 29; 119 и прим.; 124; 125; 147; 204; 205; 207.
  - нарушение — 21.
  - потребность в — 14.
  - ранние — 12; 67; 71; 72; 76; 78; 88; 109; 114; 174; 181.
  - шизоидные — 93—96.
- Знание** — 80.
- бессознательное — 92; 263;
  - о вагине — 44; 54; 64; о груди — 263;
  - о пенисе — 54; 64; о потенциальных детях — 58—59.
  - как сублимированная пища — 242.
  - сознательное, об анусе — 64 прим.
- Зубы** — 12; 18; 237 прим.
- прорезывания их — 77; 198 прим.; 214; 253.
  - как средства атаки — 111.
- Игра** — 9; 11; 12; 14; 17; 18; 44; 46; 47; 49; 220; 236; 247; 248; 254; 255; 256; 258; 266; 267.
- торможение в — 40.
- Игровая техника** — 126; 158.
- Игрушка(и)** — 246; 255; 257; 258; 259; 260.
- Ид/Оно** — 21; 105; 175; 181.
- и Эго — 75; 181—185.
- Идеализация** — 14; 34; 35; 36; 38; 53; 72; 78; 81; 135; 147; 152; 157; 158; 168; 169; 175; 193; 194; 201; 202; 204.
- Идеал-Я** — 172.
- Идентификация** — 8; 12; 13; 40; 43; 44; 47; 50; 54; 57; 58; 60; 61; 62; 63; 67; 80; 81; 86—87; 98; 118; 171; 172 и прим.; 199; 200; 203; 204.
- проективная — см. *Проективная идентификация*
- Изоляция** — 30.
- Импотенция** — 85; 145.
- психическая — 36.
- Инсайт** — 147; 196 прим.
- Интеграция** — 40; 47; 75 и прим.; 77 и прим.; 84; 88; 89; 96; 118; 120; 135; 144; 148; 155; 157; 158; 163; 169; 170; 177; 181; 182; 183; 191; 195; 196; 200; 201; 202; 203; 204; 205; 208; 210; 217; 220 прим.; 221; 222; 225; 227; 229; 230; 249; 261; 264; 275.
- Интернализация** — 31; 32; 38; 57; 60; 61; 62; 74; 82 прим.; 112; 113; 156; 170; 197; 212; 223.
- Интерпретация** — 9; 10; 14; 15; 20; 28; 29; 30; 31; 40; 46; 91; 92; 93; 94; 95 и прим.; 96; 97; 163; 266.
- Интроекция** — 53; 54; 58; 64; 72; 73; 76; 78; 80; 81; 83; 84; 85; 88; 90; 95 прим.; 99; 108; 113; 114; 115; 117; 118; 121; 126; 144; 148; 156; 158; 163; 168; 169; 170; 172 и прим.; 181; 182; 184; 191 и прим.; 196; 197; 198; 199; 201; 202; 203; 206; 208; 209; 210; 213; 224; 227; 239; 263.

Мазохизм — 109 и прим.; 112.

Мальчик

— вера в продуктивное и репаративное качество гениталий — 57–58.

— вытеснение эдиповых желаний — 65.

— генитальные ощущения — 54; 56; 63; 64.

— желание быть женщиной — 60.

— ненависть к детям — 34.

— страх кастрации — 56; 64–65.

— Супер-Эго — 62.

— тревоги, основная ситуация — 65; по поводу пениса — 57.

— фантазия дать младенцев аналитику — 33.

— чувство вины — 65.

— эдипово развитие/эдипов комплекс — 5–39; 54; 56–58; 65; 66; 228.

Мальчик: внутренняя часть его тела

— и внутренняя часть тела матери — 37; 57.

— необходимость сохранить хорошее содержимое тела — 57.

— и пенис отца — 57.

— содержимое как дары — 58.

Мальчик: отношения с матерью

— боязнь «генитальной» матери — 37.

— боязнь нанести вред матери — 12.

— вера в хорошую мать — 13; 29; 32; 39.

— генитальные атаки на мать — 18.

— генитальные желания к матери — 11; 20; 34; 37; 56; 57.

— желание дать матери детей — 35.

— желание сексуального акта с ней — 16; 18; 19; 20; 21; 58.

— зависть к — 59.

— интернализация матери — 38; плохой — 31; хороший — 31.

— любовь к матери — 12; 34; 36; 37; 38.

— ненависть к матери — 31;

«генитальной» — 37.

— орально-садистические импульсы к — 30; 56.

— проекция орально-садистических импульсов на — 30; 38.

— сохранение матери от повреждений — 14.

— союз против отца — 32.

— страх атак внутренней матери — 57.

— страх матери как опасного и мстящего объекта — 38.

— тревога в отношении тела матери — 12.

— фантазия, что мать полюбит его как мужчину — 17.

— фрустрация от нее — 31; 38.

Мальчик: отношения с отцом

— агрессия/ненависть к отцу — 34; 65.

— борьба за обладание матерью — 14; 18; 20.

— доверие к отцу — 56.

— желание детей от отца — 56.

— желание кастрировать отца — 34; 56; 64; 65.

— желание пениса отца — 21 прим.; 54.

— идентификация с отцом, плохим — 12; 57; хорошим — 57; 58.

— импульс убить отца — 21; 65.

— кастрация со стороны отца — 20; 56.

— любовь к отцу — 19; 21; 65.

— ненависть к отцу — 34; 35; 56.

— орально-садистические импульсы к пенису отца — 34; 56.

— ревность к отцу — 34; 35.

— соперничество с отцом — 14; 18; 20; 56; 65.

— страх быть атакованным отцом — 14; 57.

— страх перед пенисом отца — 11.

— страх плохого отца — 16.

— страх разрушения гениталий отцом — 66.

Мальчик: отношения с родителями
 — желание разлучить родителей — 20.
 — интернализация их — 31; 37.
 — любопытство к их сексуальной жизни — 20.
 — страх атак внутренней комбинированной фигуры — 57.
 — тревоги в отношении интернализированных родителей — 28–33.

Маниакально-депрессивные личности — 93; 252 прим.
 — маниакально-депрессивные черты — 92.
 — маниакальные черты — 91.

Маниакально-депрессивные расстройства — 73; 91; 93; 98; 158; 205 прим.; 210; 266.
 — и шизофрения — 93; 98.

Маниакально-депрессивные состояния — 209 прим.

Маниакально-депрессивные феномены
 — и шизоидные феномены — 90–93.

Маниакальные состояния — 91; 92.

Мания — 228.

Маскулинная позиция — 43; 50; 57; 60.

Мастурбация — 58 прим.; 62.

Материнская грудь — 18; 56; 64; 117; 151; 157; 169 прим.; 171; 190; 193; 194; 195; 197; 198 прим.; 199; 200; 202; 203; 212; 217; 228; 234; 236; 237 и прим.; 238; 239; 241; 242; 243; 244; 245; 249; 252; 253; 259; 263; 264.
 — атака на — 47; 72; 79; 192; 197; 198; 237 прим.
 — бутылочка как — 48; 239; 252; 259.
 — враждебная — 113.
 — депривация ее, ранняя — 13.
 — деструкция — 38; 259.
 — жадность в отношении — 235.
 — желание высосать ее досуха/
 сожрать — 64; 80; 198; 251 прим.

— желание щедрой — 36.
 — зависть к — 212.
 — защищающая — 156.
 — идеализация — 14; 36; 53; 193.
 — идеальная/идеализированная — 14; 78; 193; 194; 201.
 — имаго — 53.
 — интроверсия — 54; 64; 81; 113; 168; 169; 198; 199; 239.
 — контейнирование — 58.
 — кусающая — 111 прим.
 — любимая — 30; 53; 156; 191; 196; 201; 252; 253.
 — ненавидимая — 30; 53; 156; 191; 192; 196; 201.
 — орально-садистические импульсы к — 34; 38; 56; 72; 76–77; 198 и прим.; 199.
 — как основа/ядро Супер-Эго — 64; 112; 114; 163; 201.
 — отлучение от — см. Отлучение от груди
 — = пенис — 54; 211 прим.
 — и пенис отца — 52 прим.; 53; 56; 170; 211.
 — как первый объект — 52; 72; 113; 117; 144; 151; 156; 182; 198; 201; 203; 236; 252.
 — плохая — 14; 30; 33; 34; 47; 49; 53; 54; 72; 77; 113; 114; 115; 117; 118; 156; 157; 163; 168; 169; 191; 192; 196; 201; 204; 207; 215; 237; 244; 251; 252; 263.
 — поврежденная — 243.
 — пожирающая — 111; 112; 114; 201; 237; 252.
 — потеря — 48; 90; 151; 249; 250.
 — преследующая — 78; 156; 192; 193; 194; 207; 244; 252.
 — проекция агрессии/
 деструктивности на — 76; 113; 168.
 — проекция либидо на — 168.
 — и развитие — 52 и прим.; 56.
 — расщепление ее — 117; 196.
 — как репрезентант инстинкта смерти — 113.

Материнская грудь (продолжение)

- тоска по — 228.
- тревоги по поводу — 47.
- удовлетворяющая — 72; 77; 78; 114; 118; 156; 191.
- установки к, конфликтующие — 53.
- фрагментированная (распавшаяся на кусочки) — 77; 197.
- фрустрирующая — 72; 77; 78; 113; 114; 117; 168; 191; 243.
- хорошая — 13; 29; 30; 34; 48; 53; 54; 56; 58; 59; 72; 74; 77; 78; 90; 95 прим.; 112; 114; 118; 151; 156; 157; 163; 168; 169; 191; 192; 193; 195; 196; 197; 201; 204; 217; 234; 239; 243; 244; 250; 252; 263.
- целостная — 77; 90.

Материнская установка — 50; 61.*Мать*

- амбивалентность ее — 41.
- беременность ее — 42; 46.
- беспощадная — 47.
- взаимосвязь внутренней и внешней — 30; 32; 48.
- восстановление и оживление ее — 217.
- восхищение ею — 29; 36; 37.
- генитальная — 37.
- генитальные желания к — 11; 20; 34; 37; 54; 56; 57; 63; 215.
- депрессивная — 6.
- деструктивная — 30; 31; 248.
- жадная — 30; 31.
- желание дать ей детей — 35.
- желание занять ее место — 42; 60.
- желание сожрать ее, у ребенка — 31; 64; 251 прим.
- зависть к — 59; 60.
- идеализация — 14; 36; 38; 53.
- идеальная/идеализированная — 14; 30; 32.
- идентификация с ней — 43; 50; 60; 62; 63; 118.
- интернализация/интроверсия ее — 31; 38; 54; 61; 118; 144; 169; 203; 227; 239.

- интернализированная/интроверсированная — 29; 38; 64; 112; 119; 151; 204; 245.
- любимая — 32; 37; 43; 49; 124; 145; 210; 267.
- любимые и ненавидимые аспекты — 88.
- любовь ее — 7; 15; 77 прим.; 82 прим.; 106; 123; 217; 226; 235; 253.
- мать-гениталии — 13; 15.
- мать-грудь — 13; 15; 36; 37.
- мстящая — 38; 43; 45; 49; 59.
- невротичная — 41.
- ненависть к — 31; 37; 38; 41; 43; 48; 53; 62; 80; 88; 267; 275.
- опасная — 38; 39; 57; 251 прим.
- пенис внутри — 35; 59; 66; 212; плохой — 10–11; 12; 37.
- плохая — 13; 14; 15; 30; 33; 39; 47; 53; 54; 59; 169; 204; 207; 241; 244; 245; 246; 247; 248; 260; 265; 275.
- поврежденная — 13; 39; 44; 119; 204; 217.
- пожелание ее смерти — 48.
- пожирающая — 31; 38; 111; 112; 251 прим.
- преследующая — 47; 61; 80; 207; 244; 245; 267.
- привязанность к — 62; 66; 225.
- проекция орально-садистических импульсов на, у ребенка — 30; 38.
- проекция хороших переживаний и хороших частей Я в — 81.
- разрушенная — 44; 48; 124; 217.
- расщепление ее фигуры — 13; 15; 37; 72; 245; 260.
- ревность к — 12; 41; 42; 211.
- репрезентация в рисунках — 8; 9; 11; 15; 18; 30; 32 и прим.; 36; 37; 38; 48.
- садистические желания к — 43; 44.
- соперничество с — 42; 43; 48; 59.
- страх ее смерти — 63; 66.
- страх перед ней — 33; 38; 53; 260.
- страх потерять ее — 43; 48; 49;

- 210; 213; 253; 254.
 — суровая — 46; 47.
 — устрашающая — 145.
 — фаллическая — 66.
 — фиксация на — 36; 37.
 — Фрустрирование мальчика — 31; 38.
 — хорошая — 13; 15; 29; 30; 32; 37;
 38; 39; 43; 47; 49; 53; 54; 61; 124; 151;
 169; 204; 234; 239; 240; 243; 245; 246;
 247; 248; 260; 265; 267; 275.
 — целостная личность/объект — 79;
 118; 119; 144; 182; 200; 203; 227.
 — как Эго-идеал — 81.
- Мать: внутренняя часть ее* — 10;
 15; 211.
 — и внутренняя часть мальчика — 37; 57.
 — как опасное место — 11; 12; 37.
 — поврежденная, отравленная,
 ядовитая — 57.
 — страх перед — 37; 57.
- Мать: лицо ее* — 118 прим.; 236; 239;
 242; 266.
- Мать: тело ее* — 118 прим.; 198; 199;
 200; 202; 259.
 — атаки на — 35; 46; 57; 72; 79; 85;
 251 прим.
 — деструкция его — 259.
 — как источник всего хорошего — 58.
 — презентация его — 12; 45.
 — содержит пенис *отца* и детей — 59; 212.
 — стремление выкрасить его содержимое — 59; 72; 80 и прим.; 198; 211.
- Меланхолия* — 209; 227; 228.
 — и шизофрения — 93.
- Младенцы, внутри тела* — 35; 46;
 57; 58.
- Младенчество* — 14; 63; 64; 71; 72;
 83; 89; 139; 144; 145; 148; 151; 155;
 158; 170; 172; 173; 174; 175; 182; 184;
 196 прим.; 202; 213; 225; 246; 262; 265;
 266; 271; 275.
- Молоко, материнское* — 29; 58;
 113 прим.; 242; 247; 250; 258.
- Моча* — 55; 57; 192.
- Навязчивость* — 33; 45; 46; 87; 219.
 — механизмы — 86; 220; 221.
 — навязчивое повторение — 163; 170;
 178.
 — навязчивые черты — 40; 86; 219.
- Нагрузка* — 105.
- Нарциссизм* — 86; 93; 100; 107; 163;
 171; 172; 200 прим.; 244; 245 прим.
- Невроз* — 40; 47; 50; 205 прим.
 — выбор — 73.
 — инфантильный — 89; 145; 213; 214;
 215; 218; 219; 224; 225; 257 прим.
 — навязчивости — 41; 45; 86;
 221 и прим.
 — пищевой — 249 прим.
 — предрасположенность — 249 прим.
 — симптомы — 220.
 — страха — 106.
- Ненависть* — 12; 13; 14; 31; 34; 35;
 37; 41; 42; 43; 44; 45; 47; 48; 49; 53; 55;
 56; 62; 67; 74; 78; 80; 116; 117; 144; 146;
 156; 158; 169; 170; 173; 174; 191 и прим.;
 192; 202; 207; 216; 218; 224; 227; 229;
 239; 243; 260; 267; 275.
 — и любовь — 38; 72; 118; 120; 135;
 144; 148; 151; 163; 168; 169; 173; 175;
 177; 204; 230.
- Непослушание* — 40.
- Обида* — 12; 13; 43; 94; 121; 218; 224;
 241; 253; 257; 263.
- Обрезание* — 6; 31 прим.
- Объект*
 — внешний — 30; 33; 39; 48; 54; 72;
 75; 76; 82; 98; 100; 113; 114; 115; 117;
 123; 124; 125; 144; 151; 157; 169; 170; 171;
 173; 182; 184; 192; 194; 198; 200; 201;
 203; 204; 205; 207; 208; 210; 215; 221;
 223; 240; 246.

Объект (продолжение)

- внутренний — 30; 33; 39; 48; 53 прим.; 54; 59; 66; 72; 77; 81; 82 и прим.; 84; 87; 98; 112; 114; 115; 117; 124; 157; 168; 169; 170; 173; 182; 184; 192; 194; 199; 200; 201; 204; 205; 206; 207; 208; 210; 215; 216; 219 и прим.; 220; 221; 246.
- деструктивный — 31.
- защищающий — 32 прим.
- идеализация — 157; 158; 169; 202.
- идеализированный/идеальный — 53; 79; 81; 82; 84; 89; 148; 168; 169; 177; 201; 263.
- инкорпорирование — 77.
- интернализация/интроверсия — 32; 53; 54; 58; 64; 73; 74; 78; 81; 84; 85; 88; 90; 112; 114; 117; 168; 196; 197; 199; 208; 209.
- интернализированный/
интроверсированный — 77; 100; 144; 151; 158; 163; 171; 172; 182; 183; 184 и прим.; 191 и прим.; 192 прим.; 197; 202; 203; 210; 219 прим.; 220; 224.
- кастрирующий — 57.
- контроль над — 80; 84; 85 и прим.; 87; 194; 198; 201; 204; 205; 220; 257.
- любимый — см. *Объект любимый*
- могущественный — 75.
- ненависти — 38; 173; 203; 227.
- опасный — 32 прим.; 34; 38; 111; 115; 168; 251 прим.; 260.
- первичный — 52; 53 прим.; 72; 113; 114; 117; 127; 135; 139; 145; 146; 151; 156; 177 и прим.; 205; 213; 217; 241; 252; 253.
- плохой — см. *Объект плохой*
- поврежденный/раненый — 13; 55; 89; 118; 120; 195; 204; 205; 206; 207; 210; 216.
- пожираемый — 112.
- пожирающий — 31; 111; 112; 237; 251 прим.
- помогающий — 112; 192.

— потеря — 97; 267.

- преследующий — 53; 78; 79; 108; 115; 120; 168; 177; 192; 193; 194; 199; 201; 215; 219 и прим.; 223; 229.
- пугающий — 53; 108; 194.
- разочаровывающий — 249.
- расщепление — 72; 76—85; 98; 99; 117; 191; 194; 196; 205.
- как репрезентация части Я — 86.
- синтез — 196.
- удовлетворяющий — 192; 193.
- умерший — 205.
- фиксация на раннем — 52.
- фрустрирующий — 78; 193; 194.
- хороший — см. *Объект хороший*
- целостный — 73; 88; 90; 117; 119; 170; 182; 195 прим.; 203; 204; 205; 206; 208; 211; 212; 214; 229.
- частичный — 52 прим.; 53 прим.; 115; 118; 182; 190; 192 прим.; 195 и прим.; 211.
- Объект любимый** — 14; 15; 33; 37; 38; 43; 49; 53; 55; 57; 58; 65; 66; 81; 86; 88; 89; 101; 108; 114; 117; 118; 119; 120; 135; 139; 144; 145; 146; 151; 157; 173; 183; 195; 200; 203; 204; 205; 206; 207; 209; 210; 213; 218; 227; 230; 252; 264.
- потеря — 135; 170; 210; 234; 249; 253.
- Объект плохой** — 74; 79; 82 прим.; 83 прим.; 114; 117; 120; 121; 135; 144; 156; 157; 158; 163; 168; 169; 177; 183; 191; 193; 202; 203; 206; 212; 220; 227; 245; 264.
- Объект хороший** — 13; 43; 47; 56; 59; 60; 77; 78; 79; 81; 82 и прим.; 83 прим.; 84; 90; 95 прим.; 108; 114; 117; 124; 135; 144; 148; 156; 157; 158; 163; 168; 169; 171; 177; 183; 191; 193; 196; 197; 199; 201; 202; 203; 206; 207; 208; 210; 212; 217; 219; 227; 240; 241; 245; 264.
- восстановление — 18.
- обеспокоенность за — 14.
- повреждение — 117.
- потеря — 151; 250; 253.

- Объектные отношения** — 55; 64; 67; 72; 73; 74; 79; 80; 82; 83; 87; 89; 91; 96; 117; 118; 144; 145; 146; 152; 156; 157; 158; 163; 167; 168; 169 и прим.; 170; 171; 172 и прим.; 173; 174; 175; 176; 177; 178; 181; 182; 189; 190; 201; 202; 203; 213; 214; 215; 217; 218; 219; 220 прим.; 227; 229; 230; 235; 236; 238; 240; 241; 242; 246; 253; 263; 265; 266.
- агрессивные — 80.
  - и идентификация — 81.
  - нарциссические элементы — 93.
  - и перенос — 178.
  - шизоидные — 86–88; 98.
- Одиночество** — 246.
- страх его — 240.
  - чувство — 87.
- Опрятность**
- навыки — 215; нарушение — 219; приобретение — 219; 220; 221 и прим.
  - приучение к — 41; 221 прим.
- Оральная позиция** — 48.
- Оральная стадия/фаза** — 13; 35; 64; 227.
- Орально-либидинозные импульсы** — 190.
- Орально-садистические желания/импульсы/тенденции** — 12; 14; 15; 17; 18; 30; 31; 33; 34; 35; 37; 38; 42; 51; 56; 64; 72; 76–77; 190; 192; 197; 198 и прим.; 213.
- Оральные импульсы/желания** — 52; 54; 56; 66; 79; 80; 170; 171; 176; 203; 211; 212; 215; 217; 223.
- Отец** — 169 и прим.; 253.
- агрессия/ненависть к, у мальчика — 34; 65.
  - гениталии — 8; 11; 18; 20; 29; 34; 44; см. также *Пенис отца*
  - генитальные желания к, у ребенка — 54; 65.
  - желание кастрировать его,
- у мальчика — 34; 56; 64; 65.
  - желание получить ребенка от,
  - у девочки — 42; 50; 60; 63; 66.
  - жестокость — 43.
  - идентификация с — 172;
  - у девочки — 60.
  - интернализированный — 29; 31; 37; 47 прим.; 60; 61; 112; 119.
  - любовь к, у девочки — 50;
  - у мальчика — 19; 21; 65.
  - ненависть/неприязнь к,
  - у девочки — 41; 43; 49; 50.
  - как объект либидинозных желаний сына — 65.
  - опасный — 17.
  - как опасный внутренний объект — 32 прим.
  - плохой — 12; 16; 20; 31; 33; 37; 38; 39; 43; 44; 54; 57; 60.
  - преследующий — 28; 245.
  - приравнивание к фекалиям — 21; 38.
  - содержащий грудь матери — 212.
  - соперничество с, девочки — 45;
  - мальчика — 14; 18; 20; 56; 65.
  - страх к нему — 16; 33; 44; 46; 56; 57; 66; 111; 112.
  - хороший — 14; 39; 47 прим.; 49; 54; 56; 57; 58; 60; 61; 65.
  - как целостная личность/объект — 118; 119; 203; 213.
- Отлучение**
- от бутылочки — 41; 48.
  - от груди — 89; 135; 143; 144; 151; 157; 200 прим.; 204 прим.; 214; 248; 249 и прим.; 250; 251; 252; 253; 264; 265.
- Отмена** — 221 прим.
- Отрицание** — 12; 29; 30; 72; 78; 79; 124; 125; 157; 168; 194; 201; 204; 205; 220.
- Отыгрывание** — 177.
- Паранойя** — 72; 85 и прим.; 100; 101; 251 прим.; 266.
- Параноидная личность** — 115.

- Параноидная позиция* — 72 и прим.; 189 прим.
- Параноидно-шизоидная позиция* — 72 прим.; 73; 88; 89; 90; 98; 100; 117; 135; 143; 157; 168; 189—202; 205; 208; 211; 220; 222; 229; 241; 246; 265; 266.
 — и депрессивная позиция — 88—90; 93; 98.
- Параноидные механизмы* — 71; 241.
- Паратимия* — 228.
- Пенис* — 16 прим.; 57; 58; 170.
 — агрессивнее аспекты — 35.
 — бессознательное знание о — 54; 64; 66.
 — = грудь — 54; 211 прим.
 — как деструктивный орган — 35; 37; 55.
 — желание иметь/получить, у девочки — 60; 62; 63.
 — женщина с — 212.
 — зависть к — 43; 44; 49; 60; 66.
 — клитор как — 62.
 — = опасные фекалии — 57.
 — = ребенок — 34; 63; 66.
 — репаративные и креативные качества — 58.
 — страх/тревога по поводу — 57; 64—65; 85.
- Пенис отца* — 19; 44; 45; 50; 52 и прим.; 54; 57; 59; 60; 64; 115; 169 прим.; 212.
 — генитальное желание к — 211; 212.
 — и грудь матери — 52 прим.; 53; 56; 170; 211.
 — деструктивный — 34.
 — = дети — 59; 212.
 — желание его, у девочки — 49; 50; 58; 59; 66.
 — желание его, у мальчика — 21 прим.; 54.
 — желание откусить его, у мальчика — 34; 56; 64.
 — интроекция/интернализация его — 54; 60; 212.
- как кастрирующий объект — 57.
 — контейнирование его — 58.
 — как кусающий/пожирающий объект — 34; 43; 45; 112.
 — ненависть к — 35; 49.
 — орально-садистические импульсы к — 34; 56.
 — как основа Супер-Эго — 54; 60; 112.
 — плохой — 11; 29; 34; 54; 57; 115; 212; 215.
 — садистические атаки на — 57.
 — страх перед — 11; 34; 43; 112.
 — = фекалии — 212.
 — хорошие и продуктивные качества — 34.
 — хороший — 54; 56; 58; 112; 212.
 — как ядовитый объект — 34.
- Первичная сцена* — 44.
- Перенос* — 12; 13; 33; 85 прим.; 96; 148; 152; 227.
 — анализ — 135; 139; 148; 151; 174; 175; 176; 178.
 — источники — 163; 167—178.
 — негативный — 135; 139; 148; 151; 163; 173; 174; 175; 176; 227.
 — и объектные отношения — 178.
 — позитивный — 135; 147; 148; 151; 163; 173; 174; 175; 227.
- Персекуторная позиция* — 89.
- Персекуторные переживания* — 145.
- Печаль* — 47; 65; 208; 248; 256.
- Пища* — 31; 90; 204 прим.; 217; 234; 235; 236; 237; 240; 241; 242; 243; 250; 251; 252 и прим.; 253; 258; 266.
 — приучение к твердой — 41.
 — проблемы с — 40; 41; 200 прим.; 204; 225; 238; 242; 249; 251.
- Подозрение* — 11; 28; 32; 183; 227.
- Полет идей* — 93.
- Потенция* — 17; 18; 58; 59; 80; 85; 146; 152.

- Потеря, переживание* — 97; 147; 152; 193; 249 прим.; 250; 253; 255.
- Предсознательное* — 97.
- Преследования, переживание* — 152; 156; 157; 168; 183; 190; 193; 194; 229; 275.
- Преследующие фигуры/преследователь* — 28; 29; 31; 33; 34; 37; 47; 49; 57; 76; 80; 82; 84; 86; 98; 111; 115; 116; 120; 121; 135; 148; 163; 175; 192; 193; 199; 219; 239.
- Привязанность* — 62; 171; 225; 239.
- Проективная идентификация* — 80; 83 прим.; 84; 85 и прим.; 199.
- Проекция* — 30; 38; 54; 72; 76; 78; 80 и прим.; 81; 83; 84; 86; 87; 98; 99; 100; 108; 111; 113; 114; 115; 126; 156; 157; 158; 163; 168; 169; 170; 175; 181; 182; 183; 184; 191; 192; 198; 199; 201; 202; 206; 208; 217; 218; 224; 229; 249 прим.; 251 прим.
- Психоз/психотическое расстройство* — 71; 73; 80; 100; 101; 192 прим.
- выбор — 73.
- психотики — 85; 86 прим.; 214.
- Разъединение*
- инстинктов — 100; 184; 198.
- Рассеивание* — 76; 77; 95; 97.
- Расщепление* — 13; 15; 30; 72; 76; 77; 78 и прим.; 79; 82; 83 и прим.; 84; 86 и прим.; 87; 88; 93; 94; 95; 96; 97; 98; 99; 100; 101; 117; 118; 120; 148; 157; 158; 168; 177; 182; 191; 194; 195; 196; 198; 201; 202; 204; 205; 207 и прим.; 208; 220; 222; 227; 245; 260; 265; 275.
- Рационализация* — 99.
- Реактивные образования* — 221 прим.
- Реальности чувства* — 80 прим.; 81 прим.; 146; 202; 207.
- Реальность внешняя/внешний мир* — 31; 32; 54; 61; 80; 88; 89; 99; 100; 113; 114; 125; 144; 156; 163; 169; 170; 181; 194; 199; 206; 207; 217; 220; 256; 257.
- адаптация к — 77 прим.; 89; 144; 170; 207; 208; 220; 221.
- враждебный — 84.
- опасный — 84.
- отношение к — 84; 87; 99; 151; 152; 184; 189; 200; 202; 203; 208; 220 прим.; 224; 238.
- отрицание — 72.
- и психическая реальность/внутренний мир — 97; 125; 183; 203.
- тестирование — 135; 139; 144; 147; 151; 210; 256.
- уход от — 246.
- Реальность, психическая (внутренняя)/внутренний мир* — 21; 30; 32; 53; 59; 60; 61; 67; 87; 88; 99; 125; 144; 169; 183; 199; 204; 205; 206; 210; 212; 217; 223; 239; 240; 257; 263.
- адаптация к — 207.
- болезненная — 119.
- и внешняя реальность/внешний мир — 97; 125; 183; 203.
- враждебный — 84.
- отношение к — 84; 152; 200; 208; 224.
- отрицание — 30; 72; 79.
- уход во — 84.
- Ревность* — 12; 14; 32; 34; 35; 41; 42; 169 прим.; 176; 211; 212; 213 и прим.; 216.
- Регрессия* — 13; 14; 16; 35; 37; 43; 51; 58; 83; 89; 96; 98; 205 и прим.; 208; 216; 219; 225; 266.
- Реинтроекция* — 85; 199; 201; 206.
- Репарация* — 35; 45; 55; 58; 120; 122; 145; 200; 207; 218; 221 прим.
- и вина — 120; 144.
- желание ее/побуждения к — 19; 55; 88; 118; 120; 144; 183; 195; 204; 206; 208; 216; 217; 218; 221.

- Репарация** (продолжение)
 — репаративные способности — 207; 216; 217; 218.
 — репаративные тенденции — 39; 87; 117; 119; 122; 127; 135; 157; 170; 206; 216; 217; 220 прим.; 271.
- Репроекция** — 201.
- Речь** — 93.
 — развитие — 215; 257.
- Родители**
 — генитальные желания к — 215.
 — грубые — 47.
 — и жадность младенца — 212.
 — желание разлучить их, у мальчика — 20.
 — идентификация с — 172.
 — интернализированные/интровертированные — 223; преследующие — 47; тревоги по поводу — 28—33; 37; 216; 223.
 — комбинированная фигура — 31; 176; 212 и прим.; 213.
 — ненависть к, у девочки — 40.
 — отношение(я) к(с) — 54; 215; амбивалентное — 54; измененное — 41; интегрированное — 213 прим.; надежные — 223; нарушения в — 219; ранние — 42—44; реалистичное — 213; устойчивое — 217; улучшение — 50; хорошие — 125; 250.
 — плохие внутренние и внешние — 31.
 — пугающие и опасные аспекты — 227.
 — ребенок делит спальню с ними — 41; 42.
 — репрезентация их в игре — 9.
 — садистические атаки на — 53.
 — сексуальный акт, их — 11; 43; 44; 46; 212; 213 прим.; наблюдение его ребенком — 41; 42; репрезентация его в игре — 11; 17.
 — эдиповы желания к — 42; 213.
- Рождения, опыт** — 143; 156; 168; 189; 190 прим.; 193; 234; 261.
- Садизм** — 77; 111; 126; 198 и прим.; 219 прим.; 229; 230; 250 прим.
- Садистические импульсы/желания** — 39; 43; 46; 55; 108; 124; 144; 145; 156; 230.
- Сексуальность**
 — инфантильная — 107; 126.
- Сексуальный акт** — 13; 18; 19; 43; 44; 46; 58; 213 прим.
 — желание иметь с матерью, у мальчика — 16; 20; 21.
 — наблюдение ребенком — 41; 42.
 — символизация в столкновении — 11; 17.
 — страх его деструктивности — 11.
 — ужас по поводу — 12.
- Символообразование** — 170; 218 и прим.; 246; 259; 260 прим.
- Синтез** — 73; 88; 89; 91; 96; 97; 105; 118; 120; 135; 139; 148; 151; 157; 169; 177; 194; 195; 196; 200; 203; 204; 205; 207; 217; 221; 223; 225; 229; 249; 264.
- Скорбь** — 73; 88; 135; 139; 144; 145; 146; 147; 151; 152; 206; 208; 209; 210; 228; 256; 265; 267.
- Слияние**
 — агрессивных и либидинозных желаний — 79.
 — инстинктов — 109; 126; 127; 184; 190; 195 прим.; 197; 198; 224; 261.
 — младенца с матерью, при сосании груди — 228.
- Смерти, инстинкт (влечение)** — 75; 76 и прим.; 78; 100; 106; 109; 110; 111; 112; 113; 115; 120; 124; 126; 127; 143; 156; 167; 175; 181; 182; 184; 189; 190 и прим.; 195; 197; 199; 224; 226; 261.
 — плохая грудь как репрезентант — 114; 115.
- Смерть** — 10; 33; 39; 48; 49; 65; 66; 106; 110; 112; 210.

Смешение

- влечений — 109 прим.
- генитальных желаний с дагенитальными — 54; 63; 66.
- маскулинной идентификации с отцом с феминной установкой, у девочки — 60.
- персекуторной и депрессивной тревог — 145.
- родительских фигур в одну — 176.

Сновидение — 91; 92; 95; 96.*Совесть* — 115; 116 и прим.

Сознание — 97; 110; 196 и прим.; 203; 221; 222; 223.

Сон

- и бодрствование — 78 прим.
- всхлипывания во время — 248; 249.
- нарушения — 244; 246; 247; 248 и прим.; 266.
- ритуалы отхода ко сну — 45; 46; 219; 255.

Соперничество — 20; 42; 43; 45; 48; 56; 59; 65; 169 прим.; 213; 216.

Сопротивление — 10; 11; 28; 91; 92; 93.

Сосание — 228; 235 и прим.; 236; 238; 244; 250; 265.

- «вампироподобное» — 198 прим.; 199.
- пальца — 244; 265.
- удовлетворение от — 192; 197; 225; 234; 237.

Сосок — 77; 236; 237 и прим.; 238; 244; 263.

— интроверсия его — 198.

Спальня родителей — 41; 42; 46.

Страх — 10; 12; 13; 15; 17; 20; 21; 33 прим.; 34; 35; 37; 39; 45; 47; 49; 58; 85 прим.; 105; 106; 107; 111; 113; 116 и прим.; 123 и прим.; 125; 146; 220; 245; 248; 260; 267; 275.

— и агрессия — 34.

- перед своей агрессией/деструктивностью — 12; 35; 38; 114.
- что атаке подвергается пенис — 85.
- быть атакованным — 14; 45; 46; 59; 66; 145; изнутри — 57.
- перед внутренней частью матери — 37.
- о внутренней части собственного тела — 57; 59; 145.
- воздушных налетов — 10; 33.
- возмездия — 86 прим.; 87; 156; 168.
- врачей и операций — 31 прим.
- груди, плохой — 34; 49; 53; преследующей — 78; 192.
- деструктивного импульса — 75; 76.
- детей — 6; 34.
- жадности объекта — 192.
- жестокой материнской фигуры — 46.
- быть заключенным внутри матери — 85.
- интроверсии опасного внешнего мира — 84.
- ипохондрический — 6; 38.
- кастрации — см. *Кастрационный страх*
- быть контролируемым — 84; 85.
- матери — 38; плохой — 33; 53; 260.
- микробов — 28.
- нападения на внутреннюю часть тела — 145.
- невротический — 106; 122.
- незнакомцев — 241; 248.
- неконтролируемого могущественного объекта — 75.
- одиночества — 240.
- быть отравленным — 28; 29; 72; 145; 251 и прим.
- отца, кастрирующего — 56; плохого — 16; 33.
- параноидный — 28; 29.
- пениса отца — 11; 34; 43; 49; 112.
- плохих гениталий отца — 44.
- плохих объектов — 114; 157; 202.
- потери — 94; 95 прим.; 123; 124;

Страх (продолжение)

— потери, любви — 66; 106; 116; 123; любимых объектов — 55; 88; 89; матери — 43; 48; 49; 210; 213; 253; 254; способности любить — 81.
 — преследования/персекutorialный — 28; 29; 31; 33; 34; 38; 42; 47; 49; 57; 61; 72; 73; 74; 75; 78; 79; 82; 83; 84; 85 и прим.; 89; 98; 113 прим.; 115; 145; 192; 193; 196; 199; 208; 215; 219 и прим.; 247; 251; 275.
 — разрушения объекта — 87; 95 прим.
 — расставания — 87.
 — реальный — 122.
 — родителей — 31.
 — сексуального акта — 11.
 — смерти — 33; 39; 75; 86 прим.; 109; 110; 111; 112; 143; 181; 226; матери — 63; 66.
 — быть сожранным — 72; 111; 139; 145; 251.

— перед Супер-Эго — 112.
 — уничтожения — 111; 112; 113; 115; 143; 167; 181; 189; 226.

Сублимация — 60; 82 прим.; 89; 183; 206; 208; 215; 216; 217; 218; 220 прим.; 246; 263; 265.

Суицид — 91.

Супер-Эго/Сверх-Я — 21; 46; 47; 62; 64; 108; 112; 116 и прим.; 121; 144; 148; 175; 184 и прим.; 185; 191 прим.; 206; 221; 222; 224.

— и агрессия — 107 и прим.
 — грубость — 47.
 — грудь матери, как основа — 64; 112; 114; 163; 169; 197; 201.
 — девочки — 47 прим.; 60; 63.
 — жестокое и беспощадное — 45.
 — интеграция — 47.
 — интеграция/синтез — 221; 223.
 — мальчика — 62.
 — пенис отца, как основа — 112.
 — развитие — 45—47; 47 прим.; 54; 67; 72; 115; 116; 155; 158; 184; 202; 227.

— раннее — 122; 126; 197; 203.
 — репрезентации в игре — 46.
 — родительское — 20.
 — роль интернализированного отца — 47 прим.
 — страх перед — 112.
 — суровость — 50; 107 прим.
 — и Эго — 62; 75; 206; 223; 224; 227; 228.
 — и эдипов комплекс — 63; 116; 155; 184.
 — ядро его — 54; 114; 156; 163; 169; 191 прим.; 201.

Сфинктерная мораль
(К. Абрахам) — 116.

Счастье — 59; 91; 169 прим.; 196; 239; 262.

Торможение — 6; 34; 35; 40; 46; 107; 108; 113 прим.; 158; 191; 200 и прим.; 202; 204; 219; 222; 235; 238; 240; 246; 252; 276.

Тоска — 193; 228; 249.

Травма рождения — 75.

См. также *Рождение, опыт*

Тревога(и) — 7; 9; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 28; 29; 32; 33 и прим.; 36; 37; 39; 40; 42; 44; 45; 46; 51; 52 и прим.; 54; 55; 57; 58; 59; 60; 67; 72; 74; 75; 77; 78; 81; 84; 85; 88; 89; 90; 94; 95; 96; 97; 98; 99; 100; 105; 106; 107; 108; 109; 110; 111; 112; 113; 114; 123 и прим.; 124 и прим.; 125; 126 и прим.; 127; 143; 145; 146; 148; 151; 156; 157; 158; 167; 168; 169; 170; 171; 172; 173; 174; 177 и прим.; 181; 184; 189; 190; 192 прим.; 193; 195; 196 прим.; 197; 201; 203; 205; 206; 213 и прим.; 214; 216; 217; 218 и прим.; 220; 221 и прим.; 223; 224; 226; 227; 230; 236; 237; 238; 240; 243; 245; 246; 249 и прим.; 250 прим.; 251; 254; 261; 262; 265; 267; 271; 276.
 — и агрессивность/агgression — 12; 42; 52; 115; 126.

- анальные /аналльно-садистические — 35; 219; 220.
- борьба с — 14; 75; 76; 119; 208; 237; 265.
- быть разрушенным изнутри — 76.
- и вина — 108; 115; 116 и прим.; 122.
- девочек /женщин — 49; 59; 61; 63; 66; 106; 139; 145.
- депрессивная — 30; 42; 47–50; 89; 93; 95 прим.; 117; 118; 119; 120; 121; 122 и прим.; 125; 135; 139; 143; 144; 145; 146; 147; 148; 151; 152; 157; 158; 163; 167; 168; 169; 178; 183; 189; 190 и прим.; 191; 192; 193; 194; 195; 198; 199; 200 и прим.; 201; 202; 204; 205; 207; 208; 210; 213; 214; 215 и прим.; 216; 217; 219 и прим.; 220; 222; 223; 224; 225; 227; 228; 229; 230; 234; 235; 237; 239; 240; 241; 245; 246; 248; 251; 252; 253; 256; 257 прим.; 259; 260; 262; 264; 265; 266; 267.
- из-за прерывания анализа — 10.
- психотические — 71; 82 прим.; 212; 214; 215; 221.
- разлуки — 75.
- ранние /первичная — 7; 9; 10; 43; 51; 57; 65; 71; 75; 76; 110 и прим.; 113; 116; 124; 125; 135; 147; 156; 158; 163; 167; 192 прим.; 210; 215; 216; 222; 239; 245; 250.
- ранние ситуации — 5; 51; 89; 108; 110; 111; 135; 158; 170; 178; 219; 227.
- скрытая — 95; 96–97.
- способность переносить /справляться с — 43; 75 прим.; 181; 183; 197; 201; 202; 220; 236; 261; 262.
- уретральные /уретрально-садистические — 32 прим.; 35; 219; 220.
- и фиксация — 216.
- фобические — 241; 245.
- шизоидные — 71.
- Ужас** — 12; 13; 37; 43; 46; 243.
- Уретрально-садистические импульсы** — 34; 192.
- Уретральные желания /импульсы /тенденции** — 32 прим.; 56; 63; 79; 80; 203; 215; 217; 223; 229.
- Установка** — 6; 34; 36; 50; 56; 63; 90; 92; 93; 122 прим.; 152; 178; 234; 238; 239; 246; 253; 258; 260; 261; 262; 277.
- к матери /женщинам — 37; 67; 266.
- материнская — 50; 61.
- к материнской груди — 53.
- 86 прим.; 113; 115; 117; 119; 120; 121; 122

- Установка (продолжение)**
- к младенцам — 35.
  - негативная — 87.
  - к отцу — 67.
  - к пенису отца — 34.
  - к пище/сосанию — 234; 235; 240; 249; 251; 252 и прим.; 266.
  - феминная — 60; 254.
  - к Фрустрации — 207; 208; 241.
- Фаллическая фаза** — 16 прим.; 62; 64.
- Фаллос** — 62.
- Фантазия(и)** — 14; 18; 19; 32 прим.; 34; 39; 45; 50; 52; 53 прим.; 56; 58; 59; 63; 64; 77; 80 прим.; 95; 119; 125; 146; 147; 156; 158; 163; 167; 169 и прим.; 170; 171; 173; 175; 176; 177 прим.; 178; 182; 183; 192; 198; 199; 202; 203; 212; 214; 215; 218 и прим.; 220 прим.; 221 прим.; 222; 223; 224; 229; 239; 246; 249 прим.; 261; 271.
- агрессивные — 46; 47; 53; 79; 108; 109; 115; 221; 229.
  - об атаках на тело матери — 57; 85; 251 прим.
  - быть расчлененным, распотрошенным, разорванным на кусочки — 86 прим.
  - о внутренней части матери — 11.
  - о внутреннем разрушении — 99.
  - втиснуть всего себя внутрь объекта — 85 прим.
  - давать младенцев матери — 33; 35.
  - о деструкции матери со стороны плохого отца — 12.
  - каннибалистические — 198 прим.
  - о копуляции — 57.
  - либидинозные — 206; 229.
  - что мать полюбит мальчика как мужчину — 17.
  - что мать содержит деструктивные гениталии отца — 11.
  - о «мировой катастрофе» — 100.
- о насильственном вторжении в объект — 84—85.
  - об оплодотворении — 217.
  - о пожирании и вычерпывании тела матери — 198.
  - о пожирании и отравлении груди — 251.
  - о разрушенной матери — 44.
  - о расщеплении объекта — 77.
  - репаративные — 55.
  - садистические/деструктивные — 43; 44; 47; 55; 57; 77; 108; 109; 126; 156; 192; 198; 206.
  - о сексуальном акте с матерью — 21.
- Фантазийная жизнь/деятельность** — 64; 77; 146; 147; 158; 178; 182; 202; 218 и прим.; 220 прим.; 239; 246; 249 прим.
- Фекалии** — 21; 38; 55; 57; 192; 220; 221.
- и пенис — 57; 212.
- См. также Экскременты**
- Феминная позиция** — 34; 43; 50; 56; 57; 60; 216.
- Фиксация** — 16; 35; 37; 51; 52; 71; 73; 89; 100; 216; 225; 227; 228; 251 прим.; 266.
- на dementia praecox — 100.
  - на матери — 36; 37.
- Фобия** — 106; 215; 218; 219; 245; 246; 248.
- воров, пауков, вторжения во время войны — 86 прим.
  - детей — 11; 35.
  - животных — 41; 43.
- Фригидность** — 85 прим.
- Фрустрация** — 12; 13; 31; 38; 42; 43; 49; 52; 53; 60; 66; 75; 77; 78; 81; 87; 94; 107; 110; 113; 115; 121; 156; 168; 176; 183; 190; 191; 192; 194; 197; 205; 207; 208; 211; 212; 236; 239; 241; 243; 248; 249 прим.; 253; 257; 263; 265; 275; 276.
- неспособность переносить — 40; 42; 197.

- Характер** — 7; 234 и прим.; 235 прим.
- Хольба** — 256; 257.
- Шизоидная личность** — 74; 86; 93; 96; 97; 196 прим.
- шизоидные черты — 89; 92; 94.
- Шизоидная позиция (Фэрбэрн)** — 72 прим.; 74; 89; 189 прим.
- Шизоидное поведение** — 74.
- Шизоидные механизмы** — 71; 74; 79; 83; 89; 92; 95; 96; 97; 98; 99; 157; 196 и прим.; 208; 222; 241; 246; 261.
- Шизоидные состояния** — 82; 83 прим.; 97.
- Шизофрения** — 72; 73; 74; 76; 79; 81 прим.; 83 и прим.; 84; 85 прим.; 89; 91; 93; 97; 98; 100; 101; 110 прим.; 158; 174; 205 прим.; 266.
- и истерия — 74.
  - и маниакально-депрессивные расстройства — 93; 98.
  - и меланхолия — 93.
- Эго/Я** — 21; 47; 54; 71; 72; 75; 80; 82 и прим.; 85; 87; 89; 95 и прим.; 96; 100; 108; 112; 114; 115; 120; 145; 146; 147; 155; 156; 171; 175; 176; 177; 178; 181; 182; 183; 184 и прим.; 185; 191 прим.; 201; 202; 203; 204; 207; 208; 209; 214; 218; 219 и прим.; 221; 223; 224; 230; 241; 257; 261 прим.; 265; 266.
- агрессивная часть — 86.
  - и агрессивные/деструктивные импульсы — 113; 114; 120; 200; 204.
  - дезинтеграция — 83; 86 прим.; 99; 196; 222.
  - и защиты — 15; 16; 51; 72; 76; 78; 109; 114; 119; 125; 146; 204; 205; 220; 222 прим.; 241; 251; 257.
  - и Ид — 75; 181–185.
  - и инстинкт жизни — 181; 182; 195.
  - интеграция — 77; 81; 84; 88; 89; 118; 121; 135; 144; 148; 155; 157; 158; 169; 170; 181; 182; 183; 191; 194; 195; 196; 200; 201; 202; 203; 204; 205; 208; 217; 221; 222; 227; 251; 257; 275.
  - контроль над объектами — 205.
  - и материнская грудь — 74; 77; 114; 194; 196.
  - и навязчивость — 221.
  - и объект — 74; 76; 84; 95; 114; 182; 198; 221 прим.
  - отрицание части — 79.
  - плохие части — 80.
  - раннее/младенца — 52; 76; 100; 118; 181; 194.
  - распад на кусочки — 76; 82; 100; 196.
  - и расщепление — 76; 77; 79; 82; 84; 86; 88; 95; 98; 99; 100; 101; 196; 198; 205; 208; 222.
  - и репарация — 200.
  - связанность — 75 и прим.; 76; 77; 81; 261.
  - сила — 125; 147; 197; 200; 224; 236; 264.
  - способность переносить напряжения — 51; 75 прим.
  - и страх — 105.
  - и Супер-Эго — 62; 75; 206; 223; 224; 227; 228.
  - и тревога — 78; 114; 117; 125; 135; 139; 144; 145; 151; 181; 183; 197; 201; 202; 204; 205; 206; 208; 219; 220; 221; 222; 236; 261; 265.
  - и фruстрация — 197; 205; 236.
  - хорошие части — 81.
  - Эго-идеал — 81; 86; 172.
- Эдипов комплекс** — 5, 50; 51 и прим.; 52; 55; 61; 62; 63; 67; 72; 126; 145; 262.
- и вины — 63; 64; 65; 106; 107.
  - вытеснение — 65.
  - девочки — 51 прим.; 54; 58; 63; 66.
  - и депрессивная позиция — 170.
  - инвертированный — 50; 53; 54; 56; 59; 63; 65; 66; 210; 211; 213; 216.
  - и кастрационный комплекс — 63.

Эдипов комплекс (продолжение)
— концепция — 61–66.
— мальчика — 54; 228.
— позитивный/прямой — 49; 50; 53; 54; 63; 65; 66; 210; 211; 213; 216.
— ранние стадии — 51–55; 56; 169 прим.; 176; 211; 212; 213; 215; 253.
— и Супер-Эго — 54; 63; 116; 155; 184; 223.

Эдипов конфликт — 19; 65; 217.

Эдипова ситуация — 61; 62; 63; 212; 215; 217; 254.
— девочки — 42; 43; 48; 49; 50; 60; 62; 63.
— инвертированная — 34; 43; 49.
— мальчика — 19; 34; 35; 65; 66.
— позитивная — 19; 34; 35; 43; 60; 63.
— ранняя — 56; 254.

Эдипово развитие — 5; 51; 61; 211 прим.; 212; 223.
— девочки — 39–50; 58–61.
— мальчика — 5–39; 56–58.
— и ранние тревоги — 10–12; 47–50.

Эдиповы желания/переживания/тенденции — 39; 42; 43; 44; 50; 56; 63; 66; 213.
— вытеснение их — 14; 16–21; 65; 223.

Экскременты — 72; 80; 81; 220; 221.
— деструктивные качества — 111; 198.
— хорошие — 55.
— ядовитые и опасные — 55; 57; 219 прим.; 251 прим.

См. также **Фекалии**

Я — см. Эго

Ярость — 47.

Научное издание

Мелани Кляйн

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
Том 5

Перевод с английского

Научные редакторы
С.Ф. Сироткин, М.Л. Мельникова

Корректоры А.В. Бекмачева, Н.Н. Рогозина
Дизайн обложки К.А. Зеленина
Компьютерная верстка М.С. Селиверстовой

ООО Издательский дом «ERGO»
www.ergo-izhevsk.ru
E-mail: office@ergo-izhevsk.ru

Сдано в производство 26.05.09. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Гарнитура Academy.
Заказ № 935.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.
КнигоГрад — типография.
426034 г. Ижевск, ул. Коммунаров, 287
издательство-типография.рф

Отпечатано в России
ISBN 978-5-98904-054-4

- Том 1. «РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА»
И ДРУГИЕ РАБОТЫ 1920—1928 гг.
- Том 2. «ЛЮБОВЬ, ВИНА И РЕПАРАЦИЯ»
И ДРУГИЕ РАБОТЫ 1929—1942 гг.
- Том 3. «ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТЕЙ».
- Том 4. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ДИСКУССИЙ
1942—1944 гг.
- Том 5. «ЭДИПОВ КОМПЛЕКС В СВЕТЕ
РАННИХ ТРЕВОГ» И ДРУГИЕ
РАБОТЫ 1945—1952 гг.
- Том 6. «ЗАВИСТЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ»
И ДРУГИЕ РАБОТЫ 1955—1963 гг.
- Том 7. «ОТЧЕТ ОБ АНАЛИЗЕ РЕБЕНКА»

Издательский дом «ERGO»